НОВАЯ ПОЛЬША

№1 (82) 2007

ПОСЛЕДНЯЯ БЕСЕДА С ЮРИЕМ ЛЕВАДОЙ

Станислав Баранчак — ученый, поэт и феномен

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАГАДКА КАТЫНИ

Рышард Капустинский о Мариане Брандысе

Вацлав Завадский, или как быть издателем

Династии ученых: Кульчинские

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.novpol.ru

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 1(82)
2007
январь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Ирена Левандовская 3
МЫ ВСЕГДА МОГЛИ РАССЧИТЫВАТЬ НА НЕГО

КОГДА БЫЛИ СОБЫТИЯ, МЫ РАЗ ЗА РАЗОМ ОБСУЖДАЛИ ПОЛЬШУ 4
Последнее интервью Юрия Левады

ПОЛЬСКИМ ГУМАНИТАРИЯМ НЕ НАДО БЫЛО ОБЪЯСНЯТЬ, КТО ТАКОЙ ЮРИЙ ЛЕВАДА 10
Беседа с Зигмунтом Бердыховским

Виктор Кулерский 11
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Адам Гжешак 18
НОВОНАЖИТЫЕ СОСТОЯНИЯ

Тадеуш Нычек 23
СТАНИСЛАВ БАРАНЧАК: МЕЩАНСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

Станислав Баранчак 27
СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

НЕ ОБИЖАТЬСЯ НА ТОЛПУ 34
Беседа со Станиславом Баранчаком

Марек Карпинский 41
ВИННИ-ПУХ, КОТОРЫЙ ИЗМЕНИЛ МИР

Вацлав Завадский 44
БОРЬБА С «РЕЙТАПОМ»

Мариан Брандыс 47
ПО ДВЕ СТОРОНЫ ДВЕРИ

Рышард Капустинский 52
...О МАРИАНЕ БРАНДЫСЕ

Славомир Поповский 54
В ПАМЯТЬ О ДРУГЕ

Геннадий Жаворонков 55
КАТЫНСКИЙ ЛЕС НАЧИНАЕТ ГОВОРИТЬ

Ежи Помяновский 60
ПОСЛЕДНЯЯ ЗАГАДКА КАТЫНИ

Я БЛАГОДАРНА ПОЛЬШЕ 64
Беседа с Идой Гендель

Алексей Топунов 66
СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Янина Куманецкая 70
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Иоанна Арашкевич 74
НОВОСТИ МУЗЫКАЛЬНЫХ ЗАПИСЕЙ

ПОЛЬСКИЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ ПЕРЕВОДИТ МАНДЕЛЬШТАМА 76

Лешек Шаруга 77
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Магдалена Байер 80
ДИНАСТИЯ КУЛЬЧИНСКИХ

Переводчики: А. Базилевский, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, К. Старосельская, Е. Шиманская

Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 3, 23, 25, 50, 55), Archiwum (стр. 66), Archiwum Jana Kulczynskiego (стр.80, 82-84), Archiwum Wiktorii Śliwowskiej (стр. 40, 41), Stanislaw Bielejec (стр. 18)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Кристина Пашек ***(секретариат)***
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(0-22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**
Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается под патронажем Национальной Библиотеки по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
Тираж 4800 экз.

Ирена Левандовская

МЫ ВСЕГДА МОГЛИ РАССЧИТЫВАТЬ НА НЕГО

Его нельзя было ни запугать, ни подкупить. Никогда. Он никому не прислуживал. Ни власти, ни системе. Юрий Левада, самый выдающийся, самый объективный российский социолог, скончался от сердечного приступа у себя в кабинете 16 ноября 2006 года. Ему было 76 лет. Он уже давно плохо себя чувствовал, а когда у него случился приступ и сотрудники вызвали «скорую помощь», машина ехала на Никольскую, где находится Левада-Центр, больше 40 минут. Неизвестно — может быть, было бы уже поздно, даже если бы врачи приехали спасать его раньше.

Он был совершенно независимым человеком. Еще в 1960 г., когда о перестройке, разумеется, никто и не мечтал, он вылетел из Московского университета за «идеологические ошибки», которые постоянно допускал на лекциях. Это его ничему не научило, и лет через десять тираж его книги «Лекции по социологии» пошел под нож, а Леваду лишили звания профессора, запретили преподавать и печататься. Только в июле 1988 г. он пришел в недавно созданный ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения), который под его руководством приобрел славу одного из самых достоверных и уважаемых в мире такого рода институтов.

А когда в сентябре 2003 г. нынешняя власть решила национализировать центр и сменить его руководство, то есть назначить людей, более к ней благожелательных и готовых исполнять ее желания, все сотрудники Левады (кроме одного-единственного) ушли вместе с ним.

Тогда возник Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр).

Пожалуй, больше всего Юрия Леваду интересовала антропология советского человека, его приспособление к новым, изменившимся постимперским условиям, жизнь, как написал его близкий коллега Борис Дубин, «на руинах тоталитарного режима».

«Новая газета» в некрологе цитирует слова Левады: «Когда я стал заниматься этой наукой, у меня было такое представление: наша задача — поставить перед обществом зеркало, чтобы оно в него смотрелось. И я думаю, мы ее по мере возможности исполняли. Когда люди смотрятся в зеркало, они лучше понимают, как они выглядят. Это и есть главная общественная функция социологии».

Я познакомилась с Левадой в начале 90-х, когда он приехал на конференцию в Краков. Он дал мне номер телефона — обещал, что всегда ответит на все вопросы, которые «Газета выборча» захочет ему задать. Так оно и было. Никогда он нам не отказывал, никогда не отговаривался, например нехваткой времени, которого у него и на самом деле было немного. Мы всегда могли на него рассчитывать. До самой смерти.

КОГДА БЫЛИ СОБЫТИЯ, МЫ РАЗ ЗА РАЗОМ ОБСУЖДАЛИ ПОЛЬШУ

Последнее интервью Юрия Левады

16 ноября скончался крупнейший российский социолог Юрий Левада, два раза воссоздававший социологию в стране из фактического небытия. Мы публикуем интервью с Юрием Левадой, записанное Татьяной Косиновой 4 сентября 2006 года.
Текст его так и не был авторизован — Юрий Александрович не успел этого сделать.

Интервью готовится к публикации в книге «Последний польский миф», которая в ближайшие месяцы выйдет в издательстве ОГИ при поддержке Польского культурного центра в Москве.

Книга Татьяны Косиновой «Последний польский миф» составлена на основе записанных ею в 1991-2006 гг. интервью с бывшими советскими и польскими политзаключенными, правозащитниками, деятелями андеграунда, а также литераторами, социологами и журналистами о восприятии ими различных событий и явлений культуры в СССР и в Польше в 50-е — 80-е годы прошлого века. Мифология Польши как «самого веселого и свободного барака в социалистическом лагере», как «Запада на Востоке и Востока на Западе» в те годы устойчиво бытовала не только в среде диссидентов, но и в более широких кругах творческой и научной интеллигенции в СССР. В книге представлены структура, типология и семантика этого «последнего польского мифа».

— С какого года вы стали следить за польскими событиями?

— С 1956, с «Паздзерника» [«Октября»]. Для меня это действительно одна из важных биографических точек интереса — польская. Первая точка — это 1956-й, то, что называется «Польский Октябрь». А вторая — это «Солидарность», конечно.

— Какие были у вас источники информации о Польше?

— С 1956-го я стал регулярно читать польские газеты. Они все-таки немножко более талантливые были. «Жиче Варшавы» прежде всего, «Политику», когда удавалось доставать, ну и всякое прочее. Я слышал рассказы разных людей, чего-то читал, я не помню.

— Но в 1956 году «Польский Октябрь» был уже после XX съезда.

— После Познани.

— Да, и после Познани. И все равно вы говорите, что именно октябрьским событиям вы придавали значение. Какое?

— После XX съезда был вопрос: насколько это серьезно? Насколько это получится и укоренится? Вопрос был не только словесный, но реальный. Уже начало трещать все — от мировоззрения до системы империи. Но «Октябрь» стал существенной акцией. Возвращение Гомулки было поначалу серьезным поражением Москвы, по-видимому. Насколько я понимаю, Никита [Хрущев] с большим трудом на это согласился. Это был акт резкой реабилитации и надежды, отсюда это претенциозное и несерьезное использование термина «Польский Октябрь». Но так или иначе какой-то рывок к необратимым переменам был сделан. Позже их несколько припрятали, но они были.

— А дальнейшее развитие событий тоже интересовало вас?

— Регулярного увлечения Польшей не было, интерес у меня был достаточно вялый. Корешки есть родовые, но это уже отдельные вещи.

— Есть «корешки»?

— Есть корешки.

— Они имеют какое-то значение для вас? Для вашего самосознания?

— Нет, нет. Просто у меня бабушка была полька, в доме говорили по-польски, была литература. И я это начал понимать довольно давно, вне всякой политики. Это поколение было насмерть напугано в 20-х — 30-х годах. Насколько я знаю, и бабушка, и мать очень не хотели, чтобы об этом вспоминали, потому что они помнили, чем для людей польского происхождения был какой-нибудь 1938 примерно год.

— Кто-то пострадал у вас? Кто-то оказался «польским шпионом»?

— В личном порядке, в семье — не знаю. Из знакомых, более или менее близких знакомых, — да. Но уже не как «польский шпион», а как польский коммунист. Это была вторая волна арестов.

— А как бабушка оказалась в России?

— Она жила всегда в Киеве. На правобережной Украине исторически всегда было полно поляков, потому что в прошлом это была Речь Посполитая, и традиционно все паны, дворянство польское там селилось.

— Бабушка была из дворянского рода?

— Бабушка по корням своим была из графского рода Сангелло — польско-литовский графский род. Но этих корней она сама не знала. Ее звали Казимира Вахлевская, это ее девичья фамилия. А Сангелло — это, вероятно, ее дальние предки по женской линии. Но я это знаю по бумагам.

— Вы пытались выяснить свои корни, искали что-то когда-нибудь?

— Нет, нет. Это по рассказам, то, что я слышал. Я слышал, что у нее был брат, а может быть, кузен. Где-то в 20-х годах он был чуть ли не каким-то сенатором в Польше. Связи с ним оборвали в середине 20-х, больше никто ничего и не знал. Страшно все боялись об этом упоминать. И понятно, почему.

— Польско-большевистская война 1920 года — что-нибудь об этом есть в семейных преданиях?

— Этого я не знаю. Нет, этих следов не было.

— А взятие и освобождение Киева поляками? Бабушка никогда не вспоминала этого?

— Нет. Это было все-таки довольно кратковременно. И, по-моему, это было на межгосударственном уровне. Я не слышал, чтобы на польское население правобережной Украины это когда-нибудь влияло. Может быть, я не знаю. Проблемы выделения поляков начались где-то в районе 1936-го, это уже сталинская охота была.

— Бабушка предпринимала какие-то усилия по смене фамилии?

— Зачем?

— То есть бабушка никак не пострадала ни в 1937-м, ни в 1938-м?

— Нет. Тут другие проблемы. Муж бабушки имел еврейскую фамилию, а бабушка осталась в оккупации. Вот этого ей не надо было показывать. И она восстановила девичью фамилию. Но ничего, обошлось. Но это не относится к делу.

— Второй точкой интереса вы назвали «Солидарность». Виктор Шейнис мне рассказывал о каких-то неформальных семинарах, на которых вы с коллегами обсуждали польские события. Что это были за семинары?

— Называть это словом «семинар» было бы неуместно, особенно мне. Потому что я очень много лет занимался семинаром другого типа — с коллегами, с докладами, с обсуждениями. Они были разные: широкие, узкие, совсем узкие. С 1960 г. они проходили в Институте философии, потом в Институте социологии...

Тут было другое дело. Речь идет о регулярных неформальных встречах близких людей, которые происходили с конца 1970-х — наверное, и дальше. Собирались мы чаще всего у Леонида Абрамовича Гордона, уже лет шесть как покойного, в 2000 г. он умер. Он был очень хороший домашний организатор, и были у него подходящие условия. Встречались мы тогда если не совсем каждую неделю, то раз в две недели, наверное. Особенно когда грянула польская «Солидарность». Было невероятно интересно, очень тревожно. Думали, что из этого может произойти. Гордон был исследователем рабочего движения по основной своей профессии, его события интересовали с этой стороны прежде всего. Было нас человек пять-шесть, иногда приезжал кто-нибудь, особенно приезжали некоторые знакомые из Питера (вернее, тогда из Ленинграда) и из Киева. Но это не был формальный семинар, это был просто — в кругу полностью доверяющих друг другу людей — разговор о том, что происходит, что может быть. Иногда попадали люди, которые казались очевидцами. Например, Гордон позвал на польский семинар человека по фамилии Ципко, Александра Сергеевича Ципко. Сегодня это довольно известный политик и публицист, тогда не было понятно многое в его убеждениях и возможности проверить не было. Но он единственный из всех знакомых в 1980 г. был в Варшаве, был послан туда в аспирантуру. Но то, что он нам рассказал, было странным. Он вроде бы бывал в гуще событий и знал всех, кто в университете, кто на улице и так далее. Нам он внушал несколько странную идею, что «это все натворили масоны и за всем этим они стоят». С этого момента мне стало неинтересно с ним что-либо обсуждать. Но это довольно редкий пример попадания инородного тела. Совсем инородного. Это было нечто постороннее. Дальше он стал известен как ярый «патриот» и сейчас в этом качестве пребывает.

— Вы назвали семинар «польским». Он тогда так и назывался?

— Нет, конечно. Просто, когда были события, мы раз за разом обсуждали Польшу. Мы обсуждали все, что угодно, польским он никогда не назывался.

— Как они проходили? Как устраивались? Заранее определялась тема?

— Собирались, пили чай или что-нибудь другое, закусывали и говорили на разные интересующие всех темы. Я помню, как обсуждали пришествие Горбачева. Я ему сначала не верил совершенно. Считал, что это очередной Черненко. Но потом исправился. Но не сразу и не на семинаре. Я был уже большой скептик и на веру старался не поддерживать ничего другого. Какой-то специальной темы не было.

— Кроме Ципко не было других докладчиков?

— Не знаю, может быть, и были, ей-богу, я не помню. По-моему, никто не вел ни записей, ни протоколов. С Ципко был немножко исключительный случай, поэтому он у меня в памяти отложился...

Я помню, с каким интересом 31 августа [1980] мы восприняли Гданьские соглашения. Мы ждали, конечно, войны перед этим и представить себе не могли, что власть может так поступить. Все остальное уже было проще. Но это был сигнал очень важный. В общем-то, важный и для общего развития тоже. Поляки его считают признаком конца системы. Может быть, они немножко преувеличивают, но связь была... Но с тех пор, как у нас открылось общество, наши семинары потеряли свой смысл. Обо всем можно было читать в газетах и говорить в клубах и на собраниях. И все такого рода семинары, по-моему, кончили функционировать.

— Когда вы поняли, что семинары утратили свой смысл?

— Это было во второй половине 80-х, году в 1986, 1987, — точно, конечно, я не помню. Как-то угас интерес. Сейчас иногда я слышу рассуждения, что когда-нибудь мы опять вернемся к домашним семинарам в связи со всеми тенденциями в нашей публичной жизни. Но этого, по-моему, нигде не происходит. Я не слышу, не натыкался на такой пример. Сменились поколения людей, и сменились условия. То поколение, к которому я, пусть это нагло сказано, имею честь принадлежать, оно уже не соберется. А что касается следующих, я не знаю.

— Скажите, пожалуйста, у вас были надежды, что события у нас здесь начнут развиваться как-то аналогично?

— Нет. Нет, нет. Ни тогда не было, ни сейчас нет. Потому что в особенности для организованного протеста, для самоорганизованного протеста в Польше были такие факторы, как элементы рабочего движения. Были они не только с Познани 1956 года, но и пораньше немножко. События на заводе имени Цегельского в Познани и их жесточайшее подавление все-таки были элементом восстания. У нас ничего подобного не было — не знаю, почему, это можно объяснять, но судьба такая: в России ни до 1917-го, ни после не было ничего, не было реального рабочего движения, реально профсоюзов не было. У нас они как были казенные, так и остались. Попытка возникновения независимых профсоюзов была в 1989-м, и всё. Может, я не всё знаю, но, насколько я знаю, ничего нет. В Польше была интеллигентская база, сколько-нибудь независимая, там были уровни приспособления тоже, но разные. Определенная связь была с эмиграцией, там не было сплошной отрезанности, как здесь. Кроме того в Польше была Церковь. Церковь была серьезной силой. В 1956-м — не знаю, а в 1980-м — конечно. Там была «*постать* [фигура] кардинала Вышинского». И его влияние на Западе было очень серьезное. Здесь его воспринимали крайне злобно и карикатурно. Но у нас ничего подобного не было. Ни рабочих, ни интеллигентов, ни Церкви, ни заграницы такой не было. Кроме того, в Польше в 1946-1947 примерно году были признаки насильственного захвата, загоняния за общую решетку, немножко раньше, конечно, — еще с 1944-го. Была Армия Крайова, был Миколайчик. Берут с ним расправился, но в Польше об этом знали. Была довольно бледная ППС, которую присоединили к ППР — выдуманной партии, причем членов ППС было больше, насколько я знаю.

И какие-то традиции политические там были, хотя одно время закамуфлированные.

— Скажите, у вас в 1980 г. не было сожаления, что в Польше возможно то, что там возможно, а здесь — нет?

— Может быть, в какой-то мере и было. Я понимал, что здесь это невозможно, но была надежда, что удастся. Было представление, что это — расшатывание всей системы. Насколько оно далекое, как оно придет, я не знал и предсказывать не брался, но все это казалось интересным. Ужасно интересным... Очень большое огорчение было с 13 декабря. Ну, ничего. Мы тогда проводили один из видов

семинара, о котором я вам говорил, но в одном из чужих заведений в районе Бульварного кольца. Там был такой дворик и стена в проходе. И на этом проходе большущими буквами на стене было написано: «Генерал Ярузельский — фашист». Эта надпись висела года два.

— Она появилась 13 декабря 1981 года?

— После этого — когда именно, я не знаю. Я не имел к этому отношения и не знаю, имел ли к этому отношение кто-то из тех, кто к нам на семинары ходил. Может быть — да, может быть — нет. Меня поражало, что почему-то она никого из официальных лиц не возмутила. Но я уж не говорю, что это не совсем точно, но неважно. Реакция понятная.

— Каким было ваше личное отношение к Ярузельскому? Если можно восстановить отношение того времени.

— Я видел его несколько лет назад, когда праздновался юбилей, не помню чего, может быть, круглая дата с 1989 года. Было собрание, которое организовали разные структуры и «Газета выборча». Они собрали всех президентов, там был и Ярузельский. Старый, слепой почти. Вы знаете, что он говорит сейчас: он всячески уверял, что он никого не хотел убивать, делал всё, только чтобы спасти. А сейчас он всё приветствует — вплоть до вступления Польши в НАТО.

— А тогда, 13 декабря 1981 года?

— Тогда я его не видел.

— И по телевизору не видели?

— Не все ли равно, что можно увидеть по телевизору, — это же понять нельзя. Я не знаю, но в какой-то мере его объяснения правильные. Он немножко играл свою роль и действительно старался предотвратить прямую оккупацию. То есть предотвратить Будапешт-56. Но там же армия была на стороне восставших. В Польше этого, скорее всего, не было бы, даже если бы была прямая оккупация. Именно из-за Ярузельского, Рокоссовского и всех прочих там был контроль над армией обеспечен. Ну, конечно, тогда было резко отрицательное отношение к Ярузельскому и ко всему происходившему. Хотя было понятно, что он осторожен и разумен.

— Были среди ваших учеников — каких-нибудь молодых аспирантов или ваших молодых сотрудников — те люди, которых можно назвать «поколением Солидарности»?

— Не знаю. Я не знаю, можно ли это к кому-нибудь здесь относить. Может быть, и были такие, я не замечал.

— Я нашла.

— Нашли? Те, кто проснулся, те просыпались все-таки в 1956-м. А дальше худо-бедно, хуже-лучше, меньше-больше, умнее-глупее, но смогли освободиться. Но вполне может быть, я не знаю более молодых.

— Сегодня какие у вас с Польшей есть связи, контакты?

— Иногда встречаюсь с разными людьми, иногда прямо по профессиональному делу, иногда по старым связям. У меня давняя возня с «Газетой выборчей», с паном Адамом [Михником] и его командой.

— «Давняя» — это с какого года?

— Я первый раз попал в Варшаву еще в 1988 г. с чисто официальной командировкой. Но так получилось, что я был в ЦК ПОРП на семинаре, потом в университете на докладе и вечером у группы Михника. После он мне рассказывал, что он мне такую провокацию устроил, чтобы проверить — испугаюсь или нет, и пришел в восторг. Интересно было среди этих людей. Потом много раз виделись там и здесь. Сейчас в последнее время реже — у них свои интересы.

— А из каких-то польских писателей, поэтов, музыкантов для вас кто-нибудь важен?

— Слишком специфических вкусов у меня здесь нету, так что не могу ничего сказать. По-польски я читал газеты, политическую, социологическую литературу.

— Для отечественной социологии польская социология какое имела значение?

— Огромное. Потому что у нас не было западной социологии. Начиная где-нибудь с 60-х можно было где-то достать, купить польскую литературу. Я читал Яна Щепанского и других. Историю социологии, кроме польских источников, брать было больше неоткуда, историю западной социологии мы узнавали по-польски. Потом уже можно было добраться как-то до источника. И для всего моего поколения социологов Польша была мостиком к западной социологии, воротами такими. Можно было через поляков узнать, что там делали, читая их литературу.

— То есть для российской социологии Польша имела такое значение, да? Вы сказали «мостик» и «ворота».

— Не только для российской, но и для всей советской социологии в целом, включая украинскую, белорусскую. Для того времени это было так. Так же, как радио «Свобода» было удобнее слушать по-польски [точнее — «Свободную Европу»].

— Меньше глушили?

— Польское вообще не глушили. Русское глушили, польское не догадывались. Я слушал по-польски.

— Скажите, ваше знание языка домашнее как-то сохранилось в 1956-м и позже?

— Нет. Он у меня был, в общем, пассивный. Говорить я не решался, а слушал и понимал. Приезжал к полякам, предлагал им говорить по-польски, я — по-русски. Мы понимали друг друга.

— А с польскими социологами напрямую как-нибудь общались?

— Общались. Они приезжали сюда. Из ИФИСа (Институт философии и социологии ПАН) регулярно. Были налажены постоянные контакты.

— Когда вы первый раз услышали о Катыни? И чем для вас была эта информация? Что она изменила?

— Тогда, когда в мире стали об этом говорить. Не помню, когда я услышал или прочитал материалы о том, что это было на самом деле, — намного позже. Я знал, что это было, что это внешняя сторона. Это был скандал с правительством в Лондоне, с армией Андерса и так далее, разрыв отношений был в 1943 г., после этих событий. Но когда я это счел важным обследовать, этого не могу сказать. Когда-то в диссидентские времена ходили бумаги, связанные с этим, — записка Берии от 5 марта 1940 года*, если я правильно помню, известная резолюция со словами: «поскольку они не перевоспитываются, надо их обработать по первой категории». Или что-то в этом роде, такие слова там употребляли.

— О развитии катынского сюжета сегодня, так называемого «катынского синдрома», все говорят в Польше, но он не имеет никакого резонанса у нас. Как вы думаете, в чем проблема? Чем является для России сегодня Катынь?

— Для большинства россиян это просто забытая вещь или непонятно что. Или, в крайнем случае, один из эпизодов того времени, о котором плохо вспоминать сейчас не любят. Начинают говорить: страдали и те и другие. А такая наша знаменитость, как Александр Исаевич, еще и говорит: «Ну, а что делали поляки в XVII веке?»** Знаете, это рассуждение обозначает рамки человеческие. Очень огорчительные, но реальные.

— Можно ли как-то изменить что-нибудь в общественном мнении в этом вопросе сегодня? И как?

— Вы знаете, тут не только Катынь. Беда состоит в том, что все отношение к сталинскому периоду у нас испорчено. Насмерть и с самого начала. Оно строилось в форме строго дозированных разоблачений с хрущевских времен, с XX съезда и раньше даже. И, сказавши полслова, тут же крикнули, стуча кулаком по столу: «А больше ни-ни! Молчать!» И так было много раз. Получилось так, что катарсического преодоления этого явления не произошло. Произошло некоторое вытеснение в область мертвой памяти, которое не стимулирует интереса, поддерживает забывание и делает возможным сегодняшнюю скрытую реабилитацию, которая происходит и на официальном уровне. И, к моему сожалению, на массовом уровне тоже. Я думаю, что в Польше это вряд ли происходит и вряд ли там такое возможно. И не только в Польше, но и в Венгрии и даже в странах, менее тяжело переживших события, не восставших странах, в Болгарии например. А у нас — нет. И это одно из наших проклятий. Сейчас создать массовый интерес, пережить что-то вроде национального покаяния невозможно — поезд давно ушел.

— А что делать?

— Ну, что делать? Не моя задача выписывать рецепты. В лучшем случае, я стараюсь ставить диагноз. Приходит новое поколение, у которого, предположим, есть некоторый академический интерес к прошлому. И не только к Катыни. Но и к 1937 году и ко всему прочему. У них такой же интерес к этому, как к битве при ***(прзб)* или, в крайнем случае, к 9 января. И еще к чему-то, что учат в учебниках, но никого это не берет за душу. Ну, был и был — был, да и сплыл. Поэтому точку отсчета надо создавать в чем-то современном. Это очень трудно.

---

* Явная ошибка памяти: записка Берии с резолюцией Политбюро стала известна только в начале 90-х, когда был раскрыт пресловутый пакет №1. До тех пор все исследователи (работы или фрагменты которых действительно ходили в самиздате; были также тамиздатские издания, такие как «Катынь» Юзефа Мацкевича) полагали, что письменные следы этого решения вряд ли найдутся. — *Ред.*

** Существенная неточность: о том, что «что делали поляки в XVII веке», Солженицын говорит не сегодня — он написал об этом в 1974 г., предварительно исчислив все российские и советские вины перед Польшей, включая Катынь. — *Ред.*

— Тем не менее политики очень удачно используют эту карту. Успешно ее разыгрывают.

— Естественно, так это же им на блюдечке преподносят. И даже того уровня разума, который есть у названной вами профессии, хватает для того, чтобы взять то, что преподносят, и использовать. Увы, так.

— А почему, как вы думаете, сначала Катынь, потом 4 ноября, или это одновременно, но все сюжеты завязаны на Польшу? Почему стремление хоть чем-нибудь «уесть» поляков так востребуется?

— 4 ноября — это «бздура» [глупость, чепуха], по-польски выражаясь, чистая «бздура». Исторически неверная, лишенная всякой основы. Одно из неплохих обличений я читал на «Полит.ру». Что на самом деле происходило в Смутное время? Причем там были поляки? История с тогдашней войной-невойной с поляками не связана, о чем я слышал и раньше — я сам в этом не разбирался. И, вообще говоря, это не имеет принципиального значения. Те, кто захватил Кремль, от чего его пытались долго и не всегда успешно освобождать, были в основном из Великого княжества, те, которых называли литвинами. Они к современной Литве отношения не имеют. По этничности это были те, кого со времен Екатерины II называют белорусами. Она велела их переименовать официально, потому что ей так нравилось. Или ее советникам так захотелось. А поляки — вот я ссылаюсь на тот материал, который прочитал, я не берусь его проверять, я этим не занимаюсь, — были на четвертом месте в числе участников. Там были белорусы, немцы, французы. На четвертом месте какая-то группа была из поляков. История это достаточно темная, связанная с тем, что при отсутствии реальной централизованной власти большая часть бояр звала этих людей. Конкретно — звали Сигизмунда на царство. Как, впрочем, лет на тридцать раньше Ивана звали на королевство в Варшаву. Говорят, не захотел. Хорошо, что не захотел. Наверное, натворил бы чего-нибудь там. И из этого сделать какую-то псевдогероическую легенду?.. Но сделали же из Ивана Сусанина героя, высосав из пальца. Это была примитивная легитимация российского монархизма, которая тогда понадобилась. 4 ноября в основном интересно от полного безрыбья. Мы проводили опрос: какой праздник может быть исходным для современной России? Как мы и ожидали, получили только один ответ — 9 мая 1945 года. Единственная историческая точка, которую люди помнят и ценят. Все остальное, в том числе вот этот день, никто не знает, не переживает. Я думаю, 4 ноября долго не проживет...

Вы знаете, у нас сейчас отношение к Польше неплохое, это мы проверяли. Был момент, года полтора назад, когда были эти омерзительные истории с избиениями людей, как вы знаете. Совсем не случайно это происходило в Москве и в Варшаве. Это было кем-то организовано, по-видимому, — вряд ли это само собою могло возникнуть. Но на наших людях это не отразилось... Власти не любят тех, кто не хочет им подчиняться. Но это с Польшей произошло давно. Сегодня это уже просто свершившийся факт, «fait accompli» по-французски. Сейчас основная злоба, как вы знаете, на Украину. А еще больше — на Грузию. Враг номер один в мире у России — Грузия, которая грозит маленькую бедную Россию захватить, расчленить и с Эстонией поделить. Так строится картинка. И если не совсем, то отчасти люди тоже это понимают. Это признак состояния наших правителей, не народа.

Беседу вела Татьяна Косинова

ПОЛЬСКИМ ПОЛИТОЛОГАМ, СОЦИОЛОГАМ, ИСТОРИКАМ НЕ НАДО БЫЛО ОБЪЯСНЯТЬ, КТО ТАКОЙ ЮРИЙ ЛЕВАДА

Беседа с Зигмунтом Бердыховским

Смерть известного русского социолога Юрия Левады, руководителя аналитического центра в Москве, не осталась незамеченной и в Польше. О нем написали центральные польские газеты, о нем вспоминали в Варшавском университете, многие преподаватели которого встречались с русским ученым и поддерживали с ним научные связи. Надо отметить, что Юрий Левада сотрудничал со многими польскими научно-исследовательскими организациями, охотно давал интервью польской прессе. В последнее время он активно сотрудничал с польским Институтом восточных исследований. Об этом сотрудничестве, а также о значении Юрия Левады для польских экспертов мы беседуем с директором института Зигмунтом Бердыховским.

— Наше сотрудничество с Юрием Левадой началось в 2000 году. Тогда Юрий Левада вместе с сотрудниками своего центра в Москве подготовил к Экономическому форуму в Кринице панель на тему, каково российское общество на пороге XXI века. Мы остались очень довольны этим сотрудничеством и решили поддерживать контакты с центром Юрия Левады и с ним лично в дальнейшем. Благодаря его рекомендациям и поддержке нам удавалось приглашать на форум в Кринице многих профессиональных экспертов не только из России, но из Франции, США и многих других стран. Юрий Левада поддерживал связи со многими учеными, очень активно включался в обсуждение актуальных для современности вопросов. Идей у него всегда было множество. Его интересовали темы, связанные не только с социологией, но и с историей, политикой. И мы убедились в том, что можно рассчитывать на его объективность.

— Какова была роль Юрия Левады в обсуждении польско-российских отношений — к примеру, на Экономическом форуме в Кринице?

— Во время Экономического форума он много раз затрагивал этот вопрос, обращая внимание на опросы, которые проводил его центр. Результаты этих опросов показывали совершенно другое отношение рядовых российских граждан к польско-русским конфликтам в истории и к полякам, чем то, что мы находим в заявлениях политиков и власти. Рядовые граждане хотят нормального сотрудничества и нормальных отношений. При обсуждении особенно острых конфликтов в нашей совместной истории этот вывод был очень важен.

— Как бы вы оценили значение Юрия Левады для польских экспертов, которые занимаются темами, связанными с Восточной Европой и особенно с Россией? Был ли он достаточно известен в Польше?

— Я могу сказать от себя лично, а также от имени тех экспертов, с которыми я сотрудничаю в Польше. Это имя было на слуху у польских ученых — политологов, социологов, историков. Им не надо было объяснять, кто такой Юрий Левада. Его имя ассоциировалось с высоким уровнем социальных исследований, а также с объективностью и профессиональной честностью. Дискуссии и дебаты, которые были организованы по его инициативе или с его участием, как правило, всегда отличались конструктивным подходом, культурой, свободой и смелостью выступлений участников. Я думаю, можно утверждать, что имя Юрия Левады очень много значило для большинства тех людей в Польше, которые занимаются темой России профессионально или просто этой темой интересуются.

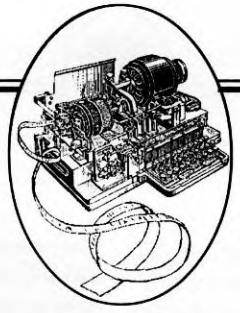
— Как уход Юрия Левады, на ваш взгляд, может повлиять на российское общество?

— Смерть этого человека говорит о том, что из политической жизни России уходит то поколение, которое много сделало для реформ и перемен в этой стране. К сожалению, надо сказать, что остается все меньше таких людей, как Юрий Левада, которые в своей работе и жизни воплощают определенные ценности.

— Каким он вам запомнился как человек?

— Он отличался прекрасным настроением, внутренним спокойствием, естественностью в общении. Во время нашей самой первой встречи нам предстояло обсудить многие острые вопросы, но между нами очень быстро возникло понимание и желание сотрудничать. Нашему институту будет его очень не хватать.

Вела беседу Виктория Дунаева

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Ян Кшиштоф Белецкий, председатель банка ПКО, бывший премьер-министр: «Мы совершили чудо. Нет на свете человека, который, глядя на Польшу 1989 года — полного банкрота, — мог бы себе представить, что на протяжении одного поколения мы будем страной, имеющей вес в Европе. Видно, что наше отставание от богатых государств ЕС уменьшается. Простая математика показывает, что развиваться в темпе 3% ВНП в год нам нетрудно. Если дополнительные 2% — заслуга средств Евросоюза и прибавим еще переоценку злотого, которая представляет собой процесс необратимый, то мы быстро приближаемся к росту в 8-9% в год». ***(«Дзенник», 29 ноября)***

• ВНП в 3-м квартале вырос на 5,8%. По мнению замминистра финансов Петра Сорочинского, это результат огромного роста затрат на капиталовложения и ускоренного развития сферы услуг. С января мы сделали инвестиций почти на 15% больше, чем годом раньше. *(«Жечпосполита», 1 дек.)*

• «Лешек Бальцерович получил вчера премию АССА [Association of Chartered Certified Accountans], объединения видных финансистов всего мира. (...) В АССА состоит 370 тыс. членов. Она была создана в Лондоне в 1904 г., чтобы пропагандировать этику, нравственные стандарты и профессионализм в кругах финансистов и лиц, занимающихся финансовым менеджментом». ***(«Газета выборча», 9-10 дек.)***

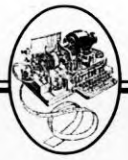
• «Существующий 15 лет Веймарский треугольник сегодня стал своего рода дискуссионным клубом, где обсуждается также будущее ЕС, хотя партнеры смотрят на него с разных точек зрения. Ширак хочет втянуть Евросоюз в большую политику и „гашение пожаров" на Ближнем Востоке. Качинский — чтобы ЕС направлял сигналы странам СНГ. (...) Президент Франции вместе с Ангелой Меркель склоняется к замыслу Европейской комиссии временно приостановить переговоры с Анкарой. (...) Лех Качинский мыслит несколько иначе. „Мы, — сказал он, — за продолжение переговоров. Это трудный процесс, который может продолжаться годами"». По мнению бывшего министра иностранных дел Польши Адама Даниэля Ротфельда, «Веймарский треугольник — уникальный инструмент. Ни одна страна нашего региона не участвует в подобном форуме, где к ней относятся как к привилегированному партнеру двух крупнейших континентальных держав ЕС. Треугольник стал не только символом преодоления разделений, но и форумом консультации важнейших для Польши, Франции и Германии вопросов. (...) Треугольник не предназначен для решения конкретных проблем. Он служит обсуждению проблем стратегических. Такой стратегический вопрос — отношения Евросоюза с Россией, которая ведет особую политику по отношению к каждой стране — члену ЕС». *(«Газета выборча», 6 дек.)*

• «88% поляков, опрошенных ЦИОМом, довольны членством нашей страны в ЕС — это самый высокий в истории уровень польского евроэнтузиазма». ***(«Тыгодник повшехный», 3 дек.)***

• «Вчера Польша не допустила принятия странами ЕС общей позиции по переговорам о новом соглашении с Россией. (...) Варшава не хочет ее одобрить, требуя, чтобы сначала были отменены ограничения, наложенные Россией на импорт польской сельскохозяйственной продукции, и чтобы Москва подписала Европейскую энергетическую хартию». *(«Дзенник», 14 ноября)*

• Премьер-министр Ярослав Качинский: «Россия связана действующим договором с Евросоюзом и поэтому не имеет права без чрезвычайных причин ограничивать наш экспорт». ***(«Жечпосполита», 17 ноября)***

• «„Позиции Литвы и Польши совпадают", — сказал (...) литовский премьер-министр Гедиминас Киркилас, напоминая, что у его страны с Россией те же проблемы, что и у Польши. (...) Франция, как сказано в (...) заявлении французского МИДа, понимает обеспокоенность Польши в связи с российским эмбарго на польское продовольствие и поддерживает усилия Европейской комиссии, направленные на то, чтобы в сотрудничестве с Россией найти решение торгового спора. (...) Российские ветеринарные службы обещали, что готовы к переговорам об отмене эмбарго. За день до этого в России Польшу называли „очагом контрабанды"». *(«Дзенник», 17 ноября)*

• «Вчера скончался лучший российский социолог профессор Юрий Левада. Его будет не хватать. (...) Он принадлежал к поколению советской интеллигенции, называемому „шестидесятниками", тому, которое входило во взрослую жизнь на рубеже 50-60-х годов. Это было, пожалуй, лучшее поколение во всей истории России. Интересующееся миром, верящее в прогресс и полное надежды на демократические перемены. И дружественное Польше. Теперь эти наши русские друзья — такие как Левада, Геннадий Жаворонков, искатель правды о Катыни, или раньше ушедший Булат Окуджава — один за другим бесповоротно покидают нас». ***(«Газета выборча», 17 ноября)***

• Посол России при ЕС Владимир Чижов: «Россия готова немедленно отменить эмбарго на импорт польского продовольствия, если будут решены все проблемы». *(«Жечпосполита», 18-19 ноября)*

• «На „массовую подделку ветеринарных свидетельств" ссылалась Москва, вводя эмбарго. (...) В Польшу переданы 24 документа, подвергнутые в России сомнению. Прокуратура установила, что они действительно подделаны, но явно не в Польше: ни один из транспортов, которых они касались, не шел из Польши и даже не проходил через нашу страну. Фальсификатор имел доступ к литовским и российским транспортным документам, а обнаруженные ошибки свидетельствуют, что родной его язык — русский. Документы возвращены в Россию, чтобы там искать преступника». ***(«Дзенник», 18-19 ноября)***

• Министр иностранных дел Сергей Лавров: «Элементарная проблема с ввозом в Россию польских мясных и некоторых растительных продуктов должна быть решена исключительно путем наведения порядка польской стороной — положить конец подделкам сертификатов и контрабанде продовольствия через ее территорию». *(«Дзенник», 20 ноября)*

• «Президент России написал текст для „Дзенника". Это первый случай в истории, когда Владимир Путин публикуется в польской печати. Кроме „Дзенника" текст отдан еще в две крупных европейских газеты, в т.ч. в «Монд». (...) Прошлое не должно нас разделять — мы не можем изменить историю, сегодняшние задачи — совместное построение будущего России и Евросоюза как партнеров и союзников. Россия к этому готова", — пишет Путин». ***(«Дзенник», 22 ноября)***

• Профессор Ежи Помяновский, главный редактор «Новой Польши»: «Я считаю весьма позитивным тот факт, что Владимир Путин высказался о Польше на страницах „Дзенника", притом с очевидной заинтересованностью. До сих пор Россия делала вид, что мы ничего не значащая страна. Однако, как видно, сам президент обратил внимание на факт нашего существования. (...) В последнем споре речь идет, однако, не о чем ином, как только о том, чтобы Путин признал Польшу таким же членом сообщества, как и остальные страны Евросоюза». *(«Дзенник», 23 ноября)*

• «Споры между Польшей и Россией были и будут. С того времени как Польша говорит своим, а не московским голосом, эти споры вызывают в Кремле, а тем самым и в СМИ пароксизмы злости и нападки, полные презрения. (...) Когда Россия защищает свои интересы, ее позиция сама по себе понятна и достойна всяческих похвал. Но о поляках, защищающих жизненные интересы своего государства, уполномоченный России при ЕС Сергей Ястржембский говорит: „Есть такие партнеры, которые свои национальные, узко понимаемые интересы пытаются поднять на европейский уровень". Поднять откуда? Ну, разумеется, из грязи, в которую втаптываются эти наши „узко понимаемые" интересы. (...) Но кроме Кремля есть еще рядовые русские, мнение которых важно нам, рядовым полякам, потому что у нас больше общего, чем разделяющего. Эти рядовые русские могли в последнее время увидеть во всех телевизионных новостях съемки с мясоперерабатывающего комбината в Стараховицах. От гор беспорядочно брошенных туш сине-голубого цвета даже на экране шла вонь. Комментатор объяснял, что на этом комбинате порченое мясо перерабатывали в колбасные изделия и отправляли в супермаркеты. Правда? Правда! Мы сами виноваты. Только трудно бегать по улицам Москвы и заверять потенциальных покупателей польских сосисок, что такое случилось один раз на одном комбинате. (...) Что поделаешь, не совпадают геополитические и энергетические интересы России и Польши. Не до конца решены проблемы прошлого. Но остаются еще люди...» ***(Кристина Курчаб-Редлих, «Жечпосполита», 24 ноября)***

• Премьер-министр Ярослав Качинский: «Мы не можем согласиться, чтобы переговоры о новом договоре Евросоюза с Россией начались, когда Россия откровенно не соблюдает прежнего. Если бы дошло до переговоров о новом договоре, это был бы ясный сигнал: Польша и ЕС соглашаются на то, что Польши этот договор не касается. (...) Если Россия получила бы сигнал, что Польша в отношениях с Россией в принципе соглашается на статус государства, не входящего в ЕС, тогда вся палитра

средств давления на нас стала бы допустимой. Только крайней наивные люди могли бы предполагать, что Россия таким случаем не воспользуется. (...) Четверть века назад мы думали: „Войдут — не войдут?" [советские войска, чтобы подавить движение «Солидарности»], а теперь нам пришлось бы думать: „Закрутят — не закрутят?" [газовый кран]. Россия должна признать, что Польша — независимая страна, прочно остающаяся вне зоны российского влияния, что она принимает участие в политике в нашем регионе и может вести с Россией переговоры на партнерских условиях». *(«Дзенник», 26-26 ноября)*

• **«Польское вето заблокировало планировавшееся начало переговоров по новому договору о сотрудничестве Евросоюза с Россией (...)„Польский ультиматум предъявлен не России, а Евросоюзу", — сказал посол России при ЕС Владимир Чижов (...)„Мы имеем дело с внутренней проблемой Евросоюза. Только и исключительно", — заявил (...) Сергей Ястржембский, российский представитель по отношениям с ЕС (...) „Мы ничего не имеем против польских производителей. Мясо, которое не отвечало санитарным требованиям, было не из Польши. Польские производители хорошо знают свое ремесло, это нам известно уже много лет", — сказал в Хельсинки президент Владимир Путин. (...) Хосе Мануэль Барросо, председатель Европейской комиссии: „Польша может рассчитывать на нашу поддержку, а проблему мяса надо решить в трехсторонних переговорах России, Польши и Европейской комиссии". (...)„Перспективы очень хорошие, — подвел итоги президент Путин, — мы всегда сотрудничали с Польшей во многих областях и готовы делать это дальше"».** ***(Юстина Прус, Анджей Талага, «Дзенник», 25-26 ноября, корреспонденция из Хельсинки)***

• «Любопытно, что во всех выступлениях больше всего говорилось об отмене эмбарго на импорт мяса. Вопрос ратификации Энергетической хартии Москвой изо дня в день отходил на все более дальний план. А может быть, с самого начала это требование выдвигалось всего лишь как на торгах. (...) Выполнение польского условия, т.е. ратификация Энергетической хартии, на практике означало бы согласие России не только допустить иностранные фирмы на ее энергетический рынок, но и открыть доступ к российским трубопроводам, без чего импорт нефти и газа из Туркмении или Казахстана практически невозможен. А это подрывало бы всю политическую стратегию России, направленную на восстановление ее позиции как великой державы — теперь энергетической». *(Славомир Поповский, «Ньюсуик-Польша», 26 ноября)*

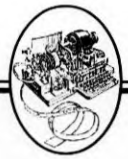
• **«За российский газ Польша заплатит на 10% больше, чем до сих пор. (...) Самая крупная польская газовая фирма согласилась на повышение цены газа, который она покупает у российского „Газпрома", потому что в противном случае зимой газа не хватило бы. Россия поставляет половину используемого в Польше сырья (...) На протяжении года его цена возросла почти на четверть».** ***(«Жечпосполита», 20 ноября)***

• «За тысячу кубометров концерн „Польская нефте- и газодобывающая промышленность" заплатит 340-350 долл., в то время как немецкий концерн VMG будет получать газ по цене 300 долларов». *(«Тыгодник повшехный», 4 дек.)*

• **Юлия Тимошенко: «С премьер-министром [Ярославом] Качинским мы говорили о нефтепроводе Одесса—Броды—Гданьск. Этот проект, хотя его осуществление затянулось, постепенно движется вперед. Мы говорили также о газопроводе, который позволил бы транспортировку газа из Туркмении и Казахстана на Запад через Украину. (...) По-моему, на Украине все понимают, что Польша и Украина — не только друзья, но и партнеры на долгое время (...) Мы хотим вернуть Украину на западный курс и в этом рассчитываем на помощь Польши. Пока Польша будет нашим гидом в Евросоюзе, мы можем спать спокойно. (...) Польша сумела пригрозить своим вето в вопросе начала переговоров с Россией — и, на мой взгляд, успешно, — а это значит, что Варшава держит в руках реальные инструменты действия. (...) Польша показала, что она в ЕС имеет значение».** ***(«Дзенник», 17 ноября)***

• «В Варшаве правит премьер-министр, любящий подчеркивать свой антикоммунизм. В Киеве премьер — классический выкормыш коммунистов. Тем не менее польско-украинские отношения не подверглись охлаждению. Наоборот, переломной стала встреча Качинского с Януковичем в Кринице. Вчерашние переговоры в Киеве закончились конкретными решениями. Польское правительство сделает капиталовложения в трубопровод Одесса—Броды, чтобы после нескольких лет застоя [в строительстве] довести его до наших границ». *(Цезарий Михальский, «Дзенник», 16 ноября)*

• **«Рышард Краузе, один из самых богатых поляков, стал совладельцем четырех месторождений нефти в Казахстане (...) по его словам, его компания „Петрольинвест" кроме того купила три ме-**

сторождения поменьше на территории России, в Республике Коми. Казахстанские месторождения оцениваются по меньшей мере в 22 млп. баррелей». *(«Дзенник», 2-3 дек.)*

• «По случаю визита польского премьер-министра в пятницу в Вильнюс председатели правлений „Польских электроэнергетических сетей" и „Литовской энергии" подписали соглашение о сотрудничестве и строительстве новой высоковольтной линии, которая соединит обе страны. Литовская сторона предполагает, что строительство энергетического „моста" начнется в 2007 г. и будет закончено в 2011-м. (...) Проект имеет особое значение для Литвы, но также для Латвии и Эстонии. (...) Не соединив свою энергетическую систему с польской, Литва и соседние страны были бы отданы на милость экспортерам энергии из России». *(«Жечпосполита», 9-10 дек.)*

• «Минск объявил об установке батареи современных противовоздушных ракет С-300 почти в то же время, как в Польшу прибыли первые самолеты Ф-16. Радиус действия ракет С-300 охватывает треть территории Польши с Варшавой. (...) Два дивизиона С-300 уже несут боевое дежурство в окрестностях Бреста. Еще два будут размещены под Гродно». *(«Газета выборча», 24-25 ноября)*

• «Ученые из Музея Варшавского восстания обнаружили обломки сбитого бомбардировщика „Галифакс", который перевозил помощь повстанцам. (...)„Галифакс-II" №JP-276A стартовал 4 августа 1944 г. с аэродрома в Италии (...) Он был сбит ночью (...) над Домбровой-Тарновской в Малопольше. По прошествии 60 с лишним лет удалось раскопать обломки фюзеляжа и двигатели бомбардировщика. Выкопаны также личное оружие, парашют, позолоченный значок канадских ВВС (...) найдены останки погибших членов команды. (...) В прошлом году сотрудники Музея Варшавского восстания обнаружили в окрестностях Бохни обломки американского бомбардировщика „Либерейтор" №B-24 J (...) Он летал со снабжением для повстанцев из Италии в Варшаву и был сбит в ночь с 14 на 15 августа 1944-го. (...) Пилотом самолета был тогда капитан Збигнев Шостак, один из самых знаменитых польских летчиков, награжденный крестом „Virtuti militari". Вся команда погибла. (...) В мае этого года макет „Либерейтора", включающий подлинные обломки самолета, был установлен в самом большом зале музея». *(«Жечпосполита», 30 ноября)*

• «Председатель не признаваемого белорусскими властями Союза поляков Анджелика Борис лишена заграничного паспорта. (...) Она должна была ехать в Страсбург вместе с Александром Милинкевичем, который получал там Сахаровскую премию». *(«Газета выборча», 7 дек.)*

• Авторы доклада Европейского еврейского конгресса (ЕЕК) «отметили, что польские СМИ во время войны в Ливане сохраняли исключительный нейтралитет. Разумеется, отмечены антисемитские высказывания в „Нашем дзеннике" и радио „Мария", но эксперты ЕЕК подчеркивают, что неприязнь к евреям не выплескивается на улицу». *(«Жечпосполита», 21 ноября)*

• Профессор Шевах Вейс, бывший посол Израиля в Польше: «Недавний доклад Европейского еврейского конгресса (...) не был неожиданностью ни для кого, кто внимательно наблюдает за успехами в польско-еврейских отношениях и за тем, как видят Израиль жители Старого Света. Я давно чувствовал, что между евреями и поляками происходит нечто исключительное (...) Труд, который обе стороны за последние годы вложили в примирение, не мог не принести результатов. Диалог между иудаизмом и католичеством, встречи молодых евреев с их польскими ровесниками, „Марши живых", реставрация синагог, кладбищ и множество других ценных начинаний. Я не сомневаюсь, что отношения между поляками и евреями становятся всё лучше. (...) В то время как в Польше синагоги восстанавливаются, во Франции они горят». *(«Жечпосполита», 30 ноября)*

• Профессор Марек Сафьян, бывший судья и председатель Конституционного суда: «На углу Аллей Уяздовских и аллеи Шуха [в Варшаве] вырос памятник [Роману] Дмовскому. На протяжении 70 лет его программа определяла мышление части польского общества, оправдывая маниакальную нетерпимость некоторых кругов». *(«Ньюсуик-Польша», 10 дек.)*

• «Бывший посол Израиля в Польше Шевах Вейс получил в среду докторскую степень honoris causa Вроцлавского университета». *(«Дзенник», 23 ноября)*

• «Видные политики и несколько тысяч слушателей радио „Мария" приехали вчера в Торунь на 15-летие радиостанции. (...)„Радио «Мария» сыграло важную роль в истории Польши и Церкви, понимаемой как верные", — сказал присутствовавший на празднестве премьер Ярослав Качинский. Он прибавил, что в Польше не удались бы политические перемены [2005-го, года последних парламентских и президентских выборов], если бы не радио „Мария"». *(«Жечпосполита», 8 дек.)*

• «„Работа за секс в «Самообороне»" — под таким заголовком „Газета выборча" обнародовала рассказ Анеты Кравчик, которая, по ее словам, в обмен на

„сексуальные услуги", оказанные Анджею Леппери и Станиславу Лыжвинскому, получила работу в депутатском бюро Лыжвинского и место в совете Лодзинского воеводского сеймика [законодательного собрания]. (...) „Я не вижу возможности сотрудничества с лицами, допустившими такие поступки", — сказал Ярослав Качинский, заявив, однако, что воздержится от выводов до того, как прокуратура закончит следствие». ***(«Тыгодник повшехный», 17 декабря)***

• По опросу ЦИОМа, «53% поляков считают, что наш род возник в результате длительной эволюции. (...) 30% убеждены, что человек был сотворен сразу в своем нынешнем виде». *(«Жечпосполита», 21 ноября)*

• **«Негосударственное образование действует в Польше 17 лет. (...) На протяжении этих лет „негосударственники" создали 280 начальных школ (2,5% от общего числа), 473 гимназии (8%) и целых 20% от общего числа лицеев в Польше. Однако это школы маленькие, в них ходят едва 2% от общего числа польских школьников. (...) Всё чаще родители (...) выбирают школы, которые выдвигают на первый план определенные ценности и дисциплину».** ***(Ивона Доминик, «Ньюсуик-Польша», 3 дек.)***

• «Как следует из опроса, проведенного по поручению компании „Миллуорд Браун" объединениями „Клён/Явор" и „Центр волонтерства" в ноябре на тысяче респондентов, 6,6 млн. человек в Польше (свыше одной пятой взрослых поляков) являются волонтерами. Это число волонтеров, правда, в два раза больше, чем еще пять лет назад, но в сравнении с прошлым годом оно впервые снизилось (с 23,2 до 21,9%). Явно уменьшилось и время, которое люди предназначают на общественную работу: только каждый десятый — в два раза меньше, чем в прошлом году, — отвел на волонтерство больше 19 дней в год. В европейской статистике среди 17 прошедших опросы стран польские волонтеры занимают 13-е место». *(«Жечпосполита», 4 дек.)*

• **«Социологи наблюдают новый обычай: дети крестьян теперь не мечтают стать горожанами и любой ценой вырваться из деревни. Они учатся, получают дипломы и возвращаются в родные края. Берут на себя семейные хозяйства, веря, что благодаря этому будут жить в достатке. Откуда такая перемена? По причине щедрых дотаций Евросоюза».** ***(«Дзенник», 20 ноября)***

• «Вчера утром спасатели извлекли на поверхность тело последней из 23 жертв катастрофы в шахте „Халемба". Начато опознание погибших. (...) Некоторые тела так покалечены, что узнать невозможно. Личности их можно будет установить только после специальных анализов ДНК. (...) Сначала взорвался метан, что вызвало взрыв угольной пыли. (...) Второй взрыв был куда более мощным, и, вероятно, именно от него погибло большинство работавших внизу шахтеров». *(«Дзенник», 25-26 ноября)*

• **«Темп реформ в Польше — либерализация экономики и приватизация — замедлился после вступления в Евросоюз. После победы „Права и справедливости" осенью 2005 г. реформы застряли на месте, считает Европейский банк восстановления и развития».** ***(«Газета выборча», 15 ноября)***

• «В этом году наша задолженность растет внушительными темпами: за весь 2005 год долг сектора государственных финансов (...) вырос на 35,4 млрд. злотых, а за первое полугодие [2006-го] мы задолжали уже 34,2 миллиарда!» *(«Газета выборча», 22 ноября)*

• **«По оценке Европейской комиссии, польское правительство не предприняло достаточных шагов по сокращению бюджетного дефицита. Европейская комиссия запустила очередной этап исправительной процедуры, к счастью не предусматривающий финансовых наказаний».** ***(«Газета выборча», 15 ноября)***

• «Министерство финансов сообщило, что нас ждет рост инфляции. (...) Ноябрьский рост цен на потребительские товары составил 1,5% с начала года. (...) По прогнозам, в марте 2007 г. инфляция достигнет 2,5%». *(«Дзенник», 2-3 дек.)*

• **«Еще одно польское вето в Евросоюзе: на этот раз Варшава не дала ходу реформе уголовных предписаний ЕС в связи с предписанием, позволяющим перевод заключенных на родину из страны, где они осуждены. В настоящее время в тюрьмах государств — членов Евросоюза сидит около 1,8 тыс. поляков, а в переполненных польских пенитенциарных заведениях — несколько десятков граждан других государств».** ***(«Тыгодник повшехный», 17 дек.)***

• «Принятый парламентом и подписанный президентом закон „Об оглашении информации о документах органов госбезопасности", который обычно называют новым законом о люстрации, вводит возможность наказания тремя годами тюрьмы всякого, кто „публично обвиняет польскую нацию в участии, организации либо ответственности в коммунистических или нацистских преступлениях". (...) Станут ли преступными высказывания типа „В 1956 г. в Познани поляки стре-

ляли в поляков"? — спрашивает Дариуш Столя из Института политических исследований Польской Академии наук. Он заметил, что кандидатом на тюремные нары окажется не только Ян Т. Гросс за работу о Едвабном, но и „все историки, затрагивающие вопрос предательства и пишущие об агентах гестапо, доносчиках, об участии польских полицейских в репрессивных операциях или о еврейских полицейских, помогавших в депортации населения гетто", — все они были гражданами Второй Речи Посполитой и в правовом смысле „членами польской нации"». *(Кшиштоф Бурнетко, «Политика», 25 ноября)*

• Профессор Михал Гловинский, член Польской Академии знаний: «Речь правящей команды начала поразительно напоминать официальный образ речи, обязывавший в странах т.н. социалистического лагеря. (...) Группировка, которая из антикоммунизма сделала себе идейный фундамент, а из декоммунизации — один из главных лозунгов, оперирует языком, который не только напоминает практику, действовавшую при коммунистической власти, но иногда бывает ее поразительным повторением. (...) В основу того языка, которым пользуется сегодняшняя правящая команда, положены три главных элемента. Первый — последовательно дихотомическая картина мира, не допускающая никаких оттенков и сложностей. (...) С дихотомическим разделением непосредственно связан следующий фактор: определителем этого типа речи служит идея врага. А врагом становится или, по крайней мере, может стать каждый, кто стоит по другую сторону. (...) С дихотомическими разделениями и демонстративной идеей врага тесно связан и третий фактор — представление о мире как поприще заговоров. (...) Мы имеем дело с серьезным понижением стандартов публичной речи, и только одно наполняет оптимизмом: к счастью, она по-прежнему не стала исключительной собственностью одной лишь политической группировки». *(«Газета выборча», 25-26 ноября)*

• Профессор Анджей Зибертович: Как исследователь я пытаюсь реконструировать механизм „групп интереса против развития" (ГИПР) — скрытых группировок, паразитирующих на публичных средствах и парализующих явные субъекты власти. (...) Например, при больших компаниях, принадлежащих государственной казне, имеются отделы безопасности. И много людей из спецслужб. Если бы там компетентно и честно проводили аудиты, многих это отрезало бы от весьма выгодных, хотя мало рискованных сделок. (...) Есть много групп, проектирующих сложные манипуляционные игры в бизнесе. (...) Я давно уже занимаюсь подобными участками общественной жизни. Знаю аналитические работы, посвященные эффективности насилия и угроз как инструментов в социальных играх. (...) Думаю, что „Право и справедливость" хотело бы построить Польшу, которая была бы правовым государством, в которой соблюдались бы определенные стандарты социальной справедливости и которая в то же время была бы не только объектом, но и субъектом в европейской игре. Цели, следовательно, достойные. Теперь следует рассматривать, какие средства ПиС готово использовать, чтобы достичь этих целей. (...) О научно-технической цивилизации говорят, что империя средств затмила царство целей». *(«Политика», 18 ноября)*

• Рейтинг партий по опросу ГфК «Полония»: «Гражданская платформа» (ГП) — 30% (185 мест в Сейме), «Право и справедливость» — 23% (143), «Левые и демократы» — 8% (48), крестьянская партия ПСЛ — 7% (41), «Самооборона» — 7% (41), «Лига польских семей» — 3% (избирательный порог — 5%). *(«Жечпосполита», 13 дек.)*

• «Президент Лех Качинский откликнулся вчера на призыв „Газеты выборчей" защитить уникальную долину реки Роспуды, которую, по проекту, перережет объездная дорога вокруг Августова. Под призывом подписалось уже 150 тыс. человек. Вот слова президента [в отрывках]: «Принятие решения о строительстве Августовской объездной дороги и о ее трассе (в рамках строительства скоростной автострады Via Baltica) лежит в компетенции правительственных и местных органов, и я как президент уважаю их право. Однако если где-то допущена какая-то ошибка (...) то лучше подумать еще раз. (...) Наши сегодняшние решения (...) не могут наносить ущерб ни людям, ни окружающему нас миру. Пусть строящаяся дорога соединяет, а не разделяет. Та, о которой я говорю (...) представляет собой важный отрезок объединенной Европы, в которой, как мне хотелось бы, пусть находится и такая жемчужина природы, как польская долина Роспуды». *(«Газета выборча», 9-10 дек.)*

• «Европейская комиссия официально завела дело против Польши. Она хочет, чтобы работа по планированию Августовской объездной дороги была остановлена, и требует объяснений от польского правительства. Почему? По мнению ЕК, проект (как и несколько других участков проектируемой Via Baltica) совершенно противоречит принятым в Евросоюзе принципам охраны природы». *(«Газета выборча», 13 дек.)*

• «Британское Королевское общество охраны птиц впервые делает капиталовложения за границей. За 400 тыс. фунтов оно закупит около тысячи гектаров заливного урочища Бебжи в Польше. Сделает оно это для охраны одной из самых редких европейских певчих птиц — камышевки вертлявой [Acrocephalis paludicolla (Veill.)]. Число ее особей в мире оценивается едва-едва в 20 тысяч. 80% европейской популяции камышевки живут в Польше». *(«Жечпосполита», 30 ноября)*

• **«Я испытываю стыд, думая об этом сообщении. Мне стыдно, потому что т.н. достояние моей страны берут под охрану иностранцы. Они уже знают, что выпрямление русла рек и интенсификация сельского хозяйства природе добра не приносят. Милые англичане! Не можете ли вы выкупить у гуралей леса в Татрах? А может, и Беловежскую пущу, где не щадя вырубают старые деревья? А опушки Отцовского национального парка, где один за другим вырастают дома? Не можете ли вы защитить от разрушения пейзажи Сувальщины, Мазуры, Горцы, Бещады? Все местности, где во имя развития идет уничтожение природы?» *(Михал Ольшевский, «Тыгодник повшехный», 10 дек.)***

• «„Животное как живое существо способно испытывать страдания — оно не вещь. Человек обязан его уважать, охранять и опекать", — гласит ст.1 закона об охране животных. Трудно найти большее издевательство над этим законом, чем предпраздничная продажа карпов [карп — традиционное блюдо на польском столе в Рождественский сочельник]. (...) В польских супермаркетах я не раз наблюдал, как довольные собой отцы поднимают детей, чтобы показать им мечущихся рыб, и просят их выбрать особь на съедение. У части детей это вызывает зримые страдания — не за себя, а те, которые психолог М.Л.Гофман называет „эмпатическим дистрессом". У старших, начиная лет с десяти, к этому прибавляется чувство обиды и несправедливости, они принимаются задавать вопросы, ответы на которые обычно глубоко деморализующи. 12-летний мальчик, который пережил шок при виде мучений карпов в одном из варшавских супермаркетов, получил в конце концов откровенный ответ (...): „Может, это и жестоко, но такова в Польше традиция: перед Рождеством всем положено иметь в доме живого карпа"». *(Анджей Эльжановский, «Политика», 2 дне.)*

• **«Поляки, эмигрировавшие в Великобританию и Ирландию, привозят туда своих животных. В этом году на Британские острова „эмигрировали" уже 721 польская собака и 146 кошек. (...) Владельцы привозят своих четвероногих друзей, так как и они, и животные в разлуке тоскуют. (...) Поляки решаются на это, хотя процедура занимает много времени и стоит от тысячи до нескольких тысяч злотых — в зависимости от размеров животного и от средства транспорта. Выезжающее на Британские острова животное должно иметь вживленный чип и специальный паспорт. Ему надо сделать прививку от бешенства, а затем получить подтверждение из Государственного ветеринарного института в Пулавах, что вакцина подействовала. Перед самым выездом выдаются средства против червей и клещей. (...) Появилась даже фирма, специализирующаяся в перевозке животных вместе с владельцами, — „Интерцептор экспресс", открытая в Лондоне поляком Мартином Хайне. (...) Польским собакам, кошкам и другие животным хорошо живется на новой родине. (...) Трудности бывают только со знанием языка». *(Доминика Пщулковская, «Газета выборча», 14 дек.)***

Адам Гжешак

НОВОНАЖИТЫЕ СОСТОЯНИЯ

Правление фирмы «Атлас»

Анджей Вальчак живет на два мира. В первом — совладелец и один из председателей группы «Атлас», он успешно зарабатывает деньги на рынке строительных материалов. А во втором — художник, меценат искусства и вдохновитель культурной жизни, эффектно их тратит. В обоих случаях он делает это с хорошими результатами.

В «Атласе» странно выглядит всё. Так же, как странно зимой выглядит пластмассовый аист в высоком гнезде — реклама продукции «Атласа» на складах стройматериалов. Поэтому и не удивляет, что Анджей Вальчак бежит по коридору лодзинского дворца, выстроенного в стиле модерн, в хлопчатобумажном азиатском костюме и тапочках на босу ногу. Офис группы «Атлас» разместился во дворце Бидермана (одного из знаменитых лодзинских фабрикантов), отреставрированном по проекту Вальчака. Председатель приглашает к себе в кабинет и просит не титуловать его председателем: он этого не любит. Вдобавок ситуацию осложняет тот факт, что в «Атласе» четыре председателя и главного среди них нет. Просто у фирмы коллегиальный председатель. И этому тоже не стоит удивляться: это же «Атлас».

Кабинет Анджея Вальчака — это настоящий музей редкостей. Тот, кто ожидает увидеть на полках образцы стройматериалов, а на стенах — дипломы, будет разочарован. Интерьер напоминает скорее кабинет директора художественной галереи в процессе смены экспозиции. На стенах, на полу, даже на потолке — везде висят или стоят картины, скульптуры, большие фотограммы. Внимание посетителя привлекают прекрасные полотна Ежи Новосельского с обнаженной натурой. Роль письменного стола и просто стола выполняют приспособленные элементы старинной азиатской архитектуры. За письменным столом — ни на что не похожая полукруглая ажурная конструкция, которая служит хозяину креслом, произведение знаменитого шотландского архитектора и дизайнера Чарльза Ренни Макинтоша, творчеством которого увлечен Вальчак. Часть картин и фотограмм — произведения самого хозяина: искусство — его настоящая страсть. Он пишет, фотографирует, проектирует.

Беседовать с ним нелегко: вместо того чтобы рассказывать о новых стройматериалах и о том, как идет развитие фирмы, Вальчак охотнее всего поговорил бы о Пунических войнах, творчестве Данте или о фильмах Чаплина.

— Я мечтал об учебе в лодзинской киношколе, но не смог поступить. Поэтому стал архитектором, а теперь занимаюсь производством стройматериалов, — кратко излагает свою карьеру Анджей Вальчак. При этом он скромно умалчивает о том, что, занимаясь стройматериалами, стал одним из самых богатых поляков. Настоящий Lodzermensch — «человек из Лодзи», преемник знаменитых лодзинских фабрикантов Шейблера, Познанского или Бидерманна.

ЛЕГЕНДА о бетономешалке

А началось все с бетономешалки. Историю эту знает почти каждый из двух с лишним тысяч сотрудников фирмы «Атлас». Это самый главный миф о создании фирмы. Впрочем, многие видели этот легендарный механизм собственными глазами: бетономешалка и по сей день сохраняется как исторический экспонат. И всякий раз с нее начинается рассказ об истории «Атласа».

Дело было так. Давным-давно, в 80-х годах прошлого столетия, жили-были в Лодзи трое друзей: двое — свежеиспеченные инженеры, друзья еще со школы, архитектор Анджей Вальчак и строитель Гжегож Гжеляк, а третий, намного старше, — Станислав Чупинский, электрик, тоже инженер.

У каждого из них было ровно столько денег, чтобы совместно учредить фирму. Это была строительно-монтажная фирма. Им грезилось осуществление инвестиций «под ключ». В эпоху централизованной экономики и постоянной нехватки стройматериалов это было нелегко. Поэтому фирма, основанная тремя друзьями, бралась за выполнение самых разных задач и особую славу приобрела в области модернизации ванных. Это были времена, когда многие поляки, стремясь повысить стандарт своих квартир, вкладывали средства в переоборудование ванных. А необходимый для этого кафель — итальянского или испанского производства — они покупали на скопленные доллары в магазинах «Певекса» [валютные магазины типа советской «Березки»]. Фирма лодзинских инженеров предлагала заказчикам интересные проекты (специальность Анджея Вальчака) и качественное исполнение. Дело это было непростое: для укладки кафеля тогда использовался традиционный цементный раствор, а это технология довольно трудоемкая и капризная.

— Как-то раз один из наших мастеров-кафельщиков, принимаясь за работу, вздохнул: «Во всем мире плитку кладут на клей...» И это нас вдохновило, — вспоминает Анджей Вальчак.

У этой легенды есть и другая версия: что наших инженеров вдохновили увиденные ими мешки с немецким клеем, которые достал один из богатых клиентов. Тут тоже некая фирменная специальность: отцы-основатели рассказывают каждый свою собственную версию одной и той же истории, не подвергая сомнению правдивость остальных. Их явно забавляет эта мифология. Но одно очевидно: они тогда задумались над тем, нельзя ли делать подобный клей в Польше. Задача экономической разведки была возложена на Вальчака, который в тот момент осуществлял в Германии один из своих проектов — модернизацию старой гостиницы в Тюрингии. В свободное время он обзванивал советников фирм, производящих стройматериалы, и про всё выспрашивал. Вскоре он уже знал, что секрет добротного клея для кафельной плитки кроется в специальных химических добавках. Он нашел производителей, закупил образцы и вернулся в Лодзь.

Трое друзей приступили к экспериментам, где роль реторты выполняла легендарная бетономешалка. Они заливали в нее цементный раствор, добавляли привезенные химические добавки и размешивали. А потом проверяли, что у них получилось. И так несколько недель. Советником, оценивавшим результаты их экспериментов, был профессор Петр Клемм из Лодзинского политехнического, эксперт в области стройматериалов, ставший позже их партнером. Когда им удалось получить собственный клей, они решили заняться его производством. Так строительно-монтажная фирма превратилась в завод по производству клеев и строительных смесей.

ЛЕГЕНДА о мешке

Шел 1991 год. Нарождался молодой польский капитализм. Бетономешалка вращалась, а они развозили товар клиентам на своих машинах. Однако вскоре они поняли, что фирма должна иметь собственную марку, иначе к их товарам будут относиться как к дешевой продукции ремесленного производства. Так родилась фирма «Атлас». Поначалу это была марка продукции, а не самой фирмы.

У Вальчака оригинальное чувство юмора, и иногда трудно понять, когда он говорит серьезно, а когда шутит. Это подтверждает и директор Яцек Михаляк, ближайший сотрудник Вальчака:

— Мне понадобилось несколько лет, чтобы я этому научился. Теперь мы понимаем друг друга с полуслова.

Благодаря этой склонности Вальчака подшучивать родилась своеобразная маркетинговая шутка, которая помогла «Атласу» стартовать. Когда они поняли, что их товар не вызывает доверия, потому что потребители верят только в импортные товары, им пришла в голову идея снабжать мешки с клеем

надписями... на немецком языке. Сейчас бы такой номер не прошел, ибо это называется вводить покупателя в заблуждение, но тогда все приемы были дозволены. На всякий случай на мешках все же была дополнительная надпись: «Hergestellt in Polen» («Сделано в Польше»), а также сообщались адрес и телефон лодзинской фирмы. Идея сработала, никто не придрался, продажа пошла. Так родилась фирма, которая теперь рекламирует себя словами: «Я люблю Польшу».

ЛЕГЕНДА о шампанском и винограде

Когда в Лодзи трое друзей-инженеров придумывали состав клея, в далеком Гданьске двое кузенов-магистров Роман Роек и Мариуш Юрковский брали дело в свои руки.

— В то время самым выгодным бизнесом была торговля. Мы покупали сахар в мешках по 50 кг, пересыпали его в килограммовые пакеты и продавали, —вспоминает Роек, который ради этого бизнеса отказался от весьма неплохо складывавшейся научной карьеры на юрфаке Гданьского университета и бросил работу во Всепольской комиссии «Солидарности». В 80-е годы он стал одним из организаторов знаменитого кооператива «Светлик», предоставлявшего услуги в сфере промышленного альпинизма, где зарабатывали на жизнь поморские оппозиционеры (в частности Плажинский, Туск, Валендзяк).

Направления специализации гданьских бизнесменов сменялись быстро, так что вскоре они оказались в небольшой поморской фирме, владельца которой тоже осенила идея производить готовый раствор для укладки кафельной плитки (его раствор отличался от лодзинского тем, что в нем не было химических добавок). Однако дела у него шли плохо, поэтому он взял на работу Роека и Юрковского. Они должны были помочь ему продать целые горы нераспроданного товара. И когда они ему помогли, хозяин быстро с ними расстался. Тогда-то они и пришли к выводу, что жаль было бы не использовать накопленный опыт и разослали свои предложения фирмам по производству стройматериалов, в том числе и фирме в Лодзи.

— Откликнулся Анджей Вальчак и пригласил нас к себе. Всю ночь мы проговорили под ящик шампанского, закусывая виноградом. Наутро мы уже были партнерами, связанными словом, —вспоминает Роман Роек.

История ночной встречи Лодзи и Гданьска — еще одна легенда фирмы «Атлас», которую рассказывают в разных версиях. Тогда и была определена структура фирмы примерно в таком виде, в каком она функционирует сегодня. А это структура особая, как особой были и те ночные разговоры польских мальчиков, которые они вели, попивая российское шампанское и закусывая виноградом.

ЛЕГЕНДА о председателе года

Во главе Фабрики по производству клеев и строительных смесей «Атлас» — Гжеляк и К°, товарищества на паях (так звучит сегодня официальное название фирмы), стоят четыре равноправных председателя. Двое работают в Лодзи, а двое — в Гданьске. У каждого из них своя специализация: Гжегож Гжеляк занимается производством и, как надлежит инженеру-строителю, строит новые предприятия фирмы «Атлас» в Польше и за границей. Одна из них работает в Дубне под Москвой, а самая новейшая вот-вот будет запущена в Румынии.

У Анджея Вальчака репутация хорошего переговорщика, поэтому он ведет переговоры с зарубежными поставщиками, а также занимается новыми продуктами. Мариуш Юрковский отвечает за торговлю, а Роман Роек увлечен маркетингом — как на практике, так и в теории. Совсем недавно он защитил диссертацию по этой дисциплине. Благодаря ему фирма «Атлас» использует нетрадиционные идеи по продвижению своей продукции на рынок, которые способствовали тому, что марка стройматериалов приобрела почти ту же узнаваемость, что и сеть сотовой связи.

С коллегиальным председательством, как они сами признают, у них бывают некоторые сложности. Люди не привыкли к таким крупным фирмам, где нет единоличного руководства. И трудно объяснять каждому, что «Атлас» — это товарищество на паях и ему не обязательно иметь председателя или правление. Таким товариществом могут совместно руководить пайщики, как это они и делают. Однако время от времени возникает необходимость представительства, а ведь сложно ходить всюду вчетвером. Поэтому они придумали должность ротационного председателя года, который на 12 месяцев принима-

ет на себя бремя представительских обязанностей, дает интервью и участвует в различных официальных мероприятиях. Однако в последнее время эта система сбоит, и неизвестно, кто возглавляет «Атлас» в 2006 году.

ЛЕГЕНДА об «Атласе», который немца не пожелал

Как успешно управлять фирмой вчетвером, работая в двух городах? Сами они уверяют, что с этим нет проблем, хотя сотрудники дают понять, что такое решение не слишком функционально.

— У каждого из нас есть определенный объем задач и полномочий, а также соответствующая команда. Мы постоянно на связи, а если обстоятельства требуют, то мы встречаемся, обсуждаем возникшие вопросы и принимаем решение, — объясняет Анджей Вальчак. Роман Роек добавляет, что встречи «большой четверки» проходят в среднем раз в месяц и во время этих встреч действует принцип, что все вопросы обсуждаются до окончательного результата. Только в крайнем случае проводится голосование в соответствии с количеством имеющихся у каждого акций. Говорят, что за всю историю существования «Атласа» это случилось лишь дважды.

В таких случаях решающий голос принадлежит председателям из Лодзи — Гжеляку и Вальчаку. С тех пор как недавно ушел из бизнеса самый старший «отец-основатель» Станислав Чупинский, оба последних обладают большей долей акций. У остальных компаньонов (всего у «Атласа» семь владельцев), в том числе у двух гданьских председателей, небольшие пакеты акций. Пакеты Гжеляка и Вальчака обеспечивают им высокие места в списке ста самых богатых поляков. Журнал «Форбс» поместил первого из них на 17-м месте, оценив его состояние в 780 млн. злотых, а второго — на 18-м, с состоянием в 640 млн. злотых.

Эти данные весьма приблизительны из-за особого правового статуса фирмы «Атлас». А статус этот сохранялся ввиду налоговых льгот, право на которые фирма получила в первой половине 90-х. В это трудно поверить, но еще в 2002 г. «Атлас» был частной фирмой, хотя в ней работало более тысячи сотрудников. Сегодня фирма разрослась до объема мощного концерна, крупнейшего в польской отрасли стройматериалов. Фирма успешно отразила наступление крупных западных конкурентов, которые много раз пытались ее выкупить. Крупнейший ее соперник — немецкая фирма «Хенкель», с которой не прекращается особенно жесткая борьба. «Атлас» славится тем, что использует агрессивную рекламу, вызывающую споры и разногласия, и не упускает случая обратить на себя внимание СМИ. С этой целью когда-то была выкуплена и с помпой возвращена полковнику Куклинскому его яхта, конфискованная во времена ПНР.

Подобная история произошла с «Грюнвальдской битвой», которую фирма «Атлас» вела против немецкой фирмы «Хенкель». В рекламе крестоносцы отказывались от сражения, предпочитая взамен получить мешки с клеем фирмы «Атлас», «так как у крестоносцев клей гораздо хуже». Фирма «Хенкель» сочла, что это намек на нее (у рыцарей на латах вместо креста изображался фирменный знак в виде кота с рекламы фирмы «Хенкель») и обратилась с жалобой в Комиссию по рекламной этике. Но результата не добилась. «Атлас» настаивал на своем и продолжал воевать, торжественно установив очередной столб под номером 1410 с аистом вблизи поля Грюнвальдской битвы. На заявление «Хенкеля», что он выкупит «Атлас», последний ответил, что все произойдет... как раз наоборот.

Доля «Атласа» на рынке составляет примерно 40%, и ее преимущество перед немецким конкурентом по-прежнему сохраняется. Сегодня группа «Атлас» состоит из 13 фирм — добывающих сырье и производящих продукцию. Они называются группой, хотя формально не связаны друг с другом. Связующий элемент — только их общие владельцы с пропорциональным участием. Однако подобная специфика организации вскоре будет не актуальна — владельцы готовят структурные преобразования. Вскоре должно быть создано одно большое акционерное общество «Атлас», которое затем впервые выйдет на биржу.

Необходимо искать партнеров, ибо золотые времена больше не вернутся. Чтобы сохранить свое место, фирма должна инвестировать, но не все предыдущие капиталовложения оказались удачными. Неудачей обернулась идея с фабрикой по производству гипсо-картонных плит (в фирме утверждают, что конкуренты применили демпинг), не все гладко пошло и с российской фабрикой, где потери

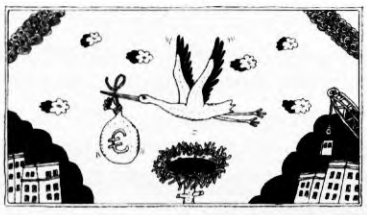
оказались немалыми, потому что тамошний рынок заполонили подделки с маркой «Атласа». Заканчиваются налоговые льготы, которые были мощным маховиком. Получив из государственной казны 50 млн. злотых в качестве возврата неправомерно взимаемых налогов (покойная ныне компаньонка Барбара Бик доказала, что «Атлас» имеет право на льготы), фирма купила себе когда-то предприятие в Пётркове-Трибунальском. Кроме всего прочего надо все усиленнее бороться за дистрибуторов, которые жалуются, что «Атлас» ведет себя жестко и слишком высоко себя ценит: не предоставляет им ожидаемых скидок.

ЛЕГЕНДА о меценате

Вальчак о своих деньгах говорит неохотно. Успех? Конечно, но давайте поговорим о чем-нибудь другом, есть столько интересных тем.

— То, что я человек богатый, я впервые ощутил в книжном магазине. Мы с дочкой накупили кипу альбомов по искусству. И тут я осознал, что больше не обращаю внимания на цены, —вспоминает Вальчак.

Председатель предпочитает говорить о своих картинах и альбомах, а не о вертолете, на котором любит летать (как и Гжеляк), и не о «Мерседесе-купе AMG», припаркованном у офиса. («Это, наверное, какого-то клиента»). Однако самая большая его страсть — «Атлас искусства», частная галерея на Пётрковской улице, которая стала известна серьезными выставками современного искусства. Коллеги-председатели не разделяют его интереса, но относятся к этому доброжелательно. Поэтому согласились с тем, что в названии галереи будет фигурировать логотип «Атласа».

— В один прекрасный день ко мне пришел председатель Вальчак и заявил, что теперь я председатель фирмы «Атлас искусства», — со смехом говорит Яцек Михаляк, директор «Атласа» по вопросам исследований и развития. Михаляк — кандидат химических наук и, как сам признается, опыта работы с современным искусством прежде не имел. Сегодня он делит свое время между дворцом Бидермана, где занимается разработкой новой продукции (он гордится тем, что утеплительные системы «Атласа» только что прошли европейские технические испытания), и размещающейся поблизости галереей, где занимается организацией очередных амбициозных выставок («Это сумасшедшее место»). «Атлас искусства» (об этом не знают даже компаньоны Вальчака) — это не фонд, но торговая фирма с правом устраивать выставки-продажи. Планово дефицитная, как объясняет Яцек Михаляк, который следит за рациональным расходованием денег своего начальника.

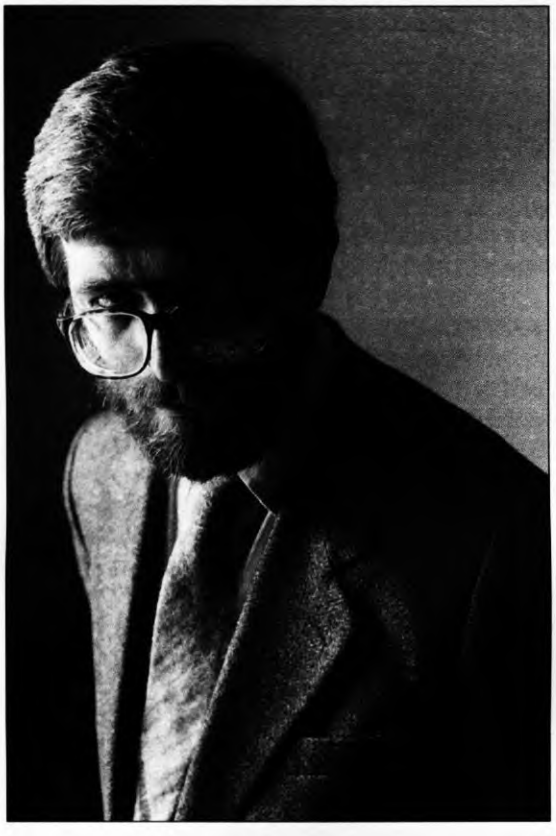
Однако у «Атласа искусства» есть конкуренты, ибо Вальчак занялся новым, гораздо более масштабным проектом: вместе с Мареком Жидовичем (организатором фестиваля «Camerimage», лауреатом премии «Творец культуры», присуждаемой газетой «Политика») и американским режиссером Дэвидом Линчем они создали фонд «Искусство мира». Идея создания совместного фонда родилась во время организации фестиваля «Camerimage», которому Вальчак предоставил финансовую поддержку.

— Он любит и понимает искусство, наверное потому, что сам художник, — убеждает Марек Жидович, который в процессе поиска спонсоров вел переговоры со многими польскими бизнесменами, но второго такого, как Вальчак, не встретил.

Фонд совместно с городской администрацией стал владельцем старой лодзинской теплоэлектростанции. Когда этот объект будет восстановлен, там начнет работать культурно-выставочный центр. Там же будет проходить фестиваль «Camerimage», найдется место и для студии Дэвида Линча, там же будет размещаться и «Атлас искусства». Но это уже совершенно иная, пока только нарождающаяся легенда.

Тадеуш Нычек

СТАНИСЛАВ БАРАНЧАК: МЕЩАНСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

Чего бы он ни коснулся, всё превращалось в литературное золото. Книга стихов «На одном дыхании» стала первой «иконой» поэзии «Новой волны». Сборник эссе «Недоверчивые и самоуверенные» в 70-е годы открыл важнейшую критическую дискуссию о литературе. Его языковая виртуозность и в серьезном и в шутливом творчестве не имеет себе равных. Поэтические переводы, от Шекспира до Джона Леннона и от Мандельштама до Бродского, — особый канон высшего класса. Он писал о Херберте, Бялошевском и теории перевода, но и о худших книгах, и о ловушках социалистической массовой культуры. Баранчак — писатель-учреждение, одна из крупнейших фигур современной польской культуры. 13 ноября 2006 года ему исполнилось 60 лет.

Последний раз он был в Польше десять лет назад. Но остается в постоянном контакте с родиной благодаря газетам, друзьям, интернету. Когда в 1999 г. ему присудили «Нике» за книгу стихов «Хирургическая точность», премию от его имени получала жена Анна. Врачи уже запретили ему тогда летать самолетом, а от Массачусетса до Варшавы путь все же неблизкий. Вот уже примерно четверть века он страдает болезнью Паркинсона, недугом, который постепенно физически уничтожает организм (им страдал и папа Иоанн Павел II). Каждый случай болезни имеет индивидуальную историю, причины таинственного недомогания по сей день не ясны. Подозревают, что у Баранчака могла сыграть роль травма из далекого прошлого. В детстве он был на каникулах в деревне под Познанью; шурин хозяйки, в доме которой он жил, держал кузницу; и шестилетний мальчуган смотрел, как работает кузнец, — что могло быть для него более завораживающим?

Я очнулся без паники; словно был согласен
уткнуться взглядом
в эмаль ведра темно-синюю, на траве, совсем
рядом,
с водой до краев, почему-то светло-красной;
потом

кто-то ловко, с журчанием выжимал тряпку или
фартук,
и кретоновая, мокрая, воскрешающая из мертвых
арктика
начинала переговоры с моим правым виском,

а в нем что-то билось пульсом...

(Пер. А.Базилевского)

Стихотворение — в соответствии с датой события — называется «Июль 1952-го», оно опубликовано в книге «Открытка с видом из этого мира» (1988). Раскаленная стружка или капелька металла, брызнувшая из-под кузнечного молота, попала в висок, и несмотря на позднейшие хирургические

вмешательства удалить ее оказалось невозможно: слишком близко был мозг. Никто, однако, не поручится, что именно это стало причиной начавшейся тридцать лет спустя болезни Паркинсона.

Коль скоро Баранчак с некоторых пор уже не может приезжать на родину, пришлось отправляться к Баранчаку.

Поэт вместе с женой Анной и дочерью, тоже Анной (которую зовут маленькой Аней, хотя она выше, чем Аня большая), занимает скромный домик в Ньютонвилле, районе Бостона, напоминающем дачное местечко над рекой, только без дачников. Он живет там с 1981 г., когда благодаря вспышке «Солидарности» с его имени было снято клеймо политической неблагонадежности и он сумел наконец получить паспорт, в котором ему три года отказывали. Все эти три года его ждала должность профессора польской литературы на кафедре славистики лучшего в мире университета — Гарвардского. Гарвард же — это, как известно, сердце Бостона.

Он проработал в этой должности почти двадцать лет, пока болезнь не приковала его к дому. Большая Аня работает на той же кафедре, преподает студентам польский язык и его каверзную грамматику. А кроме того занимается Станиславом. Домашней сиделкой она стала только с начала его болезни, но практически занимается мужем всю жизнь. И это не просто какая-нибудь готовка (на уровне лучшей мировой кухни — знаю, пробовал),и вообще устройство быта. Аня, Анна — попросту часть Станислава в той же мере, в какой Станислав — часть Анны. Они познакомились в 1964 г., он был на первом курсе филологического факультета в Познани, она на втором, поженились два года спустя и, в принципе, никто никогда с тех пор не видел их друг без друга. Может быть, за исключением студентов: перед дверями аудиторий они всё же ненадолго расставались. Все поэтические книги Станислава имеют уже ставшее знаменитым посвящение — «Ане». Ну, почти все, потому что одна — «Я знаю, это несправедливо» (1977) — посвящена также матери и сыну. Посвящения Ане есть и в нескольких литературно-критических книгах.

Неизвестно, кто он более всего: поэт, переводчик, историк литературы, критик, эссеист? И еще тот, для кого нет точного названия: бравый автор литературных шуток, воплощенных в десятках жанров, в том числе изобретенных им самим. У англичан есть хорошее определение — light verse, шуточная поэзия, но ведь Баранчак втанцовывает свои безумные языковые фантазии не только в рифмованные пустяки.

Как почти все «поколение 68-го», он начинал с поэзии, дебютировал в 1965 г. стихами в барочно-экспрессионистской традиции (тремя годами позже из них сложится первый сборник — «Корректура лица»). Кипучее, резкое содержание в железных объятьях изысканной формы, тогда еще в основном сонета, на всю жизнь останется фирменным знаком лирики Баранчака и вообще его позицией в жизни и литературе. Не следует позволять, чтобы то, что бурлит в человеке, изливалось беспомощным и беспорядочным, хаотичным потоком — только холодное совершенство формы, условностей, правил и принципов может оправдать то, что мы навязываем кому-то свою точку зрения, узурпируя право противопоставить себя остальному миру.

Во всем своем творчестве Баранчак стремится к совершенству того, что древние римляне разумели под словом ars, искусность ремесла. Благодаря этому и те стихи, которые критики, не принимавшие поэтику Новой волны, презрительно оценивали как «публицистическую поэзию», поразительным образом выдержали проверку временем и сегодня по-прежнему трогают. Хотя бы жестким контрастом между невзрачностью жизни в Пээнэре и рафинированной формой, в которую поэт обрядил эту невзрачность. Таков был один из способов не поддаться маразму окружающей действительности.

Дикта, фанера, картонка, плита из опилок,
я еще выпрямлюсь, и позвоночник в затылок

крепко упрется, и круглые четки хребтины
вспялятся впрямь, как убогие мебели спины

в их наготе дощатой, фанерной, картонной;
да, я еще воскресну, хоть и не знаю, который

я; перестану гнуться, хотя упрямая вера
не проживет в моем теле столько, сколько
фанера...

(Пер. Н.Горбаневской)

Когда в 1970 г. вышел небольшой сборник «На одном дыхании», он немедленно стал самым отчетливым голосом нового поколения, вскоре окрещенного «поколением 68-го» или «Новой волной». Это была поэзия отказа, протеста, гнева. «Это лишь слово „нет", пусть оно будет в крови, / капли которой стекают по скале на рассвете, / даю

тебе это слово, как голову на отсеченье», — писал он в стихотворении-манифесте «Нет».

Пожалуй, он сам был застигнут слегка врасплох и реальностью, и собой в этой реальности. Этот безупречно вежливый, коротко стриженый очкарик родом из самого что ни на есть мещанского города Познани, делавший абсолютно настоящую, correct университетскую карьеру, — и на баррикаде? Как какой-нибудь политический скандалист, революционер?

Через много лет, когда социализм уйдет в голубую даль, а в тюрьмах и следственных изоляторах будут сидеть уже только настоящие уголовники, так как оппозиция станет полноправным элементом общественной жизни, он скажет, что всегда был эстетом и парнасцем, а к политической деятельности его вынудил просто случай — то, что он родился здесь, а не в какой-нибудь Швеции или Швейцарии.

Однако в политическую оппозицию он включился вполне естественно, словно такая потребность, прямо-таки необходимость была вне дискуссий. Не имея к тому никакой особенной предрасположенности, он принял на себя романтическую обязанность деяния, не задаваясь вопросом о последствиях; в неволе каждый должен стать солдатом освобождения. Такова была традиция польской интеллигенции; «будь верен, иди», как писал Херберт.

«Когда в мае 1977 года он пришел в варшавский костел св. Мартина, чтобы принять участие в голодовке протеста против ареста товарищей по КОРу и рабочих из Радома и с завода „Урсус", в тщательно уложенной сумке (не хватало только бутербродов) у него была книга для перевода и кипа научных трудов для чтения, чтобы оптимальным образом использовать выпавшую из жизни неделю», — вспоминала в тридцатую годовщину КОРа (Комитета защиты рабочих) Иоанна Щенсная, еще одна интеллектуалка с польских баррикад.

Раньше, в 1975-м, он подписал знаменитое «письмо 59-ти» к властям по вопросу гражданских прав, поставленных под угрозу готовившимися изменениями в конституции.

А через год стал одним из членов-основателей КОРа. Как и все они, подрывал, подстрекал и поджигал. То есть на самом деле занимался тем, в чем просто-напросто разбирался: писал, редактировал, участвовал в создании подпольной печати, к примеру — первого независимого литературного журнала «Запис». Ему запретили печататься, выгнали из университета, публиковался он теперь только подпольно и за границей. Сборники «Утренняя газета», «Я знаю, это несправедливо», «Триптих из бетона, усталости и снега», «Искусственное дыхание» стали манифестами поколения и всей оппозиционной Польши.

Он никогда не позволял себе предъявлять миру претензии, что у него отнято столько хорошей жизни. В конце концов, мир отнял ее почти у всех. И не надо требовать никаких воздаяний, ходатайствовать о компенсациях, почестях или публичных восхвалениях. Достаточно того, что можно публиковаться без цензуры, свободно ездить за границу и ходить на свободные выборы. А как же то, что через какое-то время болезнь сделает для него невозможным чтение лекций, во многом по-

мешает и писать, а затем и лишит возможности свободно передвигаться? А то, что он уже не вернется в Польшу, потому что дети выросли в Америке? Что польская система здравоохранения не может гарантировать ему того, что гарантирует американская? Ну и что с того? Другим наверняка приходится еще хуже.

В Америке, где он остался из-за военного положения (он лояльно писал: «никогда не употреблять слова „изгнание"»), он занимался тем, что мог и умел делать лучше всего: сближением культур. Посвятил себя переводам, главным образом с английского и русского, быстро приобретя славу одного из величайших переводчиков XX века. Всеобщий энтузиазм вызвали особенно его переводы Шекспира. Не все пьесы ему удалось перевести, но то, что он успел сделать, отличается таким точным и гибким языком, что даже самые брюзгливые актеры восхищались, как хорошо текст «укладывается во рту».

В Америке он издавал по-английски антологии польской поэзии, очерки и эссе о польской

культуре и литературе. Преподавал, пропагандировал, доводил до сведения мира, что представляет собой эта удивительная страна с такой запутанной историей. Его собственная поэзия стала более личной и, пожалуй, еще более драматичной. Появились сильные мотивы эмигрантской отчужденности, хотя и своего рода примирения с новой цивилизацией, по-своему захватывающей. За последний изданный сборник стихотворений, «Хирургическая точность», он, как уже сказано, получил премию «Нике».

Тексты и целые книги рождались под его пером в безумном темпе, но никогда — не за счет качества. Ян Котт, уже покойный великий критик и знаток Шекспира, с наслаждением рассказывал, как однажды он позвонил Баранчаку; трубку взял сын и сказал, что папа сейчас не может подойти, потому что переводит «Гамлета». «Ничего, я подожду», — ответил Котт.

Он знал, что время его сочтено и каждый день, вырванный у болезни, дает «чистую прибыль». Лишь года три-четыре назад он притормозил. Но всё еще не сдается. Всё еще над чем-то корпит — то над Шекспиром, то над шуточными литературными мозаиками. Когда я навестил его в Бостоне, я сфотографировал Баранчака в его комнатке-мастерской. На фоне заставленных книгами полок, а как же иначе. Три полки заняты его собственными книгами — от поэзии и критики до переводов и антологий. Всего более ста двадцати. Какой пустяк.

ГРАЖДАНСКОЕ НЕПОВИНОВЕНИЕ

Разговор со Станиславом Баранчаком в перерыве между говядиной в фиговом соусе и peach crisp with хворост & vanilla cream

— «Новая волна» давно отошла от гражданской поэзии. Но может быть, пора почистить оружие и выйти на улицу? В Польше времена такие, что так и подмывает снова подняться на баррикаду…

— Я вообще очень давно не пишу стихов. Корплю над переводами и литературными шутками, но своих стихов — нет. Хотя, конечно, трудно заречься. Но если даже... то против кого выходить на баррикады? Бить филистеров? Как в XIX веке? Но ведь, по правде говоря, именно филистер, единственный, независимо от эпохи, политики, строя, держится крепко, и похоже, что он вновь взял слово... Словацкий нахлобучивал на него грубоватую маску-череп, Тувим обзывал его страшным мещанином, Гомбрович и Мрожек разглядели его в фигуре поляка — жертвы судьбы, требующей сочувствия от всего мира. Конечно, эта форма довольно бездумного обожествления польской сути помогала выжить в неволе, но, избавленная от натиска истории, она превратилась в окостеневшую химеру. А на такой химере, исток которой — почти исключительно философия обиды, невозможно строить ни литературу, ни, тем более, позитивную социальную программу.

— Но филистерство — это, пожалуй, нечто большее, чем чувство обиды и комплекс жертвы?

— Образцовый филистер упрощает всё до примитивных стереотипов. Пока это касается его частной жизни, пускай его. Каждый имеет право думать, как хочет. Но самое опасное — филистерство как модель управления, проведения политики. Для людей с такими горизонтами и травматическим типом реакций на мир другой человек всегда будет кем-то вроде противника. А противника надо либо привлечь на свою сторону, либо разбить. К счастью, демократия по своей природе допускает и такие промахи, и через это тоже надо пройти. Только немного жаль литературы, если она станет заниматься навязчивыми идеями филистеров. Думаю, что гораздо эффективней — «гражданское неповиновение», столь радостно распространяемое ныне через медиа, главным образом через интернет. Анекдоты в текстах и картинках, высмеивающие идиотизм властей. Это замечательное оружие и в то же время, так сказать, самозащита здравого смысла.

— А ты где? Ты же сам — мастер литературного абсурда!

— Я как раз дописываю новые куски в старую книжку «Слон, Труба и Отчизна».

Бостон, конец августа 2006

Станислав Баранчак **Перевод Андрея Базилевского**

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

Из книги «Утренний дневник»
(1972)
Посмотрим правде в глаза

Посмотрим правде в глаза: в отрешённые
глаза задетого локтем прохожего
с поднятым воротником; вытаращенные
глаза, воздетые к расписанию
дальних поездов; близорукие
глаза, ослепленные газетным петитом;
в опухшие глаза, едва промытые
спросонья, в заплаканные глаза, с которых днём второпях
вытирают непослушные слёзы, в глаза, поспешно
прикрытые монетами, — смерть строптива
и ох как резво загоняет нас в тупик
глазных впадин; мы должны до конца
отдать себя этим взглядам, чтоб оказаться на уровне
глаз, как надпись мелом на стене, давайте рискнем посмотреть
правде в ее мутные глаза, которых она с нас не спускает, —
глаза эти всюду: они устремлены в асфальт под ногами,
вперены в тучу, уставлены в афишу;
и если даже никогда прежде у нас не подгибались
ноги, одно только это способно бросить нас
на колени.

Из книги «Я знаю, это несправедливо»
(1977)
Не умещается в голове

Даже самая крохотная пуля прошивает навылет
всякое о ней представление, даже самая короткая
колючая проволока может больше огородить,
чем она обнять, это
не умещается в гробу, этот глобус, это не умещается
в глобусе, этот голод
свободы,
которая нам ежедневно приходит в голову,
но не находит в ней места и которую ежедневно
мы задаем себе сами,
как сочинение на дом, но,
на наше счастье, она
не умещается в слове.

(1974)

Rys. Paulina Zielona

И только этот мир боли

И только этот мир боли, только этот
шар, сплющенный в ледяных тисках,
иссеченный бурями, изломанный на колесе
меридианов, мир, который трещит по швам границ,
шитых белыми нитками, только эта
тонкая кожа земной коры, изрезанная
реками, истекающая соленым потом морей
между ударами лавы и ударами солнца,
и только этот мир боли, только это
тело в тисках воздуха и земли,
изрешеченное пулями, расколотое ударом
кулака, мир, который трещит под палкой
по костным швам черепа, только эта
тонкая корочка человеческой кожи, исхлестанная
в кровь, струящая соленое море пота
между ударом рождения и ударом смерти,
и только этот мир боли; ибо только этот мир
есть боль; ибо мир есть только эта боль.

Из книги «Искусственное дыхание»
(1978)

23. НН что-то пишет на пачке из-под сигарет

Я, человек в здравом уме и твердой памяти, служащий,
женатый, проживающий, несудимый,

я, родившийся тридцать три года назад, во время
войны, которая так и не кончилась и не кончится никогда,

я, знающий о себе только то, что у меня средний
рост и нет никаких особых примет,

я, тот, кто имеет из личных вещей только паспорт
в кармане на уровне сердца,

я, проснувшийся на рассвете от вопроса, которого прежде
никогда себе не задавал,

я, преследуемый голосами, которых раньше никогда
не слышал,

заявляю,
что никого не виню во всем, что
случилось,

никого кроме себя.

24. Песня из мегафона

Кто не с нами пусть проваливает прочь
Наконец-то заживем во всю мочь
Дали в морду? виноват ты сам
Кто не с нами тот — противник нам

Шаг наш тверд светел в будущее путь
Свежим воздухом наполним грудь
К чёрту весь этот смердящий хлам
Кто не с нами тот — противник нам

Хватит думать и не стой обалдуем
Шагом марш плечом к плечу вслепую
И на штурм вместе в ногу к вратам
Кто не с нами тот — противник нам

Из книги «Триптих из бетона, усталости и снега» (1980)

За чем стоите

Женщины средних лет и старушки-пенсионерки:
за чем стоите стеной у этой облупленной стенки,
в кирпичном перстне которой «МЯСО» — витрины брильянтик?

за чем стоите стеной, как хор из трагедии буден,
какой всеобщий насущный смысл вы тут добудете,
оправленный в очередь-стих, что выучен всеми на память?

плечом к плечу, день за днем — за какой баррикадой серой,
кому ваш потухший взгляд глаза ослепит примером,
какой порядок прикрыт стеной ваших плоских лиц?

за какой мутной мглой и тусклой болью вы с ночи
обреченно стоите у стенки, веря, хоть и не очень,
что на рассвете — спасенье, что нечто успеет случиться?

за чем вы стоите, и что за этим (не Всем) стоит,
не знаю, согбенные, бедные пенсионеры мои,
прижатые к стенке надеждой незримою, за которой —

стена незримого смысла — вашего и моего;
я тоже стою за ним, хоть рвусь бежать от него,
я тоже — среди усталого и молчаливого хора.

октябрь 1979 — февраль 1980

Из книги «Атлантида»
(1986)

Garden party

Апельсин, как я вижу, с Мальты — отменный!
Норвид

«Простите, я не расслышала вашу фамилию... Ах, Баначек?..
Это по-чешски, да? А, по-польски! Так значит,
вы из Польши? Как мило. Вы всей семьей здесь остались?
Давно ли?», «Ну нет, извини меня, Салли,
ты замучила гостя вопросами, а надо сперва
к столу пригласить — вот крекеры, вот халва,
чипсы, салат и прочее — нальете себе вы сами,
правда? Генри, хэллоу...», «Что нового в польских краях?
Чем занимается этот ваш Ва... ну, этот, с усами,
вы знакомы с ним лично? Нет? А я в новостях
видел: опять демонстрации — хотя разве можно верить
нашим телеведущим, это ж кошмар, просто звери,
волосы дыбом от этой их рекламы — цензуры —
европейцы правильно говорят, нам не хватает культуры...»,
«Хай, меня зовут Сэм. Мне тут Билли
говорил, вы из Польши — знаю Польшу, видел два фильма
о Войтыле — ничего ваш Папа не знает о том, что творится на свете,
консерватор ужасный...», «А как ваши дети?
Уже говорят по-английски? Ходят в хорошую школу?»,
«С государственной школой тут дела невесёлые —
проблема номер один, увы...», «Я не согласна, Самми,
в школе сносно, когда родители, то есть мы сами
проявляем заботу...», «Да, но бюджет федеральный...»,
«Эй, вы там, закругляйтесь, что за обычай скандальный —
спорить — ведь столько закуски, а вина еще больше —
на серьезные темы…», «И все-таки, что слышно в Польше?»

Из книги «Открытка с видом из этого мира»
(1988)

Мещанские добродетели

О, это безбрежно-пьяное, боксёрски-лирическое
презренье в глазах художника Н, когда он, присев в «Апаше»,
исходит своим перегарным, небритым трехдневным духом:
как же так, я при галстуке, когда он под мухой,
я смущен, я застегнут, а он последнюю из рубашек
рвет, как грудь окровавленную! О, бездушье филистерское!

Мещанские добродетели... Как же я их стыжусь —
столько лет ниже уровня: позор — в биографии не иметь
ни разводов, ни отклонений, ни особых пороков,
ни психушек, ни бурных романов на стороне,
ни полнокровного вскрытия вен. Так, какие-то серые крохи
вместо скандалов радужных; что за конфуз —

всего-то неделю хандра, никаких шепотков упорных:
«У Б. много месяцев жуткий кризис»; и ночных звонков не припомню,
не требовал от друзей срочно слушать новые стихотворения,
одолжить на бутылку, на героин, найти слова утешения
для меня; ничего — иногда письмо, но без крика: «На помощь!»,
разве только с намеком вроде: «Я последнее время не в форме».

Знаю, это не материал для культа, легенды, мифа,
фильма с де Ниро, битьем стекла и прочими сценами.
В какой же момент я, неизлечимый отличник, ступил
на дурную дорожку? Откуда этот болезненный пыл —
притворяться здоровым, ставить перед прахом и тленом
барьерчики и макеты? От уверенности, что меня не услышат

в хоре профессиональных колоратур, звучно скулящих,
с моей адресованной никуда сдавленной просьбой покорной?
От робости? От невыносимо яркого, сверхпредельного
понимания, что надо, на самом-то деле,
каждый миг жизни повторять тот призыв «на помощь!»?
От нежеланья нарушить покой спасателей работящих

или из-за неверия в их спасательские таланты?
От гордыни: мол сам со злом, загнанным внутрь, совладаю?
Или иной гордыни: дескать, столь несравненный мастер
пороков и мрака не втянет в эту систему замкнутую
никого, забавляясь мыслью: о, если б я выдал вам то, что знаю;
если б хотел сказать вам то, о чем умолчал я, к счастью?..

Из книги «Хирургическая точность» (1998)

Эта ария Моцарта

Эта ария Моцарта — из окна, как лекарство,
когда шел ты вдоль дома. А где-то валились
и опять воздвигались над руинами царства.

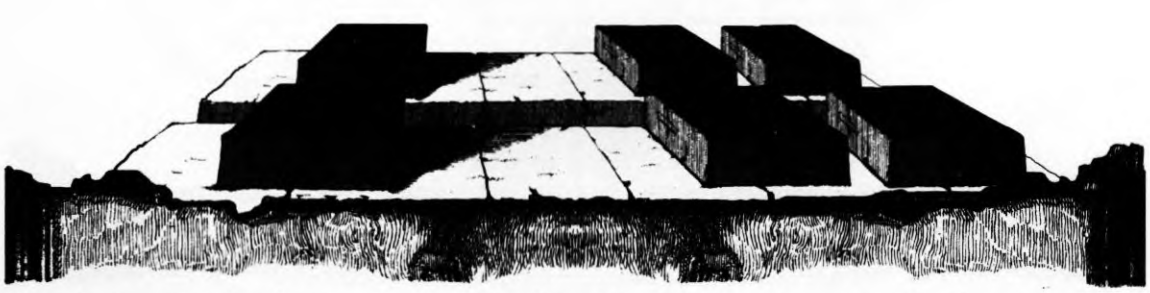
«Non so piu…» — не на жизнь, а на смерть розы жар тот —
невесомою шуткой, мотыльковою пылью,
пульса дактилем — ария Моцарта. Стартом

неизбежным звучала, в подтверждение хартии
прав прохожего, той, которую не сокрушили
мы — другие, из руин поднимавшие царства, —

эта ария Моцарта, как гарантия яркости:
мол, пластинка не стерта; а приговор отменили
и открылось окно, как укромная арка.

Словно вечное благо бесценным подарком
чьи-то мертвые руки безрассудно вручили
нам — тем самым руинам, над которыми царства

воздвигались, и всё же в нас росла вопреки им
вера в то, что никто никогда не осилит
эту арию Моцарта — из окна, как лекарство.
И опять воздвигались над руинами царства.

Она плакала ночью

Ане, единственной

Она плакала ночью, но не плач его разбудил.
Плач был не для него, хотя мог быть и о нем.
Был ветер и дрожь стекла, посторонние меж людьми.

И полуосознанный стыд: ей стоит немалых сил
то, что подавлено, заглушить в размере двойном
этим плачем ночным, но не плач его разбудил —

ведь сколько было ночей, а ни разу он не обратил
внимания: скрип и шум мокрых ветвей за окном,
ветер и дрожь стекла не имеют связи с людьми

и правдой; их звук угас, прежде чем он опустил
в ящик бессонницы жесткую анонимку о том,
что «она плакала ночью, но не плач его разбудил».

Руку лишь протянуть — там трогательно другие,
неприкасаемо дорогие, со своим: «Крепким сном
обмани влагу подушки, ночной закон обойди».

Не протянул он руку. Нарушил бы, разбередил
грубой нежностью — нежность ее, прозвучавшую в нем:
«Да, я плакала ночью, но не плач мой тебя разбудил».
Был ветер и дрожь стекла, посторонние меж людьми.

НЕ ОБИЖАТЬСЯ НА ТОЛПУ

Беседа со Станиславом Баранчаком

— Был ли для вас неожиданностью август 80-го?

— Да, полной неожиданностью. Я хорошо помню, как в июле пожал плечами, узнав от Адама Михника о том, что происходит. Когда начались первые забастовки, мне не казалось, что из этого что-то проистечет. Ему, кстати, — пожалуй, тоже нет, хотя политическое чутье у него было лучше, чем у меня. Только потом, когда уже вовсю пошло в Гданьске, стало ясно, что это перелом. Я был в тогда в числе собиравших подписи под письмом от познанской интеллигенции на бастующую судоверфь. И случилась такая смешная вещь: меня, как это водилось, забрали с улицы и взяли на допрос. Я просидел несколько часов, не сказав ни слова, и в конце концов меня отпустили. Когда я был уже на улице, что-то на меня нашло, и я говорю следователю, который сопровождал меня до двери: «Ну, до свиданья в свободной Польше». И он ответил: «До свиданья». Разумеется, он ответил не думая, инстинктивно и, небось, бедняга, язык прикусил, а все-таки — что за утеха диссиденту. Для меня в этом было что-то символическое: еще неделю назад тот же гэбэшник скорей наорал бы на меня, а то и задержал бы снова.

— Спрашивая, был ли август 80-го для вас неожиданностью, я имел в виду и более общий вопрос: предвидела ли польская литература — или хотя бы предчувствовала — такое развитие событий? Был ли в Польше хоть один писатель, который предчувствовал, что все это так развернется? Появилась ли в литературе тогда, под конец 70-х, хотя бы приблизительная гипотеза о силах, которым предстоит изменить положение в Польше?

— Все это звучало, пожалуй, больше в публицистике, чем в литературе. Подпольные издания, такие, например, как «Роботник» («Рабочий»), каждой своей страницей выражали надежду, если не предвидение, что общество пробудится, что оно дозреет до того, чтобы взять дела в свои руки. Но какой-то там небольшой процентик участия в том, что я назвал бы самообразованием польского общества в 1976-1980 гг., принадлежал в то время и писателям, подпольным и эмигрантским. Ясно, что литература действует на иных основаниях, нежели журналистика. Но при всей неизбежной элитарности ее распространения было впечатление, что хотя бы горстке читателей она открывает на что-то глаза — на что-то, что было и их опытом, но чего они, может быть, не умели назвать или найти в этом смысл, и только литература могла им помочь. И была надежда, что, может быть, пробудившееся у этой горстки сознание или восприятие будет распространяться. Я хочу подчеркнуть, что речь вовсе не шла о каком-то преувеличенном политизировании литературы, превращении ее в публицистику, в чем часто упрекали независимых писателей. Если находился кто-нибудь такой, кто в стихах занимался просто антикоммунистической публицистикой, — что ж поделать, графоманы есть повсюду, в том числе и на стороне «правого дела». А может, на ней — особенно. Я же сам писал в то время стихи, которые, надеялся я, позволят читателю как раз найти такой ключ к их собственному опыту, но эти стихи трудно было бы назвать «политическими» в прямом смысле слова. Наоборот, для меня это были необычайно интимные стихи — таких личных, «частных» стихов я никогда раньше не писал. Я говорю здесь о сборнике «Триптих из бетона, усталости и снега», который — так получилось — я целиком написал до лета 1980-го, составление книги закончил за несколько недель до августа.

— Даты в центральном цикле этой книги «Зимний дневник» указывают на зиму 1979-1980-го как на время написания большинства стихотворений...

— Да, и зима эта была для меня по крайней мере довольно мерзкой, без тени надежды. Не знаю, можно ли сегодня из этих стихов вычитать хотя бы след веры в то, что что-то изменится, — если что-то такое и есть, то разве что по принципу credo quia absurdum, из упрямства, не поддержанного никакими эмпирическими данными. Скажу иначе: если я во что-то тогда верил, то не в возможность какого-то «августа» — если б кто-то мне такую перспективу очертил, я счел бы ее совершенно недостоверной, — а в минимум: в то, что в человеке никогда до конца не истребить человеческое, что мы не позволим себя ссучить, превратить в сборище экземпляров Homo sovieticus. Так что я не был тогда совсем прогоркшим. И думаю, что это хорошо, а то некоторые прогоркшие пессимисты потом тем более бурно захлебнулись «августом», с тем большей охотой поверили — потому что и прогоркли они из-за того, что нуждались в такой вере, — будто польское общество совершенно чудесно и годы советизации сошли с него как с гуся вода, а теперь, когда стало можно, оно проявит все те великолепные ценности, которые таились в нем все время ненарушенными. Эта августовская эйфория... — я в ней, при всей радости от перемен, нехорошо себя чувствовал и сегодня хвалю себя за то, что был настолько разумен, чтобы не поехать на этой волне в своем творчестве. Всегда глупо поступает тот, кто, мысля о человеке, особенно в общественном масштабе, оперирует поспешными обобще-

ниями. Заметьте, пожалуйста, как это было с нами, когда миновала эйфория августа 80-го и миновал героический ужас декабря 81-го: страшное разочарование из-за того, что общество не дорастает до наших представлений о том, как оно чудесно, благородно и зрело...

— Кого вы имеет в виду?

— Из поэтов, например, Станислава Стабро. Или Томаша Яструна. Их стихи последних лет — сплошная иеремиада над безобразным обществом, над этой разочаровывающей нас малостью людей (выше которой, разумеется, вырастает сам поэт — он сам себя не разочаровал, и его благородство духа дает ему право раздавать осуждения). Думаю, что это не только страшно упрощенно и наивно, но и что в такой постановке вопроса есть нечто нехорошее — как если бы мы начали внушать партнеру по игре в шахматы, что перед началом партии мы якобы договорились, будто ему нельзя ходить конем. Осип Мандельштам, когда они оба с женой были на самом дне нищеты и унижения, выразился примерно так: «А кто сказал, что человек должен быть счастлив?» Так же точно можно было бы спросить и авторов этих плачей по обществу, которое якобы вдруг показало свою малость и неблагородно пытается поставить нам мат конем: «А разве общество подписывало когда-нибудь какое-нибудь обязательство быть всегда благородным, идеалистическим и „на уровне"?»

То, что я говорю, разумеется, не означает некритической терпимости ко всему, что происходит, — не всё действительное разумно, наверняка нет. То, что происходит сейчас во всей Центральной и Восточной Европе: Румыния, Югославия, Грузия и т.д., — может действительно подорвать у каждого мыслящего человека веру в то, что мы как человечество чему-то учимся от истории, или даже в то, что свобода для человека все-таки здоровей, чем неволя, или что демократия имеет больше плюсов, чем минусов. Как с этим ученьем человечества, я и сам не знаю, но что касается свободы и демократии, я бы и дальше упирался, что с ними нам лучше, чем без них... Хотя и у меня бывают свои дни черного отчаяния и тогда я проклинаю своих соотечественников, голосующих за Тыминского [демагог начала 90-х], жителей Центральной Европы, стреляющих друг в друга, или вообще несовершенство человеческого существа. Да только из проклятий не сделать литературы, как, выпендриваясь перед публикой, не сделать балета. Если мы сочтем человечество — или свой народ — быдлом, то элементарная честность требует в таком случае сломать перо, ибо зачем же писать для быдла? И, сверх того, элементарная честность требует и себя зачислить в это стадо, ибо кто ж мне выдал аттестацию, что я лучше других? Могу ли я быть настолько совершенно уверен, что я сам в соответствующих условиях не пойду голосовать за демагога или не примусь с пламенным энтузиазмом стрелять в соседа, если поверю, что за этим стоит нравственная и историческая правота?

— «Новая волна» сосредоточила свое внимание прежде всего на разведке общественного положения в 70-е годы. Можно ли было с точки зрения «Новой волны» предвидеть сохранение коммунистического слоя после конца коммунизма?

— Думаю, что нет, потому что если мы и пытались влезть в чужое нутро, понять чужие мотивы, механизмы логики и т.п., то это относилось скорее к порабощенному коммунизмом рядовому человеку, а не к тем, что стояли у власти. Попытки понять «изнутри» тех, кто завоевывает и сохраняет власть, можно было в большем масштабе найти у писателей старшего поколения — от, скажем, «Божественного Юлия» Бохенского до «Плача Фортинбраса» Херберта и, наконец, «Мезги» Анджеевского. Нас больше коммуниста интересовал конформист. Впрочем, разница между этими понятиями в 70-е и так практически стерлась — можно было говорить, самое большее, о конформистах по выбору и конформистах поневоле, но и тут граница была неясной. В какую категорию попадал какой-нибудь чинуша или заводской мастер, вступая в ПОРП, чтобы обеспечить себе повышение или скорейшее получение квартиры? Это трудно было установить, и как раз эта серость переходной зоны, за которой тоже почти ничего прямо черного или белого не было, давала литературе шансы на успех. Потому что литературе как раз в серости и сферах промежуточных, двусмысленных есть что сказать.

Я, собственно, только в одном стихотворении ухватился за метод, который довели до совершенства Херберт или Шимборская, — когда полностью входишь внутрь и запираешься в мозгу своего врага, то есть, говоря технически, метод ролевой лирики или драматургического монолога. Но как раз это стихотворение вызвало недоразумения, весьма для меня значительные. Я говорю о «Дилетантах» из вышедшего в 1986 г. сборника «Атлантида». Как-то так странно вышло, что все читатели принимали его «послание» — тезис о том, что общество, породившее август 80-го, было «обществом дилетантов», — смертельно всерьез, не замечая его прямо нагло лежащей на поверхности иронии. Одни протестовали, говоря, что я посягаю на святыни, или что всё было не так, как я пишу. Другие — и это было еще хуже — соглашались с этим тезисом. Никто не заметил, что тезис ни в коей мере не мой, потому что не я говорю в этом стихотворении. Тот, кто здесь говорит, — это какой-то циничный и демагогический защитник системы ПНР, а тезис, который он высказывает, — прямое продолжение знаменитого мартовского лозунга «студенты — за учебу, писатели — за перья». Смысл стихотворения, если прочесть его хоть чуточку внимательно, не может быть ничем другим, как опровержением этого тезиса. Но вопрос как раз в том, что этого читательского внимания не было, что в 1986 г. никто не понимал этого рода иронии, как понимали ее на 30, 20, даже на 10 лет раньше, — это было для

меня весьма поучительно. Это был сигнал, что некоторый код — скажем лучше, некоторые правила игры, определяющие чтение литературного произведения, принципиально изменились. Я не сказал бы, что ирония как техника и как перспектива вообще исчезла из польской поэзии — до такого, пожалуй, дело никогда не дойдет. Зато появилась потребность в элементарной серьезности, то есть, конечно, не в унынии или отсутствии чувства юмора, а скорее серьезности в том смысле, что берешь прямую и личную ответственность за слова, которые говоришь.

— Вы весьма решительно осудили военное положение после его введения. А сегодня, с перспективы прошедших лет, не кажется ли вам возможным, что существует связь между введением военного положения и мирным концом коммунизма в Польше? Герлинг-Грудзинский решительно опровергает такие мнения. По его убеждению, введение военного положение больше затормозило процесс нашего выхода из коммунизма, нежели открыло нам какие-то возможности. Как вы думаете, не позволило ли решение 13 декабря избежать такого развития событий в Польше, какое мы наблюдали в 1989 г. в Румынии?

— Аналогия с Румынией меня совершенно не убеждает: если бы такая резня могла произойти у нас, она произошла бы задолго до 13 декабря. На протяжении всего периода полусвободы времен «Солидарности» к этому было множество случаев, и никто за длинные ножи не хватался. За то, что в Польше все прошло сравнительно мирно, следует благодарить не военное положение, а этику неприменения насилия, которая вытекала одновременно из многих источников и была, возможно, самым ценным, до чего мы доросли в 70-е годы. Что же касается роли военного положения... Договоримся об одном: я действительно не политолог и не историк, и вообще политика и история — обе меня во многом отталкивают. В них надо, конечно, как-то ориентироваться, но в пограничных ситуациях не следует рассуждать в их категориях — скорее надо идти за элементарными нравственными рефлексами, или, как говорил Слонимский, «на всякий случай вести себя порядочно». В ситуации, когда погибали безоружные люди (и что с того, что их погибло вроде бы «не так много», как было бы, если бы въехали советские танки? — гипотезы и релятивное мышление ни к чему тут не приводят, потому что самую страшную трагедию можно этим путем защитить, доказав, что могло быть еще хуже), — в такой ситуации, говорю я, единственным поведением, достойным человека, был протест. Когда — может быть, когда-нибудь — все закулисные механизмы введения военного положения выйдут наружу, — тогда, возможно, история со своей прагматической точки зрения простит Ярузельского. Но сомневаюсь, что его хоть когда-то простит вдова или сирота шахтера с шахты «Вуек». Это не значит, что я мстителен и хотел бы видеть виновников на фонарях. С некоторым ужасом, должен сказать, замечаю высказывания, которых в последнее время немало в польской общественной жизни...

— Вы имеете в виду требования отдать Ярузельского под суд?

— Для меня дело скорее в том, что такие требования слишком часто становятся инструментом в политической борьбе, трамплином для чьей-то политической карьеры. Мне отвратительно всё, что в жизни общества опирается на сознательную эксплуатацию, на циничную игру на массовых эмоциях и инстинктах, особенно самых низких. Ответственность ответственностью, и, может быть, суд действительно был бы подходящим местом, чтобы решить, виновны или невиновны те, кто устроил военное положение, но я попросту думаю, что слишком много политиков и парламентариев на «декоммунизации» — теперь, когда за это требование ничего не грозит, — сбивают свои частные политические капитальцы.

— Определялся ли взгляд писателей «Новой волны» на события в августе 80-го, а затем в декабре 81-го мартовским опытом 68-го?

— Довольно сильно, по крайней мере со мной это было так. Для меня весь мой пятилетний опыт в Комитете защиты рабочих [КОР] был прямым последствием марта 68-го, этого огромного мартовского поражения. КОР был попросту возможностью сделать что-то, необходимость чего была пронзительной: у нас было ощущение причин того поражения, т.е. факта, что в марте протест оказался в общественном вакууме. Но и с литературной стороны август 80-го был для меня, помню, точным негативом марта 68-го — в том смысле, что люди начали говорить другим языком. Это очень хорошо показали в своих стихах того времени Лешек А. Мочульский и Бронислав Май. У Лешека есть такой фрагмент об ораторе, который читает с листочка, как и раньше, но на этот раз заикается, путается и поправляется, потому что наконец читает правду. И еще в третьей плоскости — ее можно было бы назвать плоскостью смысла истории — август 80-го противостоял марту 68-го, потому что избавлял нас от фаталистической веры в цикличность и безысходность любых начинаний, в то, что история — история поражений — вечно повторяется. Казалось, что на этот раз, впервые после войны, мы сделали решающий шаг за рамки заколдованного круга. Потом эти круговые и циклические образы с удвоенной силой вернулись в поэзию времен военного положения, но знаменательно — в ту, что похуже, постромантически-мартирологически-сентиментальную. Но есть еще один вопрос, крайне важный для поэтов. Речь идет об отношении поэта как отдельной личности к своей личностности и к ее оборотной стороне — бытию существом общественным. Адам Загаевский годы спустя заключил смысл этого в прекрасный заголовок своей книги — «Солидарность и одиночество». Думаю, надо было пережить март 68-го, чтобы понять, что ты не одинокий остров. Но надо было пережить и август 80-го, чтобы понять, что расплавляться

во множестве до такой степени, что мыслишь исключительно его категориями, губительно, всегда губительно для художника, а по сути дела губительно для всякой личности. Даже если множество охвачено самыми благородными и самыми верными порывами и идеями. Адам, кстати, это выразил намного раньше — потому что такую опасность можно было увидеть уже в 68-м — в своей послемартовской поэзии, например в стихотворении «Огонь». Из своих стихов, написанных в послемартовский период, я упомянул бы здесь стихотворение «Толкучка, которая толчет и толмачит», где из самой игры слов в заглавии следует, что множество нам насчет нас самих что-то «толмачит», переводит, разъясняет, но одновременно что-то в нашей личности «толчет», топчет, подавляет...*

— И даже протестуя против тоталитарного режима, требуя свобод для личности, она не перестает быть «толпой»?

— Вот именно. Думаю, что, например, когда мы смотрим вспять на литературу времен военного положения, то художественно хорошие произведения отличаются от плохих по очень простому принципу: в первых всегда присутствует раздвоение или, по крайней мере, полярная напряженность между чувством солидарности с множеством и чувством одиночества в толпе. В хорошей литературе это всегда взаимосвязано, даже если — как в рассказах Януша Андермана — на первый взгляд кажется, что один из полюсов доминирует. Андерман неслыханно резко атакует террор некоторых коллективных мифов или стереотипов поведения, но какая-то связь элементарной человеческой солидарности с «униженными и оскорбленными» всегда у него существует. А плохо написанное всегда абсолютизирует один полюс: либо поэт подписывается под коллективными требованиями так, что за общими ценностями его самого уже не видать; либо, обидевшись на множество, он возносится над ним так, что только он и виден. Примеры? Примером первой из этих двух абсолютизаций может служить лирика Томаша Яструна времен военного положения. Примером другой — лирика Томаша Яструна после военного положения.

— Возвращаясь к 1968 году: я в своем мартовском опыте усматриваю еще один момент. Большое впечатление производили на меня антистуденческие митинги, в которых принимали участие тысячи рабочих, неподвижно стоявших в заводских цехах с партийными транспарантами в руках. Я знал, что трудно приписывать этим людям какую-то сознательную вражду к «врагам народа», и все-таки эта инертность, молчаливая недвижность толп была очень сильным, гнетущим опытом. Так же, как очень сильным и гнетущим опытом была чехословацкая трагедия. Я думаю не только о самом поражении «пражской весны», но также об участии польских воинских частей в этих событиях и о том, как про это говорили тогда у нас по домам...

— То, что я говорил об ощущении поражения в связи с мартом 68-го, связано как раз с такого рода опытом. Больше всего нас тогда шибануло не то, что нас раз-другой разогнала милиция, оклеветала пресса, что некоторых из нас исключили из вузов или посадили. Труднее всего было принять то, что нашими соотечественниками и ближними так легко было манипулировать. Тот факт, что о нас или о чешских реформаторах можно было говорить несусветную ложь — это одно дело; но то, что столько людей не моргнув глазом в это верили!.. Сегодня это может показаться невероятным, но, например, польское участие в нашествии на Чехословакию очень многие легко проглотили, потому что пропаганда немедленно накормила общество какой-то невероятно примитивной чушью о том, что Западная Германия вот-вот собиралась совершить аншлюс Чехословакии и если бы не наши храбрые танкисты...

— Да, запугивание Германией действовало успешно...

— Абсолютно. Коммунистическая пропаганда одно умела отлично: натравливать людей друг на друга. Она делала это, используя разные паскудные инстинкты, которые в нашей человеческой природе, к сожалению, сидят как ее неотделимые элементы. Например, желание отомстить за реальные или мнимые обиды или отыграться за унижение. Или необходимость избавиться от своего индивидуального «я» (и от связанной с ним индивидуальной ответственности), а взамен отождествиться с той или иной группой, которая за нас принимает решения, в частности о том, какого врага нам ненавидеть. Сама ненависть тоже в нас заложена, и пропаганда толкала ее в нужном направлении, как правило успешно. Я говорю тут о разных формах агрессии, но натравливание людей друг на друга состояло и в том, что в богословском языке называется грехом пренебрежения. Натравливать можно и играя на нашей трусости или эгоизме — подкидывая нам ложь, которая подкормит и оправдает наше нежелание оказать кому-то помощь или понять чужие аргументы.

— Не таков ли был результат пропаганды в случае Афганистана? Афганистан, пожалуй, не приковал внимания польских писателей в такой степени, как он того заслуживал. Иначе обстояло дело, например, в 1956 г., когда в Польше было написано несколько пропикновенных «венгерских» текстов. Августовская эйфория заслонила нам ту азиатскую трагедию, хотя это было связано с нашим положением...

— Наверняка. Но я, например, вообще очень редко, как это привыкли называть, «реагирую» стихами на какие-то конкретные исторические события. Если мои стихи, как это когда-то назвал, кажется, Витольд Вирпша, — это «стихи на случай», то скорее в том смысле, что их провоцируют случаи или события более частные и тривиальные.

---

* В оригинале игра слов гораздо проще и точнее: «Толпа, которая подавляет и разъясняет», но оба глагола начинаются с «тлум» — толпа. При переводе нам пришлось отыскать хотя бы отчасти похожую игру слов по-русски. — *Пер.*

Тем не менее надеюсь, что из текущей истории тоже что-то в этих стихах отражается, только не так прямо. Мне сейчас приходит в голову прекрасный пример такого косвенного отражения в стихах у поэта куда более высокого ранга — самого Иосифа Бродского.

Он пишет вовсе не об истории, описывает звезды на зимнем небе, говорит: «Сколько света набилось в осколок звезды, / на ночь глядя! как беженцев в лодку». Бродский мог не написать ни одного стихотворения о трагедии сотен тысяч беглецов из Индокитая или с Караибских островов. Однако он не бежит от этой темы, не бежит от мира, в котором живет. Одно это сравнение значит куда больше, чем стихи «на тему». Тему можно себе задать и, выполнив задачу, о теме забыть. А вот то, что поэт использует образ человеческой трагедии как элемент своей метафоры, означает, что этот образ прочно сидит в его воображении — как заноза, которую не удастся вытащить.

Об Афганистане я, кстати, сходным образом по крайней мере однажды написал, хотя никто этого не заметил: стихотворение было длинное, а кто сегодня читает длинные стихи... Я говорю о «Новогодней элегии» из вышеназванного цикла «Зимний дневник» в «Триптихе». Это стихи о встрече Нового года в жилом микрорайоне — и одновременно о безнадежности человека в потоке творящейся истории, которая несет его по течению как опавший листок, а он не может ни остановить ее, ни освободиться. И там есть в одной строфе — это вообще был, как я осознал много лет спустя, такой мой эксперимент в сторону Одена, попытка написать свой собственный вариант его стихотворения «1 сентября 1939 года» — заметим, почти ровно через сорок лет после того, как то было написано; даже форма строфы похожа... Так вот в одной строфе есть образ, который должен выражать господствующий в современном мире опыт, согласно которому в любой момент может случиться всё, даже самая безумная и наглая форма насилия: герой отдает себе отчет в том, что находится где-то между «сытым и светлым городом», какой-то западной столицей, где как раз в этот момент очередной террорист убивает очередного заложника, и какой-то пустыней на востоке, где в тот же момент танки сминают «смешные преграды и принципы» в очередном акте оказания так называемой братской помощи путем вторжения. Если кто-то по прошествии лет вернется к этим стихам, то сможет ассоциировать эти «танки» с самыми разными аналогичными ситуациями, но здесь речь именно об Афганистане, который, когда я это писал, был совсем недавним и весьма гнетущим опытом.

— В вашей интеллектуальной биографии большую роль сыграла фигура Дитриха Бонхёффера...

— Действительно, в начале 70-х я очень сильно пережил чтение его избранного и книги Анны Моравской о нем. Я тогда кормился самым разным чтением, и сам себя не раз спрашиваю, что заставило меня так увлекаться одновременно Бонхёффером, эссе Оруэлла и, например, воспоминаниями Надежды Мандельштам. Думаю, то, что соединяло эти фигуры — такие крайне непохожие друг на друга, если, например, принять во внимание их отношение к религии, — была позиция, как в заголовке [польского перевода] последней из трех, «надежды в безнадежности». Они знали, что борьба со злом в их обстоятельствах безнадежна, обречена на поражение, потому что зло несравненно сильнее их, одиноких личностей. И в то же время видели, что не взбунтоваться против такого зла, ничего не сделать — будет еще худшим поражением, поражением их человечности.

— Думаете ли вы, что такой одинокий, бессильный, но необходимый протест против зла, какой представляет собой фигура Бонхёффера, может иметь какое-то значение в посткоммунистических обстоятельствах?

— Разумеется. Именно потому, что не отрицает и не пытается уменьшить силу зла в мире и одновременно в каждой человеческой душе. Чем больше у нас на глазах терпят крах различные утопии, тем большее значение приобретает сознание зла, на какое способен человек. Не в том смысле, чтобы заменить розовость утопий на черноту какого-то нового антигуманистического нигилизма. Наоборот, я скорее думаю, что нигилизм — это чаще всего простое продолжение утопического мышления. Самыми черными нигилистами бывают те, кто в свое время пел гимны врожденному добру человеческой природы и тем или иным утопиям, воздвигаемым на фундаменте этого добра. Подробней я писал об этом в очерке, где безжалостно прошелся по творчеству такого обожаемого критикой на Западе драматурга из бывшей ГДР — Хайнера Мюллера, глупого, как башмак, соцреалиста-нигилиста. Утопический гуманист раньше или позже неизбежно начинает ненавидеть людей, потому что они ему мешают в его светлых планах: он такого хорошего им хотел бы, такой удобный лагерь или коммуну устроил бы для них на острове Утопии, а они не хотят приспособиться: все они неудобно разные и осмеливаются иметь свои собственные концепции. Вместо того чтобы быть утопистом или нигилистом, лучше стремиться к золотой середине. Или скорее — серой середине. Быть умеренным пессимистом относительно сути человеческой природы. То есть понимать, что человек, к сожалению, если дать ему на то разрешение в виде соответствующей идеологии, почти всегда окажется трусом, садистом и эгоистом, но вот именно: *почти* всегда. Случаются исключения, и они позволяют нам вообще жить на этой Земле, ибо если бы мы не видели этих отдельных примеров человеческого добра, то у нас не было бы никакой надежды на то, что и в более широком масштабе всё может перемениться к лучшему. Настроиться на худшее, но тем более ценить каждый случай, когда человек поднимается выше этого худшего, — вот что по крайней мере спасает нас от разочарований и обиды на человечество.

— А не обращает ли нас такой образ мыслей, предполагающий, что стихия зла в нас сильнее добра, по сути дела против демократии? Ибо он по существу приводит к выводу, что самой подходящей была бы консервативная власть просвещенной элиты, быть может теократической, которая взяла бы на себя обязанность защищать «дурного человека» от него самого?

— Согласен, такой вопрос логически неизбежен, но тот, кто мыслит действительно логически, в свою очередь внимательно рассматривает понятие «элиты» и видит, что тут есть одно техническое препятствие. Понятие элиты основано на некотором внутреннем противоречии: с одной стороны, элита неизбежно выбирает сама себя (ибо если бы ее выбирали большинством голосов, она была бы представительством того, что есть в обществе среднего, т.е. не элитой), с другой — чтобы успешно править, она должна быть узаконена обществом, а это невозможно именно потому, что элита сама себя избрала, не спрашивая у общества его мнения. Некоторым выходом из этого логического заколдованного круга становится как раз отказ от логики, т.е. всеобщее согласие на то, что элита избрана по принципу, остающемуся вообще вне обсуждения, например наследственности (как при типичной монархии), вмешательства сверхъестественного фактора (как при теократии) или ничем не замаскированного террора (как при диктатуре). Но где сегодня на земном шаре отыскать хоть крохотную страну, где царило бы всеобщее согласие на так поставленное решение? Даже теократия всех не удовлетворит, потому что всегда найдутся какие-нибудь атеисты, агностики или иноверцы. Шутки в сторону, мое мнение о демократии банально, я попросту согласен с известными словами Черчилля о том, что при всех ее недостатках это единственная система, при которой гражданин, разбуженный в пять часов утра звонком в дверь, может быть совершенно уверен, что за дверью — только молочник. Власть большинства обладает серьезными минусами, но она всегда справедливей, чем власть самозваной элиты.

— Тут может прозвучать известный контраргумент: несколько десятков процентов немцев демократически проголосовали за Гитлера...

— ...а у нас путем демократического голосования чуть не стал президентом Станислав Тыминский (я, разумеется, не ставлю знака равенства ни между этими господами, ни между этими фактами). Да, конечно, возникает вопрос, который ставил еще Токвиль или наш Красинский: а что, если большинство неправо? Единственный выход — различать соображения по существу и формально-правовые: как гражданин демократического государства, я подчиняюсь воле большинства, но это не значит, что мне нельзя — в рамках легальной оппозиции — подвергать критике это решение, публично показывать его ошибочность, действовать в пользу перемены решения при следующем голосовании и т.п. Это, разумеется, возможно только тогда, когда демократия обладает дополнительно встроенными общественными механизмами, гарантирующими от полного сбрасывания мнения меньшинства со счетов, от ограничения свободы слова, от диктаторских тенденций и т.д. Дело Тыминского тут хороший пример: конечно, четверть общества самым заурядным образом дала свести себя с ума. Но допустим, что это было бы 25, а 60%, — и что тогда? Признать голосование недействительным, потому что мы, те, кто поумнее, знаем лучше? Тут мы снова касаемся вопроса о так называемых элитах — не выношу этого слова, но употребляю его, чтобы включиться в неустанную дискуссию на тему, чем следует быть этим «элитам», которая с 1989 г. катится по страницам польской прессы и всё никак никуда не докатится. Одновременно мы возвращаемся к проблеме обиды интеллектуала на разочаровавшее его общество и ненависти гуманиста к человечеству, которое не дорастает до его о человечестве представлений. Так вот, мне кажется, что если в демократическом обществе нужна какая-то элита, то это элита людей мыслящих, творческих, способных предложить обществу идеи или конкретные решения в области общественного бытия, защищающих некоторые жизненно важные ценности от легкомысленного их нарушения. Но по какому принципу она должна быть избрана? Думаю, что это тот единственный тип элиты, которая — вопреки определению, а значит, нужно какое-то другое название, — не выбирает сама себя, а состав ее определяют попросту конкретные услуги и заслуги, то, что данная личность отдала обществу. Не будем бояться ошибок, узурпации или мошенничества. Процесс формирования такого рода авторитетов длителен, и ошибки сами обнаруживаются, заблуждения исправляются. Как сказал Авраам Линкольн, «можно втирать очки всему обществу некоторое время и части общества всё время, но нельзя втирать очки всему обществу всё время».

— Вероятно, Вацлав Гавел может служить примером такого вполне заслуженного авторитета. В Польше, правда, уже несколько раз проявилась тенденция отодвигать людей из оппозиционной элиты (все-таки еще раз употребим это слово) 70-х годов от политических решений, но это не обязательно станет устойчивой тенденцией.

— Будем надеяться. Что же касается Гавела, то это человек, мыслитель, писатель и политик, к которому я уже очень давно отношусь с восхищением, о котором немало писал, по-польски и по-английски: лично для меня особенно важно было написать несколько лет назад статью о его письмах из тюрьмы, потому что при чтении этой книги я многому научился. Гавел — чрезвычайно редкий пример политика, способного без каких бы то ни было противоречий или непоследовательности быть одновременно верным определенным принципам и открытым к компромиссу. Это происходит потому, что его уровень интеллекта и в то же время порядочности позволяет ему безошибочно

проводить различие между двумя типами понятия «компромисс», обычно легко смешиваемым. Существуют такие компромиссы, которые основаны попросту на том, что ты затыкаешь уши, чтобы не слышать голоса собственной совести, как только это выглядит выгодным или рекомендуемым. Но есть и другие компромиссы, состоящие в признании того факта, что мы можем ошибаться и что другие люди могут иметь соображения, отличающиеся от наших или даже противоречащие нашим, но столь же существенные. Успех Гавела состоит в том, что он своим примером доказывает, что можно быть лидером большого, отягощенного многочисленными трудностями и раздираемого конфликтами государства и при этом не заключать компромиссов первого типа и никогда не отвергать компромиссов второго, если они служат интересам граждан. Разумеется, вполне возможно, что и чехи со словаками дадут свести себя с ума и Гавел на следующих выборах не пройдет. Но за эти первые несколько лет он дал достаточно убедительный пример, позволяющий опровергнуть популярное убеждение, согласно которому честный политик — это политик неэффективный и что вообще политика — сфера одних только карьеристов, циников и лицемеров.

— Мы все время говорим о демократии, но свободная игра политических сил имеет свою параллель в свободном рынке; демократия — это еще и капитализм, свобода означает и необходимость больше прежнего полагаться на самого себя. Так обстоит дело с личностями: предлагаемая свобода ценна для молодых, талантливых и сильных. А что с остальными, заурядными, непробивными, не обладающими талантами к конкуренции, не говоря уж о больных, старых и прочих? Для всех них свободный рынок станет попросту жизненной катастрофой. Катастрофой он выглядит и по отношению к более широкому кругу явлений, таких, например, как вся сфера культуры. Оттуда сегодня раздаются многочисленные жалобы: существование культуры подрывается, с одной стороны, отсутствием государственных дотаций, с другой — резким притоком конкурентной продукции западной массовой культуры.

— Должен откровенно сказать, что я это беспокойство — и личностное, и надличностное — прекрасно понимаю и тоже в какой-то степени испытываю. Хотя бы как писатель, у которого в Польше есть свой читательский рынок и который, естественно, опасается, что этот рынок резко сократится в результате как пауперизации общества, так и конкуренции массового мусора. Но в то же время, действительно не пренебрегая всеми этими страхами и недобрыми предчувствиями, я считаю, что в Польше они до некоторой степени разжигаются действием не вполне соответствующих реальности стереотипов. Я имею в виду прежде всего стереотип «волчьего капитализма», который с запалом пропагандируют экономические либералы и разоблачают различные демагоги, в то время как почти никто не объясняет запуганной публике, что на самом деле такого зверя, как волчий капитализм, уже много десятилетий практически не существует. Это не значит, что всякое развитое западное государство есть государство провидения, но повсюду существуют те или иные контролирующие механизмы, благодаря которым люди менее успешные или менее продуктивные отнюдь не осуждены на голодную смерть. То же самое и с культурой: на Западе она как правило действительно не находится на содержании у государства, но нигде, даже в Америке, это не означает, что она осуждена жить по волчьим законам рынка и совершенно лишена поддержки или помощи. В США существуют два государственных фонда, дающих стипендии деятелям искусства и ученым-гуманитариям, но куда большую — по сути решающую — роль играют частные фонды, деятельность которых облегчили разработанные налоговые предписания. Америка, при всех своих недостатках, совершённых в истории ошибках и неразрешимых проблемах, — это вообще страна, которую я весьма советовал бы польским публицистам принять всерьез (вместо того чтобы писать о ней с традиционной иронической усмешкой европейского превосходства), познать и обдумать как возможный пример для подражания. Притом в целом множестве конкретных областей жизни, от отношения общества к инвалидам, специфически американских форм «органического труда» и локальной демократии и вплоть хотя бы до вопроса о том, как в рамках свободного рынка и потопа массовой культуры возможно сохранение и даже расцвет культуры «элитарной». Опять появляется это несчастное слово, и на этот раз я должен взять его в особо жирные кавычки. Как раз Америка — лучший пример того, что «массовость» культуры может соединяться с художественными запросами (пример такой банальный, что даже стыдно приводить: джаз), а мнимая «элитарность» других ее произведений становится понятием совершенно пустым, когда эти произведения (картины в музеях, записи классической музыки) общедоступны и люди пользуются ими в массовых масштабах... Одним словом, если уж чего-то бояться, то не свободного рынка и свободы, а скорее того, что, как это не раз уже в истории бывало, страх перед свободой может подсказать нам ложное решение в виде того или иного «бегства от свободы». Чтобы закончить еще одной классической американской цитатой, приведу слова президента, более близкого к нашему времени, Франклина Делано Рузвельта: «The only thing we have to fear is fear itself».

Январь 1992, Польша
Вели беседу Кристина Ларс и Стефан Хвин

Марек Карпинский

ВИННИ-ПУХ, КОТОРЫЙ ИЗМЕНИЛ МИР

На обложке книги о пане Винни-Пухе виднеется его улыбающаяся фотография. В руке он держит свой портрет кисти (а может, мелков) своего пятилетнего внука. Бросается в глаза сходство, уловленное средствами, присущими только детям. Лицо передано по простым правилам: точка, точка, запятая... На таком принципе в компьютерной графике основываются так называемые смайлики, такую графику использует польский «орден Улыбки», которым дети награждают любимых взрослых, под таким знаком стартовала немецкая социал-демократическая партия. Это же всемирный символ радости. Такая же символика у мишки Винни-Пуха. Герой книги не обижался, когда его так называли, хотя настоящий Винни-Пух был «бедным Медведем с опилками в голове». И не только потому, что голова у нашего Пуха была очень умная, но и потому, что он был человеком с характером.

Доброта и чувство юмора Винни-Пуха воплотились в Вацлаве Завадском. По свидетельству о рождении его звали Юзеф Левин-Лаский. В пучине войны сгорели не только его знаменитые собрания книг, но и все документы. И он остался со своим nom de guerre, записанным в поддельной кеннкарте (удостоверении личности). Его собственная оккупационная карта заполнена героически, но и трагически. Через жандармские посты — и вопреки им — он провозил оружие в варшавское гетто. В самом гетто он руководил польской школой, пытаясь в бесчеловечном месте и в бесчеловечное время передать детям чуточку нормальности. Но было и то, что чуть ли не на глазах у него и его дочери застрелили его жену. В последний период оккупации он скрывался на «арийской стороне». После освобождения работал в библиофильском и книгоиздательском движении. Многолетний член ППС [Польской социалистической партии], он не был на хорошем счету у правящей ППР [Польской рабочей, т.е. коммунистической, партии]. Его приняли в ПОРП [Польскую объединенную рабочую партию] только на волне «оттепели» в 1956 году. Через десять лет он отдал партбилет, видя отступление от идеалов «польского Октября».

Вацлав Завадский в день своего 70-летия. Справа Стефания Рыбицкая

Книга «Пан Винни-Пух. Слово о Вацлаве Юзефе Завадском» состоит из четырех частей. Первую, «Что я знаю о своем отце — пане Винни-Пухе?», написала профессор-историк Виктория Сливовская, для близких «Винни-Пуховна», она же подготовила всю книгу к печати. Вторая называется «Воспоминания» — это тексты друзей, сотрудников и родных, посвященных пану Винни-Пуху. Это очень важная часть — уже в 2005 г. из круга вспоминающих убыло два человека: Ежи Фицовский и Юлиуш Виктор Гомулицкий. Нужно спрашивать людей об их близких, потому что умершие на самом деле живут только в своих произведениях и памяти близких. Произведения остаются, но память уходит вместе с близкими. Третья часть, «Письма», содержит эпистолярное наследие, автором или предметом которых был замечательный издатель. Четвертая — избранные публикации Вацлава Завадского. В комментариях она не нуждается. Комментировать можно было бы разве что критерии отбора. Наконец, пятая и последняя часть, «Документы», состоит из разных текстов — от заявления Анны Дурач, рекомендующей тов. Завадского в объединявшуюся [в 1948 г.] партию, до заявления КОРа [Комитета защиты рабочих] и переписки его дочери с Институтом национальной памяти.

Он писал редко, но его тексты восхищают элегантностью стиля и ненапыщенной эрудицией. Они представляют собой важный вклад в историю польской культуры. В этом номере журнала напечатан очерк о политической судьбе полотна Яна Матейки «Рейтан». Вацлав Завадский точно предугадал

НЕКРОЛОГ ВАЦЛАВА ЗАВАДСКОГО

Опубликован Комитетом общественной самозащиты — Комитетом защиты рабочих (КОС-КОР)

28 июля 1978 г. в Варшаве на 79-м году жизни скончался Вацлав Завадский.

Участник войны 1920 года, деятель ППС [Польской социалистической партии], участник системы подпольного образования в период оккупации, директор издательского кооператива «Ведза» в первые послевоенные годы. Эссеист-историк, библиофил, член Общества друзей книги, выдающийся эрудит, заслуженный издатель и редактор мемуарной серии в Государственном издательском институте. Член Союза польских литераторов и ПЕН-Клуба. Член-учредитель Комитета защиты рабочих [КОР] и КОС-КОР.

Прежде всего он был человеком такой необычайной доброты и бескорыстной действенности, редко сейчас встречающейся, — чистой и бескомпромиссной. То, что в глазах многих выглядело актом самопожертвования, что часто представляется достойной уважения или даже восхищения заслугой, для него было всего лишь тихим и самым скромным исполнением долга, чем-то естественным и обыденным.

Неколебимое душевное спокойствие, которое он излучал, будучи не только чертой характера,

значение этой картины для поляков, потому что она стала темой стихотворения Яна Лехоня, статьи Адама Михника, песни Яцека Качмарского.

Я хотел бы обратить внимание на другой текст. В нем говорится о трагической судьбе Валериана Лукасинского и его записок. Валериан Лукасинский, офицер 4 пехотного полка Царства Польского, организовал тайное общество «Свободное национальное масонство». С 1824 г. он стал самым секретным и дольше всех просидевшим государственным преступником. Когда началось восстание 1830 г., его вывезли (если это подходящее слово, потому что он должен был бежать, связанный арканами, между двумя казацкими конями) в Шлиссельбургскую крепость и посадили в «Секретный дом» — корпус, построенный еще шведами. Его держали на особом режиме. Никто, кроме коменданта, не мог узнать его имя и фамилию. Он сидел в одиночной камере, и никому нельзя было даже заговорить с ним. Когда возникала необходимость войти в камеру, всегда полагалось это делать втроем. Лукасинский был чем-то вроде польской «Железной Маски» — узником, содержавшимся даже более эффективно и в величайшей секретности. Он начал писать свои записки в 1863 г., после сорока с лишним лет тюрьмы и тридцати с лишним — пребывания в одиночной камере, где он не видел никого, кроме трех немых солдат. После смерти Лукасинского его воспоминания передали в III Отделение, где их перевели на русский язык и вместе с оригиналом представили Александру II. Император, ознакомившись с документами, приказал их опечатать и не открывать без личного разрешения царя. Так бумаги получили гриф самой строжайшей секретности. К ним не было доступа даже у тех, кто теоретически имел доступ к самым секретным вещам. Знания, заключенные в бумагах, оставались в исключительным распоряжении самодержца.

Здесь напрашивается соображение о том, что существует некая русская традиция прятать документы, касающиеся польских дел. Документы, касающиеся катынского дела, покоились в личном сейфе генерального секретаря. Не сорвал этих семи печатей тайны Никита Хрущев даже в своем секретном докладе на XX съезде. Не открыл их и Михаил Горбачев, несмотря на политику «гласности». Это сделал только Борис Ельцин. Подозреваю, что назло своему предшественнику, чтобы показать, насколько мнимыми были и гласность, и перестройка.

Вернемся, однако, к тексту Завадского и судьбе записок. В 1896 г. в Петербург приехал новоиспеченный доктор истории из Геттингена Шимон Ашкенази. Неизвестно, каким чудом он — мало того, что поляк, так еще и еврей, — каким-то образом получил доступ к запискам, секретнейшим из секретных. Пан Винни-Пух с большим знанием дела рассматривает, кто мог быть меценатом польского историка, обеспечившим ему доступ к секретам престола. У него были серьезные связи в масонских кругах, но было ли этого достаточно?

И снова соображение — может, даже два. Первое — что нет таких сейфов и печатей, которые хранили бы тайны на веки веков. Правда всегда выходит наружу — она сломает печати и прогрызет стенки сейфов. Такая у нее природа. Второе — метасообра-

жение о том, что хороший текст — это такой, который и через 45 лет (впервые он был опубликован в «Твурчости» в 1961 г.) наводит на размышления. Как те тексты, которые вышли из-под пера Вацлава Завадского.

Раз уж мы говорим о записках, то пан Винни-Пух издал серию «Библиотека польских и иностранных записок». Он находил самые разнообразные мемуары: от Яна Килинского (варшавского сапожника, одного из предводителей восстания в 1795 г.) до Зигмунта Карпинского (заместителя директора Польского банка, который в 1939 г. вывез польский золотой запас, чтобы он не попал в руки немцам). От записок Сен-Симона до воспоминаний Кропоткина. Эти записки он открывал, некоторые готовил к печати, все — издавал. Потому что он был библиофилом. Библиофилом особенным. Например, у него была черта, совершенно чуждая другим книголюбам: он давал свои книги почитать. Потому что, как пишет Ежи Фицовский, он больше любил людей, чем книги. До войны он содержал букинистический магазин и путешествовал по Европе в поисках редких экземпляров. В Бонне он обратился за книгой о мышах или крысах. Букинист тут же спросил: «Вы из Польши?» — «Как вы догадались, по акценту?» — «Нет, у меня в Польше два клиента, и один интересуется именно такой тематикой». — «Пан Тувим — наш знаменитый поэт. У него ученый кот, и он собирает для него домашнюю библиотеку». Букинист принял это объяснение, не моргнув глазом.

Библиофилы — это особый род людей. На улице они могут разминуться, как все остальные. Зато в букинистических магазинах они безошибочно узнают друг друга по тому, как осматривают книгу, с каким вниманием изучают переплет, корешок, выходные данные, рисунок шрифта. В 1950-х, во мраке сталинского террора, Вацлав Завадский встретил в букинистическом магазине Юзефа Рыбицкого. Один — безуспешно пытающийся вступить в компартию социалист, другой — начальник варшавского диверсионного отдела Армии Крайовой, позже и.о. командира «Свободы и независимости», самой крупной антикоммунистической подпольной организации. «Что вы собираете?» — спросил, завидев библиофила, Винни-Пух. «Лучше вам со мной не разговаривать, у меня увольнительная из тюрьмы, это может вам повредить». — «Это меня не интересует. Что вы собираете?» Оказывается, инстинкт библиофила бывает сильней, чем политические взгляды и инстинкт самосохранения.

Через четверть века, в 1976 г., они оба стали членами Комитета защиты рабочих. Это была одна из первых легально действующих оппозиционных организаций восточнее Эльбы. Она состояла человек из тридацати, но им помогали тысячи сотрудников. Эти люди не только преодолели барьер страха, но и передавали информацию, готовили структуры, которые принесли плоды в виде профсоюзного движения. На первом съезде «Солидарности» профессор Эдвард Липинский признал, что миссия КОРа уже выполнена, и передал профсоюзу его задачи. С этого же всё и началось — позже рухнули и Берлинская стена, и Варшавский договор. Пан Винни-Пух до этого не дожил. Он умер 28 июля 1978 г., но принадлежал к людям, которые изменили облик Европы и мира.

но и своего рода формой мужества, никогда его не покидало, несмотря на тяжкие испытания и опасности, на которые не поскупилась судьба, и несмотря на терзавшие его недуги. Своей терпеливой улыбкой он озарил не одну мрачную минуту, а в своих идеалах и соответствующих им поступках был таким непреложным и таким *настоящим*, что даже его шутка — противоядие от пафоса, которого он не выносил, — бывала протянутой рукой помощи.

Около двух лет назад, не впустив в дом группу сотрудников органов, выдававших себя за рабочих, он получил письмо с угрозами: они, мол, еще придут, и тогда он «почувствует на своей шкуре твердый рабочий кулак». Кто-то из его доброжелателей, зная, что пан Вацлав не слишком силен физически и живет один, не на шутку встревожился. Он успокоил того улыбкой и сказал: «А чего мне бояться? Я уже не могу умереть молодым».

Тех, кто не знал его близко, не раз поражало открытие, какого огромного масштаба был этот маленького роста, скромный до кажущейся робости человек.

Он уже не мог, как сам говаривал, умереть молодым. Но ушел от нас намного раньше времени — как всегда уходят те, без кого не обойтись и кого заменить не удастся никогда. Мы лучше всех знаем, скольким каждый из нас ему обязан, скольким Комитет общественной самозащиты КОР обязан пану Вацлаву, одному из своих создателей.

Память об этой прекрасной личности, с которой нам выпало счастье сотрудничать, — это, несмотря на глубокую скорбь, залог того, что мы не расстались бесповоротно, что многое он от себя он нам оставил.Варшава *1.VIII. 1978*

Вацлав Завадский

БОРЬБА С «РЕЙТАНОМ»

Из всех полотен Матейко[1] больше всего общественное мнение взбудоражил «Рейтан»[2], законченный художником в ноябре 1866 года.

В полуфеодальной в то время Галиции, по милости Австрии управляемой той же самой прослойкой аристократии, которую Ян Матейко в своей картине обвиняет в том, что она продала родину захватчикам, «Рейтан» был не только иллюстрацией прискорбного эпизода в отечественной истории, но и живым, актуальным явлением.

В изображенных на картине предателях — Щенсном-Потоцком, Браницком и Понинском — тогдашний зритель видел титулованных властителей Галиции, расположившихся в Императорско-королевском наместничестве во Львове и из краковского дворца «Под Баранами» управлявших несчастной страной «Галиция, Лодомерия и Великое княжество Краковское».

Неудивительно, что, едва картина была написана, еще до ее представления публике, началась травля художника, который осмелился замахнуться на правящих Галицией аристократов.

Первым против Матейко выступил граф Станислав Тарновский, профессор Ягеллонского университета, историк литературы и ведущий публицист консервативного лагеря.

За ним в атаку бросился Люциан Семенский[3], в ту пору отдавший свое перо и незаурядный ум на службу консерваторам. «Эксплуатация исторического скандала ради популярности никогда не была задачей искусства», — написал Семенский в своей рецензии на «Рейтана».

Любопытно, что все современники заметили актуально-политическую направленность картины. Вот что написал своей невесте 30 июля 1866 г., сразу же после того, как увидел «Рейтана», Артур Гроттгер[4]: «Я был в мастерской нашего Делароша[5] — Матейко — и видел его последнюю, еще не совсем законченную работу. На картине изображен Рейтан в тот момент, когда он, бросившись на пол у дверей зала заседаний Сейма, протестует против согласия на раздел Польши. Кажется, я уже раньше упоминал: картина великолепная в буквальном смысле этого слова, цвета ее полны жизни, она насыщена действием. Я любовался деталями, выразительными и правдивыми, — сколько внимания уделено каждой мелочи, сколько там психологической правды. Не стану вдаваться в детальную критику картины... Ошибка в том, что на полотне много всего происходит, а это несколько отвлекает внимание зрителя от основной идеи. И вот почему: хотя большинство фигур являются действующими лицами главной драмы, излишне много других одновременно заняты совершенно иной материей, притом до такой степени, что две группы, составляющие две трети картины, знать не знают о том, что творится в душе Рейтана. *Мне кажется, автор хотел, вводя на сцену разом несколько драм, тем самым ярче показать шум, смятение данной минуты*» (выделено мной. — *В.З.).*

Своего апогея борьба с художником достигла, когда картина была отобрана для Всемирной выставки в Париже в 1867 г., где она получила золотую медаль I класса.

Кружки краковской аристократии, группирующиеся вокруг дворца «Под Баранами», вознамерились уничтожить картину Матейко. Об этом пишет Ксаверий Браницкий в предисловии к своей книге «Врата покаяния», вышедшей в 1879 г. в Париже у Адольфа Рейффа.

По своему происхождению Ксаверий Браницкий принадлежал к высочайшей польской аристократии. Внук тарговичан[6] — Франтишека Ксаверия Браницкого, великого коронного гетмана, и Щенсного-Потоцкого, — он начал обычную военную карьеру офицером царского лейб-гвардии гусарского полка, впоследствии стал адъютантом фельдмаршала князя Ивана Паскевича и затем — флигель-адъютантом царя Николая I. В Петербурге он сблизился со столичными кругами аристократической молодежи, которая, впрочем, занимала фрондерскую позицию, протестуя против самодержавного деспотизма.

Придворная и военная карьера, однако, не прельщала Браницкого — человека беспокойного нрава. Николай I однажды сказал о нем Паскевичу: «Он заражен наихудшим духом: это революционная Франция, привитая к старому сарматству». Характеристика довольно меткая. Браницкий оставил армию и, сославшись на болезнь, уехал за границу, откуда уже больше не вернулся.

В Париже, куда ему удалось вывезти часть своего огромного состояния, Браницкий начал активно заниматься финансово-экономической деятельностью. Он был соучредителем крупного французского банка «Crédit Foncier», строил железные дороги в Марокко и вскоре стал одним из богатейших людей Второй империи. Купил замок Монтрезор и дворец в аристократическом районе Парижа, где собрал прекрасную коллекцию живописи и великолепную библиотеку.

Браницкий финансировал издаваемую Адамом Мицкевичем, с которым дружил, «Трибуну народов»; давал он деньги и Прудону на его социалистически-утопические труды. Не скупясь, поддерживал польские эмигрантские организации в Париже. В своих экономических журналах, издаваемых на французском языке, он далеко опережал эпоху — в частности, выдвинул проект налогообложения капитала, что в то время, в среде, к которой принадлежал Ксаверий Браницкий, требовало изрядной смелости.

Именно этого богатого, хотя и эксцентричного господина, к которому, испытывая финансовые затруднения, обращались остававшиеся в Кракове родственники, краковская аристократия попросила купить и уничтожить или спрятать картину Матейко «Рейтан». Послушаем, что пишет об этом сам Браницкий:

«Добавлю еще одно забавное приключение из моей безумной жизни. Возможно, оно его [графа Станислава Тарновского] развлечет, поскольку его светлость граф в Кракове проживает, на улице Шляк. Много лет назад, года не помню, панна Констанция Вылежинская написала мне письмо. Слов не помню, но содержание было следующее: Ян Матейко нарисовал картину, изображающую Гродзенский

Ян Матейко.
«Рейтан на Варшавском сейме 21 апреля 1773 года - Гибель Польши», 1865-1866

сейм, где фигурирует ваш дед великий коронный гетман Франтишек Ксаверий Браницкий, равно как и дед по матери Щенсный-Потоцкий; там же изображен маршал князь Чарторыйский с супругой. Автор картины намерен послать ее на всемирную выставку в Париж. Советую Вам, картину оную приобретя, либо ее уничтожить, либо спрятать.

Я отписал любезной панне Констанции, что покупать картину не хочу, ибо негоже ей украшать Монтрезор; сжечь же произведение искусства считаю вандализмом. История есть история, всякий пишет и рисует, как ему нравится.

...Спустя несколько дней пришел ко мне генерал Влад[ислав] Замойский, предлагая, чтобы я отправился к императору Наполеону III умолять монарха, дабы картина эта на выставку допущена не была. Весьма красноречиво и с большою важностью излагал он основания для такового шага. Рассмеявшись, я решительно ему отказал, поскольку не разделял его мнения. Тогда он в ответ добавил, что выставка эта стала бы оскорблением величественности „Отеля Ламбер"[7]. На что, пожавши плечами, я сказал, насколько помню, дословно: „Уважаемый генерал, и характер, и упорство ваше я премного ценю, но что касается воображаемой величественности... хоть эмигрантские сообщества мне безразличны, мысль эта, по моему разумению, всегда была столь же вредна, сколь и безосновательна, а почтеннейшего князя Адама на посмешище выставила, создавши как следствие демократический Централизм". Генерал мне на это ответствовал, что я, не будучи монархистом, не в состоянии оценить всей возвышенности этой идеи.

Картина Матейко была одним из украшений выставки. Один из развлекающихся в Париже русских, давнишний мой знакомец, к ней меня привел. Должен признаться, что картина эта весьма пришлась мне по вкусу, несмотря на некоторые ошибки, а именно отсутствие главного действия»[8].

Из двух вариантов, предложенных Ксаверию Браницкому галицийскими аристократами: уничтожить картину или спрятать, — осуществлен был второй.

Из затруднительного положения консервативную аристократию Галиции вызволил, как обычно, Его Величество Франц Иосиф.

Он купил «Рейтана» Яна Матейко на выставке в Париже, и картина эта более полувека была укрыта от польского общества в императорском дворце в Бурге.

В Польшу она вернулась только после I Мировой войны.

«Проблемы», 1954, № 2

[1] Ян Матейко (1838-1893) — польский художник, автор полотен, изображающих ключевые эпизоды истории Польши. *(Здесь и далее, если не указано иначе. — прим. пер.).*

[2] Тадеуш Рейтан (1742-1780) — политический деятель, активно выступавший против первого раздела Польши (1773).

[3] Польский поэт, прозаик, литературный критик (1807-1877).

[4] Польский живописец и график (1837-1867).

[5] Поль Деларош (1797-1856) — французский живописец, автор исторических полотен.

[6] Участники созданной в 1792 Тарговицкой конференции — союза польских магнатов с целью отмены конституции 3 мая 1791, защиты старых государственных и религиозных устоев и поддержки шляхетской вольницы.

[7] Организация консервативно-монархической части польской эмиграции — от названия эмигрантского центра в парижском особняке (отеле) «Ламбер» — резиденции князя Адама Чарторыйского.

[8] Врата покаяния. Историческая элегия. Париж, Польская типография Адольфа Рейфа, 1879, с.X-XII. Книга эта по причине приведенных в предисловии малопристойных подробностей о галицийской аристократии была мгновенно раскуплена. Поэтому экземпляры ее — большая библиографическая редкость. — *В.З.*

Мариан Брандыс

Перевод
Натальи Горбаневской

ПО ДВЕ СТОРОНЫ ДВЕРИ

(Отрывок)

Это было первое публичное заседание Комитета восстановления Королевского замка в Варшаве, и собралось множество людей. Целая плеяда знаменитых имен: всемирно известные ученые, знаменитые артисты, министры, епископы, генералы и неизбежная в таких случаях толпа всюду проникающих и всеведущих культурных болельщиков. Большинство из них впервые видели восстановленные интерьеры замка, поэтому интерес был огромный и проявлялся с шумной экзальтацией. Восхищались тонким подбором окраски стен, в точности воспроизведенной лепниной потолков и трудолюбивой выкладкой паркета. Вспоминали историческую живопись и мебель, которые еще ждали своей очереди скученными на складах, но уже вскоре должны были занять положенное место в представительных залах замка.

— Типичное польское чудо, — хрипел у меня над ухом совершенно простуженный доцент и доктор наук С., обеспечивавший меня по поручению комитета научной опекой, — вчера ничего, пустой откос к Висле, дыра как от вырванного зуба, а теперь пожалуйста: есть, стоит — как в лучшие времена, когда в нем обитали монархи и президенты. Наконец-то кончатся шуточки про короля Сигизмунда, который трясется от холода на своей колонне, потому что ветер от Вислы дует ему в ничем не прикрытую спину. И вскоре никто уже не вспомнит, что на протяжении 35 лет замка вообще не было. Останутся лишь несколько слов в энциклопедиях и путеводителях: «...взорван гитлеровцами после Варшавского восстания — восстановлен всенародными трудами в такие-то годы...» А потом и эти сведения пропадут в перспективе времени...

Я прислушивался к гомону всеобщего одобрения с так называемыми смешанными чувствами. Хотя сегодня это прозвучит кощунственно, но должен признаться, что я не принадлежал к сторонникам восстановления варшавского замка. Он никогда не нравился мне как здание, слишком верно скопированное королем (с той самой колонны) с суровой, чуждой нам скандинавской архитектуры. И в целом он у меня связывается не с лучшими периодами нашей истории. А кроме того, во времена все более жуткой нехватки квартир, когда сотни тысяч молодых супругов не могут организовать себе жизнь из-за отсутствия своего угла, такая дорогостоящая историческая реконструкция казалась мне чересчур барским жестом. Но больше всего вызывал у меня неприязнь к восстановлению его пропагандистский характер. В течение двадцати лет директор Национального музея профессор Станислав Лоренц и другие подобные ему ревнители требовали от Сейма выполнения принятого сразу после войны постановления о восстановлении замка. Но их хлопоты оставались напрасными. Надо было, чтоб до власти дорвалась новая команда, главной программой которой было покупать в кредит (долларовый) благорасположение народа, чтобы буквально в один день все препятствия были устранены и восстановление, шумно рекламируемое как достижение нового руководства, пошло с места в карьер. Ходили сплетни, что новый вождь, введя соответствующие поправки в конституцию и приняв титул президента Речи Посполитой, собирается устроить себе в восстановленном Королевском замке резиденцию для приемов.

Но несмотря на все мои оговорки реконструкция и на меня произвела сильное впечатление: воистину была проделана «та еще работа».

Научно-отчетное заседание, венчавшее очередной этап восстановления, проходило в Сеймовом зале, называемом также Сенаторским, а ныне переименованном в зал Конституции 3 Мая. Эта часть замка была уже полностью восстановлена. Она била по воображению пурпуром стен, белизной колонн и статуй, большими золотыми вензелями короля Станислава Августа. Атмосфера зала подталкивала к историческим размышлениям. В памяти у меня проходили самые известные события, сценой и зрительным залом которой он был. В 1764 году — коронационный Сейм Станислава Августа под защитой штыков егерей русской императрицы. В 1773-м — легализация Сеймом под милостивым управлением Понинского первого раздела Польши. А в 1791-м — прекрасный, неожиданный взлет Конституции 3 Мая

На трибуну, поставленную там, откуда столетия назад выступали сенаторы Первой Речи Посполитой, — напротив двух бело-золотых колонн, между которыми уже скоро, как заверил меня доцент С., будет поставлен королевский трон, — один за другим всходили деятели из комитета и затрагивали вопросы, связанные с настоящим и прошлым замка. Они безусловно говорили о разных интересных вещах, но я уже много лет страдаю прямо

болезненным отсутствием иммунитета на всяческие речи. Минут через десять слова ораторов начали у меня расплываться в пурпурно-бело-золотом тумане, обволакивавшем исторический интерьер. Борясь с подступающей дремой, я делал отчаянные усилия, чтобы удержаться относительно в сознании. С этой целью я навязывал себе различные мобилизующие задачи, пусть даже самые нелепые. Я нацеливал слезящийся сонный взгляд в сменявшихся на трибуне ораторов, пытаясь по лицу в*ы*читать, как каждый из них повел бы себя в этом зале в те исторические времена. Своим социальным положением они были равны тогдашним сенаторам, по крайней мере — депутатам. Лучше или хуже тех поступали бы они? На какую страницу истории вписали бы свои уважаемые имена: на белую, патриотического самопожертвования, или на черную — национальной измены? За кем пошел бы вон тот достойно выглядящий седой профессор в очках: за бесхарактерным королем-реформатором или за вывалянными в грязи защитниками золотой вольности? К кому присоединились бы широкоплечий генерал и рыжий улыбающийся историк: к «чего изволите» конфедератам Понинского или к отчаянным патриотам Рейтана? Устав от этих вопросов, об ответах на которые можно было только догадываться, я теперь занялся изучением архитектонических деталей Сеймового зала. В какой-то момент мой отуманенный взгляд остановился на высокой, раззолоченной двери. И вдруг я испытал озарение, которое в одно мгновение полностью меня отрезвило.

Не будучи вполне уверенным в своем открытии, я обратился за помощью к сидевшему рядом доценту С. Доктор наук глубоко задумался, что-то буркнул о Матейко, после чего с радостью утвердительно кивнул. Не могло быть никаких сомнений: это наверняка была та дверь. И тогда я увидел ***его***! Он лежал под этой дверью — точно таков же, как на картине Матейко: схваченный художником в момент «патриотического безумия», с болезненным вдохновением в очах, в разорванном жупане, открывающем голую грудь. Своим телом и своим отчаянием он загораживал дорогу собравшейся выходить толпе депутатов во главе с толстым властительным Понинским.

В апреле 1773-го, когда начинался Сейм, которому предстояло утвердить первый раздел Речи Посполитой, Тадеушу Рейтану (фамилия которого по-польски пишется то Rejtan, то Reytan), депутату Новогрудской земли, было 27 лет. Даже по тем временам он был скорее молод. Но широкое уважение у сограждан он уже сумел заслужить. На родимой Новогрудчине его ценили как отличного хозяина, безоговорочно честного контрагента и ярого патриота.

Большинство избирательных сеймиков земель Короны и Литвы бойкотировали Сейм, готовивший раздел. Земли, которым предстояло отпасть от Речи Посполитой, уже были заняты иноземными войсками, подтверждение раздела Сеймом считали заведомо решенным, чистой формальностью. Честные люди не хотели прикладывать руку к убийству отечества. Почти на триста депутатов, обычно составлявших Палату депутатов, в Варшаве собралось чуть больше ста. Но сеймик Новогрудской земли к бойкоту не присоединился, и Тадеуш Рейтан согласился быть избранным. У него был свой план спасения — если не границ отечества, то по крайней мере ее чести. Он верил, что положенным ему правом протеста (liberum veto), которым в прошлом столько раз злоупотребляли во вред Речи Посполитой, на этот раз он достигнет спасительного результата: сорвав Сейм, не даст утвердить раздел Польши.

Но враги Польши не дали захватить себя врасплох. За три дня до открытия Сейма — по требованию и под вооруженной охраной держав-захватчиц — группа депутатов «национальной измены» создала в Сейме конфедерацию. Во главе ее стал один из самых ничтожных людей своего времени, литовский депутат Адам Понинский, который — сегодня это уже точно известно — согласился сыграть главную роль в легализации раздела взамен на обещание княжеской шапки и жалованья в размере 24 тыс. дукатов из казны держав-захватчиц. Превращение созванного королем «вольного» Сейма в конфедеративный в самой основе подорвало патриотические планы Рейтана. На Сейме, заседающем как конфедерация, индивидуальные протесты теряют свою законную силу, и с ними больше не считаются. Постановления выносятся большинством голосов. А большинство этого увечного Сейма уже так или иначе куплено захватчиками.

Но Рейтан не сдается. Он привез из Новогрудка наказ избирателей, в соответствии с которым должен противиться разделу — «рискуя жизнью и имуществом». Этому наказу он остался верен до конца.

Вместе с другим новогрудским депутатом, Самуилом Корсаком, они собрали вокруг себя десятка полтора патриотически настроенных депутатов из других земель Речи Посполитой и решили сражаться до конца за сохранение «вольного» Сейма против неформальной (потому что созданной до открытия Сейма) конфедерации Понинского.

Борьба Рейтана с Понинским тянулась три дня — с 19 по 22 апреля. Патриотическая оппозиция осадила маршальское кресло, не допуская на него Понинского и тем самым не давая ему официально открыть заседания Сейма как конфедерации. Конфедератский маршал, располагая большинством голосов и поддержкой русских гренадеров и прусских гусаров, оказался бессильным против горстки ярых патриотов. Его хватило только на двукратный «залп», чтобы перенести заседание Сейма на следующий день. Потом он ушел из Палаты депутатов, унося с собой маршальский жезл. Рейтан перехватил второй жезл — отсутствовавшего на Сейме литовского

маршала, — оставленный в зале. Но он был слишком скромен, чтобы самому взять председательство. Он попытался втиснуть жезл старейшему депутату Краковской земли Лентовскому и уговорить его открыть «вольный» Сейм. Достопочтенный краковский сенатор трясся от страха перед могущественным Понинским и отказался принять жезл.

Наступают неприятные сцены. Рейтан в горячке возобновляет патриотические заклятья и просьбы. В источниках сохранилось немало его тогдашних призывов. У меня в памяти застрял один, который, на мой взгляд, особенно хорошо передает настроение этих исторических дней. В момент, когда слушатели начали аплодировать его словам, как в театре, он гневно призвал их к порядку: «Мы здесь не в опере и не на диалоге, но печальная сцена падения отечества нашего ажитируется! Будем соблюдать приличия, милостивые господа...» Прямо удивительно, каким скромным и не любящим никакой театрализации жизни был, должно быть, тот, кого история обессмертила в такой крайне театрально позе.

В результате сопротивления, организованного Рейтаном, конфедератам не удалось начать заседание Сайма. Зато усиливаются действия вне его. Нарастает психологический и материальный натиск на нерешительных депутатов, Рейтану вручают повестку о явке «de termino tacto» в конфедератский сеймовый суд — по обвинению в «разжигании беспорядков, присвоении маршальского жезла и оскорблении маршала». Не приняв повестки как не имеющей законной силы, Рейтан, тем не менее, не оказал никакого влияния на ход дела. В тот же день суд Понинского вынес приговор. Вождь патриотической оппозиции, признанный «нарушителем общественного спокойствия и бунтовщиком против отечества», приговорен к конфискации имущества и изгнанию с родины.

Наступательные действия клики Понинского приносят результат. Аудитория Рейтана в Сейме быстро тает. Отуманенные и подкупленные депутаты в толчее пробиваются к выходу. Вот тогда-то, доведенный до последнего отчаяния, вождь патриотов — не в силах удержать общую ретираду, — раскинув руки, падает на пороге и своим телом загораживает путь к выходу.

— Убейте меня, затопчите, но не убивайте отечество!*

Но опозоренных народных представителей уже ничто не способно остановить. Те, что потрусливей, украдкой уходят в боковую дверь. Другие, совершенно лишенные совести, громко смеясь и глумясь, кидаются прямо на тело лежащего коллеги. Очевидцы записали, что первым отважился перешагнуть через грудь Рейтана знаменитый в Сейме повеса, луковский депутат Яцек Езерский, владелец варшавских публичных домов «у моста».

Зал Сейма пустеет. В нем остается только Рейтан с четырьмя самыми верными сторонниками: Корсаком, Богушевичем, Куженецким и Булгариным. Казалось бы, он имеет полное право счесть свой депутатский долг выполненым. Согласно наказу новогрудского сеймика он противостоял легализации раздела Речи Посполитой, «рискуя жизнью и имуществом». На его литовскую вотчину наложен обвинительный приговор сеймового суда, его самого в любой момент могут схватить подручные Понинского.

Но он, в полуобморочном состоянии, весь в синяках, болящий, по-прежнему не оставляет «патриотического безумия» и не считает своей задачи исчерпанной. Под влиянием его уговоров и доводов горстка патриотически настроенных депутатов решает не уходить из Палаты депутатов целые сутки, пока не истечет время, предназначенное на выборы маршала «вольного» Сейма. Они дают понять, что скорее позволят себя зарубить, нежели допустят открытие конфедеративного Сейма. «Это была, — напишет двумя столетиями позже литературный летописец этих событий, — первая в истории Сейма старой Речи Посполитой „забастовка с захватом помещения", соединенная с риском голодовки».

Значение «безумной протестации» (так окрестили протест его противники) не ограничивается только прекрасным и отчаянным жестом для потомков. Она имела и глубокий политический смысл для современников. Ее отголоски, разнесенные дипломатической почтой по всему миру, опровергали версию, на протяжении месяцев распространявшуюся иностранными агентами Понинского: о том, что польский народ под давлением исторической необходимости добровольно согласился на раздел страны. Потому-то демонстрация Рейтана вызвала такое бешенство среди предводителей конфедерации и в посольствах стран-захватчиц. «Бастующие послы с презрением отвергают предложения подкупа от трех дворов», с которыми в Палату депутатов приходили, кажется, коронный подканцлер Брох и надворный литовский маршал Гуровский... Не принесли результата и прямые примирительные старания русского посла Штакельберга.

К отголоскам, доходящим из Палаты депутатов, прислушивается и король Станислав Август, который в том же здании борется с нарастающими давлением своих и чужих — толкающих его в объятия конфедерации. Пятеро усталых, оголодавших литовских депутатов, которые взяли на себя защиту державности Речи Посполитой, утверждают короля в сопротивлении и подсовывают ему последний шанс спасти честь государства и собственной биографии. Но Станиславу Августу не хватает твердости Рейтана. Он слабый мыслитель, отягощенный чрезмер-

* Некоторые летописцы доказывают, что вместе с Рейтаном пал на землю и Самуил Корсак. Но дальнейшая трагическая судьба Рейтана и его образ на полотне Матейко привели к тому, что в историческом предании сохранился он один.

ным воображением. Его ужасают угрозы иностранных послов: если он не присоединится к конфедерации, страна будет разрушена огнем и мечом; на него влияют купеческие — никогда не оправдывающиеся на практике — доводы окружающих его соглашателей: лучше отдать часть, нежели подвергать опасности целое. Король не скрывает своей симпатии к «бастующим» оппозиционерам. В своей солидарности с ними он заходит так далеко, что посылает им в Палату Депутатов... печеного индюка**. Но на большее его не хватило.

После 36 часов героического сопротивления Рейтан и его товарищи получили скорбное известие о том, что король присоединился к конфедерации. С этого момента оккупация Палаты депутатов потеряла правовую основу и уже не имела смысла. Последние защитники чести и целостности Речи Посполитой, опустив головы, уходят со своего «редута» в Сейме.

Но история Тадеуша Рейтана, непреклонного депутата Новогрудской земли, на этом еще не кончается. Из запутанной гущи противоречивых сообщений летописцев, архивных свидетельств неодобрительных очевидцев и наросших с ходом времени литературных легенд является глубоко проникновенный образ человека, «сошедшего с ума по отечеству». В отличие от своих последних соратников, которые сразу, как только вышли из Сейма, разъехались по домам, Рейтан остался в Варшаве. Он один считал свою миссию всё еще не выполненной до конца.

Он ходит по улицам Варшавы, пускается в долгие разговоры со знакомыми, напряженно прислушивается к отголоскам, доносящимся из замка, где заседает конфедеративный Сейм под управлением Понинского. Потом в своем жилье, в трактире на Козьей улице, пишет патриотические меморандумы и манифесты, обращаясь к общественному мнению на родине, а также к «Великим Державам Европы». Он пытается добиться включения этих документов в официальные городские книги, но у него их нигде не принимают. Всюду его опережают запреты бдительной конфедерации («Регент показал письменный приказ под страхом ответственности, чтобы не вздумал принимать...»). Разочаровавшись в официальных инстанциях, Рейтан делится своими взглядами со случайными прохожими. Читает меморандумы чужим людям, вслух громит конфедерацию — «скрытную, коварную, миллионами людей оплаканную... Стремящуюся на три части разодрать родную землю». Наихудшими словами честит «подлеца Понинского», который за деньги и почести продает отечество. Его уличные выступления не уходят от внимания полиции. Он постоянно в опасности. То его представляют опасным сумасшедшим, то платным наемником пруссаков. Но атаковать его впрямую конфедерация не решается. Даже самая грубая сила не выдерживает конфронтации с несомненным нравственным авторитетом. А Рейтан таким авторитетом обладает.

Мариан Брандыс

О его героическом сопротивлении знает вся страна. Разыгрывающийся на глазах у всей нации позорный трагифарс Сейма, готовящего раздел Польши и работающего в конфедеративном порядке и под охраной иноземных штыков, только утверждает и углубляет этот авторитет. С восхищением и любовью говорят о Рейтане во всех варшавских «каффехаусах» и трактирах. Поздними вечерами в его жилье на Козьей появляются кающиеся коллеги-депутаты, которые «под напором исторической необходимости» сдались конфедерации, и представители великосветского общества столицы. Прекрасные дамы и изысканные господа приносят почести герою дня. Называют его гордостью отечества, фигурой из Плутарха. Красноречиво пожимают ему руку, с полным пониманием глядят глубоко в глаза. Король и могущественные Чарторыйские не щадят стараний, чтобы конфедератский приговор не был приведен в исполнение. Прусский генерал Лентулус, вопреки своей официальной миссии искренне восхищающийся Рейтаном и сочувствующий ему по чисто человеческим побуждениям, отдает в его распоряжение для охраны от полиции Понинского двух прусских гусаров. (Отсюда конфедератская клевета о наемничестве у пруссаков.)

Но все эти почести и проявления дружеских чувств (может, за исключением лентулусовских гусаров) оказываются потихоньку: под прикрытием вечерней темноты, в четырех стенах частного жилья. Зато при дневном свете, в публичных местах, вокруг Рейтана ширится гнетущая пустота. С могучей конфедерацией боятся поссориться даже самые почтенные, самые златоустые патриоты. От простонародья его отгораживают лентулусовы гусары.

** Один из современников-очевидцев сообщает, что когда маршал королевского двора прислал голодающим депутатам обед, они отдали его сторожившим их солдатам со словами: «Палата требует не еды, а публичных заседаний, приносящих счастье отечеству».

С течением времени последний воин за целостность и независимость отечества все отчаянней мечется в своем одиночестве. Все очевиднее дают о себе знать психические последствия пережитого в Сейме. В сверхчеловечески измученной голове путаются мысли, а воображение ускользает из-под контроля разума. Тот, кто еще недавно не боялся никого и ничего, теперь живет в постоянной тревоге и страхе. Его терзает мания преследования, в каждом незнакомом человеке он усматривает агента конфедерации или вражеских держав. Он цепляется к совершенно невинным прохожим, устраивает им беспричинные дикие скандалы, обзывает шпионами и предателями. Ночами он не может спать, его преследуют призраки Понинского и посла Штакельберга. В спешке переезжает Рейтан с квартиры на квартиру. Потом, как предполагают некоторые, не живет уже нигде. Целыми днями волочится по наименее людным улицам столицы — «неряшливо одетый, грязный, со взглядом, в котором каждый видел его сумасшествие». Ночи он проводит в подворотнях или развалинах брошенных домов.

Наконец Рейтан попал под опеку монахов-бонифратриев, которые поместили его к себе в больницу св. Иоанна Божия. Получив тревожные вести от монахов, приехал из Литвы брат несчастного депутата Михал Рейтан и забрал больного в родную Грошовку под Новогрудком.

Игнаций Чвартос. *Развалины флигеля усадьбы Рейтана в Грушевке под Ляховичами*

Тут, в Новогрудской земле, которая некогда одарила его депутатским мандатом и пробудила в нем патриотическую миссию, под заботливой опекой брата и его семьи, но в отдельной «каменке», потому что он уже не переносил возле себя никого, даже близких, — тут завершается судьба трагического героя драмы разделов. Об этих последних годах Рейтана сохранилось мало сведений. Известно только, что он постепенно все больше погружался в мрак безумия. Однако не настолько, чтобы избавиться от страшных воспоминаний о Сейме и от терзавших его видений и привидений тех времен. В редкие периоды просветления он продолжал писать свои нравственно-политические меморандумы и трудился над записками «О моем депутатстве в Сейме», но о подробностях и судьбе этого сочинения не упоминает уже ни один летописец.

Сравнительно больше можно узнать об обстоятельствах кончины Рейтана. Он покончил жизнь самоубийством 8 августа 1780 года. Непосредственным поводом того, что он наложил на себя руки, был потрясение, вызванное то ли действительным фактом, то ли творением больного воображения. Он увидел в окно, как в пространство между постройками имения въезжает на коне русский генерал. В приступе безумного страха он выбил оконное стекло и поспешно, чтобы никто не успел ему помешать, стал глотать осколки стекла. Вероятно, он умирал долго, в мучениях, не зная, что в памяти своего народа останется живым навсегда.

1982

Рышард Капустинский

...О МАРИАНЕ БРАНДЫСЕ

Весной 1951 года мы поехали с Виктором Ворошильским в Новую Гуту. Ворошильский должен был там читать стихи, а я был сопровождавшим его начинающим журналистским подмастерьем. Строго говоря, Новая Гута еще не существовала.

За Краковом тянулись километры разрытой земли, жуткой бездонной грязи, в которой утопали люди и машины. Не было где спать, не было где есть, прежде всего не было где укрыться от ледяного дождя и пронизывающего ветра — город существовал только на планах: ни улиц, ни стен, ни крыш. После того как мы несколько часов шлепали по вязкому, скользкому болоту новогутского ада, нас внезапно вырвал из одеревенения и покорности судьбе радостный оклик: «Виктор!» Перед нами, широко раскрыв объятия, стоял молодой, улыбающийся мужчина в заляпанной грязью, мокрой куртке.

Это был Мариан Брандыс.

Брандыс — репортер, который пробыл здесь уже долго и что ни день вышагивал километры по бездорожью, собирая материал для новой книги, большого репортажа-фрески «Начало повествования». Две вещи запомнились мне в ту встречу. Радостная, теплая улыбка на смуглом выразительном лице Брандыса и восторг, с которым он рассказывал о том, что тут происходит. Все, что его окружало, было для него темой, действительностью, которую он хотел познать, понять и описать. Всем он был захвачен. Процесс познания нового мира всегда доставлял ему, по его словам, «роскошные эмоции». Каждого из этих мрачных, замерзших, разгневанных людей, круживших тут толпами, он ценил на вес золота: каждый представлял собой ходячую историю, а я быстро обнаружил, что история была его величайшей страстью (тогда он только что нашел в окрестностях старую халупу, из которой Костюшко отправлялся на битву под Рацлавицами).

Всю жизнь Мариан Брандыс мерялся с историей: сначала как военный (сентябрьская кампания 1939-го и немецкий лагерь военнопленных-офицеров), потом — описывая живую историю в репортажах (Италия, Польша, Африка), затем — разыскивая ее следы в документах, в библиотеках. И наконец, когда история оказалась, по выражению Ежи Стемповского, «спущена с цепи», — протестом и оппозиционной деятельностью.

Возвращаюсь в Новую Гуту. Для нас, молодых репортеров, Мариан Брандыс уже в те времена был легендой. Тогда, в начале 50-х, Ксаверия Прушинского уже не было в живых, Мельхиор Ванькович еще был в эмиграции. Мы искали образца, искали учителя. Таким учителем стал для нас Мариан Брандыс — кстати, сам он эту роль играл совершенно незаметно и как-то косвенно: автор уже известного тогда сборника репортажей «Итальянские встречи», он никогда не поучал, не выговаривал, не пытался предводительствовать. Наоборот, будучи старше нас и немало печатавшись, он старался вести себя так, словно он один из нас, равный среди равных. Тем не менее мы были уверены, что это самый выдающийся в послевоенной Польше репортер, писатель — талант, мудрость, эмоциональность и трудолюбие которого подняли искусство нашего репортажа на самый высокий уровень.

В тридцать с небольшим лет он уже обладал всеми чертами большого репортера. Одной из них было ощущение тепла, доброжелательности и сердечности, которым проникался всякий, едва с ним познакомившись. Благодаря этому Брандыс быстро сходился с людьми, легко вызывал доверие тех, к кому приехал и кто видел его первый раз в жизни. В его репортажах постоянно слышны голоса тех, кто вверяет ему свои тайны, делится своими заботами. Автор вслушивается в то, что они говорят, со всей серьезностью, с добрыми намерениями. Да, с намерениями, ибо Мариан Брандыс — такой репортер, которого волнуют чужие судьбы, он хочет не только писать об их трудностях, но и помочь им этим

писательством. Встревоженный маразмом маленького Пацанова, он обдумывает, как бы в этом местечке построить хотя бы плодоовощную фабрику. Размышляет о том, как бы открыть в Пинчове музей польского арианства и т.п.

Следопыт прошлого

Мир репортажей Мариана Брандыса — это прежде всего мир городков и городишек, сонных, затерянных в сером и плоском пейзаже польской провинции, — мастерством репортера будет только показать, как под его пером эта заспанная, вялая, сермяжная действительность приобретает краски, формы, очертания, звуки и запахи! Почему он выбрал эти места? Сначала мы не знаем. Мы следим за его шагами так, как следят за шагами пришельца десятки любопытных взглядов, зыркающих из местных окошек. Приезжий ходит, заглядывает в разные закоулки и закутки, познает весь этот чудесный, неуклюжий шагаловско-шульцевский мир восточноевропейских местечек. Многое в материи репортажей Брандыса идет от впечатлений, от раздумий, которые подарило ему хождение по улочкам и площадям провинциальных городков. В какой-то момент автор знакомится с героем своего репортажа. Его любимыми действующими лицами оказываются местные интеллигенты — учителя, врачи, собиратели исторических памяток, лесничие. Если кто-то из них помнит Болеслава Пруса или Стефана Жеромского — тот с большой вероятностью попадет в его репортажи. Если кто-то спас от разрушения дворец в Ланьцуте — тоже. Автор сразу завязывает с этими людьми ниточку взаимопонимания, диалог. У них общие интересы, их захватывает общая идея: они ищут следы истории, а найдя — стремятся спасти их, закрепить, сохранить. Мариан Брандыс — исторический писатель, с тем что когда он пишет об истории, то в разные периоды меняет жанры: то это репортаж, то эссе или повесть, наконец — дневник.

В своих сборниках репортажей: «Начало повествования», «О королях и капусте» и др. — автор оставил нам картину Польши первых послевоенных лет, бедной, разрушенной и умученной страны, где, однако, повсюду можно было встретить людей, обычных и почти безымянных, но испытывающих одну только жажду: спасти эту землю, ее культуру, ее самосознание, ее дух. Разыскивать таких людей, говорить о них, быть с ними солидарным — такова была ведущая мысль больших репортажей Мариана Брандыса.

Похоже обстояло дело и с его африканскими репортажами — в нашей послевоенной литературе первопроходческими («От Каира до Аддис-Абебы», «По следам Стася и Нель*», «С господином Беганеком в Абиссинии»). В этих книгах, написанных замечательным польским языком, много описаний Африки, но еще больше рассказов о поляках в другом мире, об их судьбах и характерах.

Репортер в архиве

После этих двух репортерских глав своей жизни, польской и африканской, Мариан Брандыс меняет палитру и посвящает себя исторической прозе и эссеистике (это естественная смена в трудной профессии репортера, напоминающей профессию летчика-испытателя: в какой-то момент отсюда надо уходить). На страницах его книг** появляются фигуры Сулковского, Козетульского, пани Валевской, воинов легкой кавалерии. Эти книги мы глотали с горячечным румянцем на щеках: автор показывал в них историю Польши как драму и труды замечательных людей, которых власть в то время выбрасывала из школьных учебников. Когда я сегодня просматриваю «Козетульского и других», меня поражает, что в способе сбора материала, в манере письма всегда ощущается пульсирующий нерв репортера, его неудовлетворенное любопытство, его упрямое стремление добраться до истины, его великолепное умение удивляться, нескрываемая радость открытия!

Эти два способа познания мира: в странствиях репортера и обращении к источникам в архивах — наложились друг на друга и произвели замечательные плоды. У.Х.Оден писал когда-то: «В конце концов, не самое главное — что́ пережил автор. Самое главное — насколько он сумел использовать свой опыт в литературе». Творчество Мариана Брандыса и есть отличный пример того, как можно этот опыт преобразить в литературу.

gazeta

* Стас и Нель — герои приключенческой повести Генрика Сенкевича «В пустыне и пуще». — *Пер.*

** Три исторических повести Мариана Брандыса вышли в русском переводе (М., «Прогресс», 1975). Далее названы герои этих повестей. — *Пер.*

Славомир Поповский

В ПАМЯТЬ О ДРУГЕ

Впервые фамилию Геннадия Жаворонкова я услышал весной 1987 г., через несколько месяцев после возвращения из ссылки Андрея Сахарова. Он в то время работал в газете «Московские новости» и среди работавших в Москве иностранных корреспондентов пользовался репутацией человека, который знает Сахарова лично, так что если кому-то необходимо было связаться с Андреем Дмитриевичем, то только через него. Я записал в блокнот его фамилию и телефон... И это осталось уже навсегда.

Интересно, что сам Геннадий познакомился с Сахаровым незадолго до этого, уже после возвращения Сахарова из Горького. Он описывает это в своей знаменитой книге «О чем молчал Катынский лес, когда говорил академик Сахаров». Геннадий вспоминал, что в то время ему гораздо легче было встретиться с самым знаменитым российским диссидентом, преданным анафеме и только что помилованным, чем с неизвестным ему режиссером кинофильма «Риск» Дмитрием Барщевским, в ленте которого документальные кадры, запечатлевшие беседы Горбачева с Рейганом, должен был комментировать Андрей Дмитриевич. Жаль, что тогда мы ничего не знали друг о друге, — я бы дал Гене его адрес и телефон....

В Москве тогда начиналось самое горячее время перестройки — выявление «белых пятен» и сведение счетов с историей, рождалось движение «неформалов» и первая легальная демократическая оппозиция, духовным лидером которой, «совестью нации» — как тогда говорили — был Сахаров. А Жаворонков, работавший в самом радикальном и демократическом еженедельнике, каковыми были в те годы «Московские новости», остался связанным с этими кругами уже навсегда. В том числе и тогда, когда после десятилетия пребывания у власти Ельцина и первых лет правления Путина все поколение перестройки, ее самые активные деятели уходили в забвение, прощались с этим миром или — как Галина Старовойтова, Сергей Юшенков, Юрий Щекочихин — были коварно убиты. Геннадий был одним из последних могикан перестройки, до конца защищавшим главные ценности своего поколения: свободу, демократию и права человека. Ибо именно эти ценности предрешили крах коммунизма.

В 1989 г. он написал ставший широко известным текст «О чем молчит Катынский лес», опубликованный в «Московских новостях», главным редактором которых был Егор Яковлев. Это была первая столь обширная публикация в советской прессе на тему преступления НКВД против польских офицеров в Катыни. Жаворонков сумел отыскать офицера смоленского КГБ Олега Закирова, который провел собственное частное расследование этого дела и привел Геннадия к живым свидетелям катынской трагедии. А он все это описал, вызвав ярость КГБ и руководства СССР, которое тогда еще не желало допустить того, чтобы ворошили преступления советского времени. Именно за это, за заслуги в раскрытии правды о катынском преступлении, в апреле 2005 г. он был награжден кавалерским крестом польского ордена «За заслуги».

Геннадий Жаворонков умер 7 ноября после тяжелой и долгой болезни. Ему было 65 лет. Елена Боннэр, вдова Андрея Сахарова, написала после смерти Гены:

«Геннадий много лет работал в газетах „Московские новости" и в „Общей газете" в те памятные годы, когда этими газетами последовательно руководил Егор Яковлев.

Он первый начал писать о трагедии Катыни, ездил туда, разыскивал свидетелей еще оставшихся в живых от тех страшных расстрельных времен. Он писал об Абхазии, ввергнутой в жестокий национальный конфликт, об ингушско-осетинском конфликте.

Два года назад он написал книгу о своем детстве и юности, о московских дворах, об их голодающих и замерзающих малолетних насельниках послевоенного времени. Гена был одним из первых журналистов, пришедших к нам в дом после нашего возвращения из Горького. И с того первого визита стал одним из самых доверенных журналистов Андрея Дмитриевича. Был он человеком открытым, дружелюбным, удивительно скромным и столь же удивительно смелым.

До последних дней он сопротивлялся болезни, радовался учебным успехам сына. И на больничной постели незадолго до кончины писал свою статью „Роман-документ на два голоса" о „Дневниках Андрея Сахарова", которая была опубликована в „Новой газете" 16 октября.

Я как-то всю жизнь сомневаюсь, что земля ушедшим может быть пухом. Но уверена, что память о Геннадии у всех, кто его знал, будет светлой».

Столько раз в горячие 80-е и 90-е годы мы, что называется, пересекались друг с другом. И хотя я так и не успел с ним подружиться, сообщение о его смерти я воспринял с глубокой скорбью, как сообщение о смерти друга. Теперь уже осталось только молиться: упокой его душу, Господи...

Геннадий Жаворонков

КАТЫНСКИЙ ЛЕС НАЧИНАЕТ ГОВОРИТЬ

(отрывок)

Геннадий Жаворонков

Новый вариант статьи о Катынской трагедии Главный благословил, предварительно вычеркнув все прямые указания на истинных виновников преступления. Правда, хитро глянув на меня, оставил нетронутым монолог Михаила Кривозерцева, главного свидетеля советской версии на Нюрнбергском процессе, в котором была аккуратно заложена мина замедленного действия.

На редколлегии, после выхода газеты, Главный позволил себе весьма пикантную шутку: предложить послать благодарственное письмо в журнал «Коммунист», где после трехмесячной стажировки некоторые сотрудники открываются новыми гранями таланта.

Через два дня (в Смоленск «МН» приходила с запозданием) позвонил Котов. От испуга он говорил почти шепотом, отрекался от сказанных мне слов и требовал опровержения. Я предложил ему подать на меня в суд, куда готов предоставить магнитофонные пленки с нашими разговорами. Это был явный блеф с моей стороны, в те годы такие записи не принимались судом во внимание.

Не представляло большого труда выяснить источник его страха. Позвонил Громыко и сообщил, что даже его таскали в КГБ. Следовало ждать дальнейшей реакции. И она не заставила себя ждать долго. Уже на следующей редколлегии Яковлев угрюмо выговаривал мне за «неаккуратность». Позже я узнал, что ему звонил Горбачев и истерически орал: вот сами поляки не могут найти истинно виновных, а какой-то журналистишка преподносит им доказательство чуть ли не на блюдечке. Понимает ли многоуважаемый Егор Владимирович, что, появись публикация на несколько дней раньше, то Ярузельский мог быть и не избран президентом Польши?!

Нужно отдать должное Яковлеву — он выговаривал мне «по долгу службы», а не по собственному желанию. Горбачев требовал «крови», моего увольнения, вот Главный и реагировал. А на мой вопрос, что же делать дальше, ответил ехидной репликой: «Продолжать лезть не в свое дело».

Я ждал писем. И они пришли. Почти все анонимные, но с теми или иными указаниями виновников трагедии. А потом позвонила дочь бывшего начальника НКВД по Смоленской области и позже по Белоруссии Наседкина. Она посчитала публикацию чуть ли не реабилитирующей отца, так как он был расстрелян по указанию Берии.

Придя в мою редакционную комнатушку, она долго рассказывала мне о душевной чуткости отца, о его необыкновенном человеколюбии. Я покорно слушал, а в голове отчетливо вертелась фраза из выписки архива: «При Наседкине только за 1937 год по первой категории (читай, к расстрелу) было приговорено 4500 человек».

Конечно, думалось мне, в чем виновата девчонка (а теперь пожилой человек), к которой отец был гораздо гуманней, чем к своим подследственным...

Когда она ушла, я долго бессмысленно смотрел в окно на замусоренный двор. Может, не стоит копаться в прошлом, отравляя кому-то настоящее? Неизбежно будут всплывать чьи-то имена, фамилии, которые теперь носят люди, ничем не причастные к кровавым делам тех лет, и что же, опять будет око за око, а сын — за отца?

И вдруг вспомнилась беспощадная фраза Боннэр о своем отце: «Это они начали террор, жертвами которого сами и стали».

И все вернулось на свои места. Совершено преступление, не имеющее аналогов в мировой истории. Если мы не разберемся в его причинах и следствиях, оно может повториться.

Катынь стала моей «навязчивой идеей». Теперь свой рабочий день я начинал с разбора почты, надеясь получить письмо от какого-нибудь свидетеля, которое поможет продвинуться к истине. Засыпал с надеждой на какое-нибудь чудо, поджидающее меня завтра. Бывая в различных компаниях, специально заводил разговор о польских офицерах, рассчитывая на слепую удачу.

Все было напрасно. Тянулись дни, а я продолжал топтаться на месте.

Опять меня вызвал Главный и поинтересовался, как идут дела. Я угрюмо ответил: никак. Анонимные письма не могут служить доказательством, а истинные свидетели продолжали хранить молчание. Правда, ко мне в редакцию явился несколько странноватый человек, некогда работавший в «органах» и уволенный от туда за якобы психическое нездоровье. Посетитель уверял, что, будучи еще ребенком, он слышал от своего дяди, сотрудника НКВД, во время коллективной попойки о какой-то операции против польских офицеров, за которую они все получили кто орден, кто медаль. Гость предложил мне поискать указ (конечно, закрытый) о награждении чекистов, датированный 1940 годом.

Но, если бы даже нам и удалось его найти, он не давал возможности для прямых обвинений.

В другой раз бывший гэбэшник, а ныне диссидент брался показать мне место под Москвой, где, вероятней всего, захоронены делегаты XVII съезда партии. Я заказал машину, а диссидент не явился. Кто знает, был ли это человек, искренне решивший помочь нам, или это была «подсадная утка», желающая заманить в «камыши» дезинформации.

Удача наконец нашла меня. Разбирая октябрьскую почту, я чуть ли не заорал на всю редакцию. Из Смоленска пришло письмо, и не от кого-нибудь, а от штатного сотрудника КГБ майора Олега Закирова. Он сообщал, что начальник Смоленского УКГБ генерал Шиверских беззастенчиво врал мне, утверждая, что ветераны НКВД молчат. Еще в июне (до моего приезда в Катынь) Закиров передал по начальству заявление Ивана Титкова, водителя девяти прежних начальников НКВД, в котором он писал о фактах массовых расстрелов в районе Козьих Гор и выражал желание указать конкретные места захоронений.

Его заявление, как и заявление бывшего начальника Смоленского архива НКВД-КГБ Ноздрева, положены в стол, и им не дано должного хода.

«Не все работники нынешнего КГБ трусы, — кончал свое письмо майор Закиров. — Я прошел Афганистан, видел гибель наших солдат ни за что и не желаю быть соучастником нового обмана и преступления. Приезжайте в Смоленск, я расскажу вам все, что знаю, и помогу встретиться с ветеранами НКВД».

В письме был адрес и домашний телефон.

Я ворвался в кабинет Главного и рассказал о настигшей меня наконец удаче. Яковлев внимательно изучил исписанный с двух сторон листочек, и коротко сказал: «Поезжай!» Потом после паузы сухо добавил: «Продумай все и будь предельно осторожен. Ты понимаешь, ***они*** будут защищаться любыми средствами».

Я позвонил в Смоленск, Закиров подтвердил свое желание помочь раскрыть катынские тайны и предложил мне приехать на машине, так как всё нужно делать четко, быстро и, главное, вовремя исчезнуть.

Волжский автомобильный завод подарил редакции малолитражный автомобиль «Ока». У машины были номера города Тольятти, которые могли помочь «скрыть» нежелательное присутствие москвичей в Смоленске. На поездку я стал подбивать своего давнего приятеля Л.Ф. Но он страстного желания сунуться в Катынь не выразил. Под всякими благовидными предлогами он откладывал поездку. Тогда я обратился к новому для редакции человеку — Олегу Иванову. Совершенно неожиданно для меня он согласился, правда, тоже без особого восторга. Причин для этого было много.

Поздним октябрьским вечером мы выехали в Смоленск. Предварительно принимая, как мне казалось, все меры конспирации, я через собкора «Труда» Георгия Громыко заказал для нас номер в гостинице. Сказать, что дороги были ужасные, значит ничего не сказать. Со скоростью свыше ста километров в час мы неслись не по асфальту, а по сплошному льду. Справа и слева от шоссе то и дело попадались машины, слетевшие в кювет. Где-то на полпути к Смоленску началась метель. Не было видно не только стоп-сигналов впереди идущих машин, но и света фар встречных автомобилей. КГБ явно навязывало нам погоду по своему вкусу.

Олег буквально потряс меня одной своей фразой, произнесенной совершенно спокойно:

— Геныч, эта машина — как яйцо, на ней одинаково можно превратиться «всмятку» и при тридцати и при ста километрах в час. Ты не против того, что я не буду сбрасывать скорость?

Я был не против. Стрелка спидометра замерла на цифре 120. При въезде в город мы сняли с машины все рекламные атрибуты «Московских новостей» и как праздные путешественники, скромно потупив взгляды, вошли в гостиницу «Россия».

— А вот и «Московские новости» приехали, — радостно воскликнул администратор.

Мы окаменели. Стоило ли так таиться, предпринимать столько конспиративных шагов, чтобы быть узнанными в первые же минуты пребывания в городе? Пройдя в номер, я тут же позвонил Закирову. Был первый час ночи, но трубку снял сам Олег.

— Я жду вас, приезжайте.

Мы снова сели в машину и пустились на поиски плохо известной даже самим жителям улицы Строителей. Проплутали почти час. Наконец среди однообразных домов-близнецов мы нашли тот, который нам был нужен. У подъезда стояла машина «Скорой помощи». Не покидающая меня тревога тут же помножилась порядков на десять.

— Вы не в 47-ю квартиру? — спросил я санитара.

— В нее.

— Что случилось? — почти заорал я в ужасе, уже мысленно считая, что нас опередили.

— У девочки аппендицит! — равнодушно сообщил санитар и захлопнул дверцу машины, поглядывая на меня, как на душевно больного.

Какая-то женщина (это была жена Закирова) сообщила из окна «Скорой»:

— Проходите в дом, квартира открыта. Олег где-то бегает здесь в поисках вас.

Машина уехала. Мы не пошли в открытую квартиру, а занялись поисками пропавшего Олега. Петляли между домами, вглядывались в лица редких прохожих и наконец увидели призывно машущего нам человека. Это был Закиров. Он рассказал, что сразу же после нашего звонка у дочери начался сильный приступ аппендицита, но все случившееся не должно помешать операции «Катынь». Технология ее проведения предельно проста. Олег заходит в квартиры ветеранов НКВД, предъявляет удостоверение майора КГБ и произносит многозначительную фразу: «Генерал Шеверских просит рассказать этим людям всё, что вы знаете о репрессиях и расстрелах».

В сущности подобное утверждение было почти правдой. Председатель Смоленского УКГБ божился мне, что очень хочет помочь нам в журналистском расследовании, тем более что получил на это санкции свыше. Договорившись с Закировым встретиться утром, мы с Ивановым уехали в гостиницу. Операция «Катынь» стала опять приобретать реальные очертания.

Где-то около восьми часов утра нами был «взят» бывший начальник Смоленского НКВД Ноздрев.

Рассказ Ивана Ноздрева

Стилистика рассказчика соблюдена дословно

— Начиная с 1935 года в Смоленском НКВД стали появляться особо ретивые работники. Такие, например, как Эстрин, Кронгауз, Самусевич. Каждый из них из любого мальчишки мог «врага народа» сделать, а то и на пустом месте заговор раскрыть. В 1936 году они арестовали всех, кто имел охотничьи ружья, и обвинили их в подготовке вооруженного восстания и создании повстанческой организации.

Самусевич допросы вел весело, словно репетировал в кружке самодеятельности. Играл на гармошке, предлагал поиграть подследственным. А потом, потирая от удовольствия руки, смеялся и оформлял дело по первой категории, то есть к расстрелу. Перед войной он сам был арестован и осужден за организацию липовых дел. Только не сгинул, как многие. Уже в 1943 году он стал комендантом особого отдела 21-й армии...

Образовательный уровень следователей был нижайший. Иной раз они назначались из надзирателей, как это было в 1937 году со знаменитым своей жестокостью Жмуркиным. Он «липовал» дела, как семечки лузгал.

Группой расстрела руководил Иван Стельмах. *(Потом, много позже, я получу личное дело главного расстрельщика польских офицеров. Его служебная характеристика потрясет меня: «Малообразован, политически безграмотен, но своему делу предан безгранично».)* Был в его бригаде Бороденков, может, жив еще. С таким делом, как расстрел, не каждый справиться может, а он делал это с удовольствием. Подбирали туда людей «особо одаренных» — тупых и бесчувственных. И все равно не все выдерживали такие испытания. Один из группы Стельмаха не выдержал и перерезал себе горло бритвой на чердаке управления.

Вот теперь часто горюют: как же все не сопротивлялись при таких массовых расстрелах и в лесу Козьих Гор, и в подвалах НКВД? А почему вы думаете, что никто не сопротивлялся? Просто говорить об этом не было принято, даже втихую. Я, например, точно знаю, что не все в этих делах шло гладко.

Однажды я пришел в управление утром, а оно словно бы в осаде. Оказывается, во время ночного расстрела один поляк выдернул винтовку у конвоира, захватил оружейную комнату и три дня держал оборону. Никто из храбрецов Стельмаха и близко к нему подойти не решался. Только тогда и победили, когда бросили в подвал газовую шашку.

В Козьи Горы везли и живых, и мертвых. Живых, может, только для того, чтобы могильники копать, не самим же расстрельщикам этим делом заниматься. А потом добивали и их.

В 1946 году геологи стали брать пробы в Катынском лесу, для стареющего керамического завода нужны были песок и глина. Мой начальник узнал про это и заставил меня написать письмо в Москву. Мол, что вы там, все с ума сошли, что вы делаете? Они же вам такое раскопают, что мир ахнет. И геологов быстро убрали.

После 1956 года меня назначили секретарем комиссии по реабилитации. Даже я, знавший многое, изумился нелепости и легкости вынесения приговоров. Был тогда в моем распоряжении богатый архив. Я его лично в начале войны увозил в город Чкалов, а потом возвращал в Смоленск.

Был составлен полный отчет о работе комиссии, который не был тогда опубликован. Где он сейчас, не уничтожен ли за давностью лет?

К участнику группы Стельмаха (группы расстрела) Бороденкову мы попали уже не так легко. Он долго, через приоткрытую на цепочку дверь, рассматривал удостоверение Закирова. А, впустив нас в свою квартиру, был не словоохотлив. Не отрицал факт расстрела польских офицеров, но твердил, что «сам он в этих спектаклях не участвовал». В это просто невозможно было поверить, но уличать старика показаниями бывших сослуживцев мы не имели морального права.

Зато шофер девяти начальников НКВД Иван Титков был более откровенен: видимо, он имел право считать себя непричастным к сотворенным злодеяниям. Он был сильно простужен, и я весьма робко, без надежды на успех, попросил его выехать в Козьи Горы и показать места захоронений расстрелянных польских офицеров и наших соотечественников.

Впервые за эти часы я ощутил нежность к людям, когда дочь Титкова Татьяна, положив отцу руку на плечо, тихо сказала:

— Надо, отец, поезжай! Я одену тебя потеплее...

В машине Иван Титков продолжал наговаривать мне на диктофон:

— С 1934 года расстрелянных в подвалах НКВД Смоленска (улица Дзержинского, дом 13) возили хоронить в Козьи Горы специально прикрепленные шоферы Комаровский и Костюченко. Они многое знали и могли бы рассказать, но уже умерли. А вот с начальниками никакого постоянства не было. Менялись они частенько. Уедет один по вызову в Москву, а через неделю ко мне в машину другой садится. Иной раз осмелюсь и спрошу: «А прежний-то где?» В командировку, говорят, уехал. Только из таких командировок никто никогда не возвращался.

Катынский лес встретил нас недоброй тишиной.

— Поляки памятник не на том месте поставили, — вдруг посетовал Титков. — Под этой могилой никого нет. Польские офицеры похоронены там, за загородкой, где теперь дачи КГБ.

Мы прошли за забор, благо по чьей-то оплошности калитка не была закрыта.

— Здесь, — уверенно сказал Титков, — они лежат здесь. Это я сам видел, когда начальника сюда привозил. Он тогда лично хотел удостовериться, что кем-то данное ему задание выполнено...

Мы стояли в заснеженном лесу, примерно в трехстах метрах от Смоленского шоссе, пройдя еще метров пятьдесят вглубь сосняка, мимо мемориала погибшим польским офицерам. Но на той «могиле» был памятник, цветы, венок, недавно возложенный польским премьер-министром Тадеушем Мазовецким. А здесь лишь снег и редкие кусты с увядшими, но не опавшими листьями. Сюда не водят иностранные делегации, здесь не служат панихид по безвинным жертвам репрессий. Не поминают отцов и матерей, потому что никто еще не назвал это место кладбищем. Не только не назвал, но и не спешит найти его. Не спешит по многим причинам, но еще и потому, что здесь дачи работников КГБ.

— А вот там, — Титков показал рукой чуть в сторону, — могилы наших...

На всякий случай я позволил себе посомневаться:

— Не путаете, Иван Иванович? Все-таки столько лет прошло. Может, память вам изменяет?

Титков помолчал и сказал без обиды:

— Такое не спутаешь. Такое не забывается никогда...

Молчит Катынский лес. Говорит только Иван Титков, которому уже нечего терять. Не поздравляют его бывшие сослуживцы с праздниками, не зовут на юбилеи, не выспрашивают у него и сегодняшние работники КГБ: а что же все-таки было тогда и почему это случилось?

— Вот там, — опять откровенничает Титков, — по левую сторону дорожки, до войны был хуторок. Жил в нем человек, Иваном, кажется, звали. Точно Иваном. Жаловался он мне: каждую ночь здесь стреляют, как будто война какая идет. А ведь и правда, война — своих со своими.

По весне в лесу много впадин обнажалось. Оседали захоронения, люди вглубь уходили, словно прятались от новых мучений... Лес-то, гляньте, молодой совсем, саженный. Ему, может быть, чуть за шестьдесят. От старого только редкие стволы остались, да и среди них, пожалуй, моих ровесников уже нет...

Чуть в стороне от нас прапорщик пилил бензопилой «Дружба» сосну. Она рухнула, тяжело охнув, вздыбив облако снега. Странно было видеть порубки в огражденном забором лесу, названном государственным заповедником.

Я наивно спросил:

— Иван Иванович, это что, лес прореживают?

— Да нет, — усмехнулся Титков. — Это на дрова. Баня там есть. Топить ее сейчас будут. Видно кто-то из начальников управления скоро сюда приедет. Париться. Это и тогда так было. В тридцатые...

Как выстрел прозвучало в лесу это вроде бы совсем не страшное слово ***«тогда»***.

Как и тогда, теперь кого-то не смущает соседство с огромным безымянным кладбищем. Как и тогда, не страшно отдыхать, париться, пить водку и веселиться всей семьей, зная, что под ногами не трава и снег, а чьи-то имена, навечно втаптываемые в кровавый песок Катыни.

Что это? От беспамятства или от неповерженной уверенности, что и на этот раз тайна Катыни так и останется тайной и все будет по-прежнему?

Когда мы возвращались, по шоссе мимо нас к дачному поселку КГБ проскользнула белая «Волга». Видимо, ей дано ездить туда, куда нам и в щелочку заглядывать непозволительно. Люди в военной форме охраняли здесь не нас, а что-то от нас.

А над лесом в безветрии струился легкий, почти прозрачный дымок.

Топили баню.

Отвезя Титкова домой, мы поспешно вышмыгнули из Смоленска.

— Стой! — вдруг скомандовал я. — Мы забыли отметить командировки.

Иванов послушно развернул машину. Как два последних идиота, мы вернулись в город. Олег подъехал к редакции смоленской молодежной газеты. С двумя командировочными листками я взбежал на второй этаж.

Главный редактор, довольно-таки молодая и милая женщина приветливо улыбнулась мне:

— Ах, вот вы где? А вас уже с собаками ищут?

— Кто? — прикидываясь дурачком, спросил я.

— Ну, кто-кто, сами знаете, кто вас может искать. Звонили, спрашивали, не здесь ли вы? Я ответила им, что вас здесь нет и не было, что и в самом деле истинная правда.

— До аэродрома доехать успеем? — спросил я, наивно запутывая следы.

— Может, и успеете, — пообещала она, отдавая подписанные ею и проштемпелеванные командировки. — Вы такие шустрые по сравнению с нашими компетентными товарищами... По крайней мере, я вас выдавать не собираюсь.

Я спустился к машине, плюхнулся на переднее сиденье и заорал:

— Вперед и как можно быстрее! Нас уже ищут. Эти пленки нам терять нельзя. Им цены нет!

Олег рванул с места и меланхолично заметил:

— Нам тоже...

— Что — тоже?

— Цены уже нет. Любой проходящий по трассе трайлер вильнет хвостом — и мы в кювете. В могилке Катынского леса. Гражданская панихида за счет местного КГБ.

Я все больше и больше восхищался своим новым приятелем. Даже его черный юмор был успокоительно великолепен.

Нас не тронули... Правда, чуть ли не на следующий день в моей редакционной комнатухе раздался звонок «боевого» генерала Шеверских. Он нес мне какую-то чушь про доморощенных следопытов (намекал, но не называл фамилию Закирова), которые могут подвести редакцию, сообщая сомнительные факты. Советовал поехать в Австралию, где до сих пор проживает изменник Родины, некто Альферчик, который вместе с немцами лично расстреливал польских офицеров. Командировка, конечно же, будет оплачена органами. Я легко пообещал ему немедленно отправиться в Австралию, зная при этом, что уже с 1963 года меня не пускают даже в Польшу.

Ежи Помяновский

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАГАДКА КАТЫНИ

Считается, что на протяжении 60 лет, прошедших со времени катынского массового убийства, постепенно раскрылись все его обстоятельства. Известны даты расстрелов, места захоронений, списки жертв, показания свидетелей, даже фамилии палачей. Они старательно перечислены в приказе наркома внутренних дел СССР №001365 от 26 октября 1940 г. о награждении 44 расстрельщиков премией в размере месячной зарплаты, а еще 81-го, чином пониже, — по 800 рублей. Открылись подробности, обычно с трудом поддающиеся раскрытию. Удалось установить, что капитан госбезопасности В.М.Блохин, который на рассвете 27 января 1940 г. в Бутырской тюрьме расстрелял Исаака Бабеля, два месяца спустя уже в чине майора оказался в Калинине (ныне — по-старому Тверь) и лично приступил к расстрелам польских военнопленных из Осташковского лагеря. Известно, что тогда он был уже начальником комендантского, т.е. исполнительного, отдела НКВД и ему, в частности, подчинялись исполнители катынской операции. Уничтожены личные дела расстрелянных, но известны списки отправки этапов пленных по железной дороге — из лагерей к месту казни. Сохранились шифровки с сообщениями о ликвидации одной группы за другой. Известно, что существуют запротоколированные и зарегистрированные на видеоленте показания бывшего начальника Управления по делам о военнопленных НКВД СССР П.К.Сопруненко и бывшего начальника УНКВД по Калининской области Д.С.Токарева, подтверждающие факт, характер и ход расстрелов. И, что важнее всего, выплыл из бездны даже документ Политбюро ЦК ВКП(б) с собственноручными подписями его членов, черным по белому предписывающий массовое убийство польских военнопленных. (Впрочем, и военнопленными они не были, а были только интернированными, так как в сентябре 1939 г. СССР и Польша формально не находились в состоянии войны, а юридической силой обладал договор о ненападении 1932 года.)

В этом ужасающем деле есть два гроша утешения.

Во-первых, слабое чувство облегчения: если даже ***это*** в конце концов вышло наружу — значит, нет таких секретов, которые можно скрыть навсегда. Даже в России, где наука молчанья входит в букварь самозащиты.

Во-вторых, то, что сами русские помогли полякам утвердить такую жгучую для них истину. Помогли, хоть и через силу, хоть преградой этому стояли все традиции былого государственного устройства и его самого могущественного, и по сей день не затронутого никаким переворотом учреждения.

*

Это убийство отнюдь не было ознаменовано самым большим числом жертв — пусть об этом не забывают болельщики излюбленного польского спорта, гонок за первенство по количеству трупов.

Да, были расстреляны (согласно скрупулезному подсчету НКВД и письму председателя КГБ Шелепина от 3 марта 1959 г.) 21 857 польских заключенных и пленных, в том числе 4421 офицер из лагеря в Козельске, 3820 — из лагеря в Старобельске и 6311 (полицейские, пограничники и «враждебный гражданский элемент») — из лагеря в Осташкове. Первые лежат в Катыни под Смоленском, вторые — в Пятихатках под Харьковом, третьи — в Медном под Тверью. Это мы знаем. Но известно и то, что в Пятихатках в общих рвах гниет больше русских и украинцев, чем поляков. В Куропатах под Минском лежит в десять раз больше жителей Белоруссии, да и в каждой области бывшего СССР были свои Куропаты.

Истинная и продолжающая поражать особенность катынского дела состоит в том, что никакое другое сталинское злодеяние не утаивали и не прикрывали ложью так долго и старательно.

Не поляки, а сами виновники этого массового уничтожения, должно быть, признали его самым компрометирующим их случаем, раз запечатанный конверт с основными доказательствами носил в кремлевском архиве учетный номер 1 и передавался от одного первого секретаря ЦК КПСС к другому,

из рук в руки, почти так же, как черный чемоданчик с пресловутой кнопкой. Только 14 октября 1992 г. Роберт Пихоя, начальник Главного архивного управления Российской Федерации, от имени Бориса Ельцина вручил этот пакет Леху Валенсе. Этому акту предшествовали многолетние, тщательные старания советских властей, направленные на то, чтобы сначала замести следы преступления, затем свалить вину за него на немцев, после — отвлечь от него внимание союзников, поляков и уж по крайней мере своих граждан, наконец — ликвидировать свидетелей.

Поверхностно напомним ход всей этой операции, чтобы, возможно, извлечь выводы, небесполезные и сегодня.

Последние письма польских военнопленных к родным относятся к февралю 1940 г., с марта 1940-го никаких известий о них семьи не получали. После 22 июня 1941, когда Германия напала на СССР, а из польских заключенных и ссыльных стали собирать союзную армию (вслед за заключением в августе советско-польского договора, т.н. пакта Сикорского—Майского), ее командование вводили в заблуждение сообщениями, что офицерские кадры запаздывают, так как находятся на Земле Франца-Иосифа, в полярных льдах (или... бежали в Манчжурию). Когда немцы в 1943 году раскрыли катынские могилы, советская сторона, от Кремля до последней стенгазеты, принялась утверждать, что поляки из всех трех лагерей внезапно оказались в Катыни, т.е. на западе страны, и там попали в лапы немецко-фашистских захватчиков. Местные жители, указавшие немцам массовые могилы в Козьих Горах, бесследно исчезли. Главный свидетель, Иван Кривозерцев, ушедший из этих мест от советского наступления, погиб 30 октября 1947 года в Англии. Самым главным советским мероприятием стала новая экспертиза катынских захоронений, проведенная в январе 1944 г. под руководством главного хирурга страны академика Николая Бурденко. Целью экспертизы было доказать, что убийство совершено не весной 1940-го, а осенью 1941 года, т.е. уже после того, как немцы захватили Смоленск. Несмотря на то что в комиссии отсутствовали представители Международного Красного Креста и даже Союза польских патриотов, заключению комиссии поверили многие, тем более что поляки, находившиеся тогда в СССР, были отрезаны от любых других источников информации. Пишущий эти слова признаётся, что и он тогда принял советскую версию за чистую монету: размах аналогичных гитлеровских злодеяний бил в глаза. Было еще неизвестно, что польские военнопленные, попавшие в немецкие лагеря, в большинстве своем пережили войну. Однако Нюрнбергский трибунал советским обвинениям не поверил, на немцев вину за Катынь не возложил, а Н.Д.Зоря, помощник советского обвинителя в Нюрнберге Руденко, там же, в Нюрнберге, покончил с собой, став первым из тех отважных русских, что не желали смириться с ложью. Их было все больше и больше — достаточно вспомнить писателя Натана Эйдельмана, майора Олега Закирова из Смоленского УКГБ, прокурора Третецкого, публициста Виталия Абаринова, историков Наталью Лебедеву и Валентину Парсаданову, журналиста Геннадия Жаворонкова, Юрия Зорю — сына прокурора, диссидентов, выступавших на страницах «Континента» и «Русской мысли». Наконец, не кто иной, как тверские активисты «Мемориала» установили неопровержимое доказательство советской вины: в сентябре 1989 года в окрестностях Твери, возле Медного, они обнаружили массовые захоронения расстрелянных военнопленных из Осташкова, а до этих мест немцы во время войны, как известно, так и не дошли.

Поляки, разумеется, с самого начала неустанно стремились дойти до истины — от сенсационных публикаций Юзефа Мацкевича до книг Юзефа Чапского, Станислава Свяневича, Януша Заводного, Ежи Лоека и деятельности парижской «Культуры», лондонских «Вядомостей» и «Белого орла»; от демаршей правительства в изгнании (как правило блокировавшихся западными союзниками, которые заботились о добром имени своего восточного союзника) вплоть до тихих попыток и в конце концов громких требований властей ПНР. Эти последние со временем пришли к выводу, что если не вырвут у Москвы правды о Катыни, то не может быть и речи ни о перемене отношения польского общества к СССР, ни об их собственном алиби. Эти надежды остались напрасными — правда получила полные права только после распада СССР.

В конечном счете, благодаря усилиям Александра Гейштора и Александра Яковлева, хоть и бывшего члена политбюро ЦК КПСС, но человека, заботившегося о добром имени России, в 1999 г. в Москве и Варшаве вышел совместный труд польских и российских историков «Катынь. Пленники необъявленной войны». Он содержит все секретные документы, которые были запечатаны в пакете №1.

Читая содержимое этого пакета, испытываешь желание задать несколько элементарных, но отнюдь не риторическх вопросов. Особенно вызывает их важнейший документ — докладная записка наркома внутренних дел Берии Сталину от 5 марта 1940 г., где предлагается без суда расстрелять 14 700 польских военнопленных из трех лагерей и 11 тыс. заключенных из тюрем в западных областях Украины и Белоруссии. Предложение Берии утверждено подписями Сталина, Ворошилова, Молотова, Микояна, на полях указано, что с этим согласны также Калинин и Каганович. Хотя на практике число расстрелянных оказалось несколько меньше (здесь мы не будем уточнять причин), решение Политбюро следует считать целиком исполненным.

Первый вопрос, требующий ответа sine ira: ***почему было принято именно такое решение?*** Вопрос звучит наивно, но не менее наивны обычно напрашивающиеся ответы. Речь не шла о племенной ненависти: среди 125 тыс. поляков, взятых в плен, большинство составляли рядовые, и подавляющая их часть так или иначе выжила. Не объясняет катынского дела и жажда мести за поражение в 1920 году. Уцелели же финские военнопленные, несмотря на то что Красная армия только что выставила себе дурную оценку, долго воюя с численно крохотной армией Маннергейма.

Похоже, речь шла о замысле, полном сталинской простоты и размаха: ликвидировать ведущие кадры интеллигенции крупного европейского народа. И не только военные кадры, командиров потенциального вооруженного сопротивления. Свыше половины убитых составляли офицеры запаса. Они вытащили из сундуков старые полевые мундиры и пошли защищать свою страну, покинув врачебные кабинеты, редакции, мольберты, чертежные доски, лаборатории, письменные столы и преподавательские кафедры. Депортация населения с былых восточных окраин Речи Посполитой на Север и за Урал, проходившая в то же самое время, охватила в первую очередь ту же категорию людей.

Полная ликвидация всего этого слоя была бы равнозначна гильотинированию польского общества. Это не был план геноцида, но он принес бы те же результаты, вдобавок обеспечив победителю значительную экономическую выгоду при несравненно меньших затратах. Сталин был одержим мыслью справиться с техническим отставанием самым простым манером — повышая количество голых, но даровых рук. Эта одержимость и давала стимул дальнейшему расширению ГУЛАГа.

В пользу этой гипотезы говорят прецеденты. В 1930-е была буквально полностью уничтожена интеллигенция таких приволжских народов, как чуваши. Украина в то же самое время потеряла большинство своих писателей, деятелей искусства, ученых-гуманитариев — почти всех, кто культивировал украинский язык и традиции. Ни один из русских городов не подвергся такому количеству чисток, как Ленинград, слывший оплотом интеллигенции. Сталин внес весьма существенный рационализаторский вклад в технику колонизации и построения империй.

Такой замысел был аналогичен немецкому плану превращения Польши в резервуар неквалифицированной рабочей силы для исполнения черной работы. Сталин мог рассчитывать, что немецкий союзник на захваченной им территории не преминет исполнить свою половину задачи. И верно: захватив Краков, нацисты первым делом отправили в лагерь Заксенхаузен почти всех професоров Ягеллонского университета. Но дело отчасти провалилось, так как два союзника вступили в вооруженный конфликт друг с другом.

Бросив взгляд только на один аспект этго конфликта, мы сможем ответить на второй вопрос: ***почему виновники катынского злодеяния скрыли его?***

Ответ и здесь кажется очевидным, хотя стал таковым не сразу.

Не исключено, что ликвидацию польских офицеров Сталин не только не скрывал бы, но и жаждал бы этим прославиться, если бы его союз с Гитлером сохранился и принес плоды в виде раздела всей Европы. Их сблизили бы не только геополитические интересы. И неважно, что идеологии, которые они исповедовали, выглядели противостоящими друг другу. Прагматизм Сталина привел к тому, что разрыв между интернационалистическим коммунизмом и национал-социализмом все уменьшался. Но больше всего их объединяло убеждение, что насилие — акушерка истории и что стыдиться этого не нужно. Это убеждение они заимствовали у Жоржа Сореля, автора «Размышлений о насилии». Ленин еще пытался опровергнуть это родство, однако, открыто провозгласив красный террор в августе 1918 г., большевики прямо применили указания французского мыслителя. Сталин такой открытостью не отличался, тем не менее существуют доказательства, что актов насилия и жестокости позорными не считал.

Выдающийся русский театральный критик Иосиф Юзовский рассказывал автору этих строк, что однажды застал Сергея Эйзенштейна в состоянии глубочайшей депрессии после просмотра первой серии кинофильма «Иван Грозный». Оказалось, что Сталин вышел из кремлевского зала, где обычно смотрел новые кинокартины, в мрачном молчании. Юзовский просмотрел тогдашний вариант фильма и сказал другу: «Все ясно. Ты заставил своего Грозного убивать врагов с жалостью и каяться в этом грехе. Это ошибка. Наш Грозный гордится своей решимостью в той же области и даже не думает каяться». В этом духе Эйзенштейн исправил картину. Во второй серии политические убийства представлены как необходимость, по крайней мере не печальная. Эйзенштейн получил Сталинскую премию.

Печальной необходимостью оказалась для Сталина полная перестройка союзов. Вступление в союз с западными странами, придерживающимися канительных принципов демократии, заставило его лицемерить не только в вопросе этих принципов. Следовало вдобавок не ухудшать своих позиций в переговорах по польскому вопросу, раз надо было склонить западных союзников к тому, чтобы они признали Польшу частью советской сферы влияния.

Если уж мы занялись предположениями, то можно выразить уверенность в том, что Сталин сожалел о том удовлетворении, которое принесло бы ему соперничество с Гитлером в откровенном провозглашении целей, способных ужаснуть остальной мир. Национал-социализм своих целей не скрывал. Коммунизм был поражен лицемерием, был осужден лицемерить. Катынское дело — яркое тому доказательство.

Самым трудным выглядит ответ на третий вопрос: ***почему пакет №1 не был уничтожен?*** Почему сохранились такие компрометирующие документы?

Недостаточно счесть это проявлением бюрократической мании или внушать себе, что самые главные решения принимались без слов и не протоколировались. Объяснение требует знакомства с русским понятием «круговая порука». Документ, как можно предположить, сохранился, потому что его подписали ***несколько*** человек. Во-первых, это было залогом секретности: тот, кто подписал, наверняка будет молчать. Во-вторых, для посвященного подпись была гарантией собственной (относительной) безопасности, раз уж он включен в этот круг. В-третьих, подписи обеспечивали безопасность Главного, защищая его от интриг любого из подписавших. В случае чего Сталин мог обойтись без Политбюро, без советов этого собрания серостей — нужны они ему были, пожалуй, как раз для таких подписей и гарантий. Примитивный расчет на «компромат», посадку на крючок, по-прежнему остающийся у нас в ходу в политической борьбе, Сталин заменил куда более совершенным крюком самообслуживания. Роковая сила метода пережила его творца — каждый наследник Главного, принимая пресловутый пакет, становился участником преступного сговора.

Однако содержимое пакета обладает одной неоценимой чертой: катынское дело оказывается ключом к шифру, как приложенный к секретному тексту трафарет, который закрывает украшения и оставляет в поле зрения лишь голую суть советской системы.

POLITYKA

Я БЛАГОДАРНА ПОЛЬШЕ

Беседа Дороты Шварцман со скрипачкой Идой Гендель

— Я очень взволнована представившейся мне возможностью беседовать с вами. Я воспитывалась на записях вашего исполнения — в моем детстве они часто звучали по радио. Особенно незабываемо ваше исполнение «Румынских танцев» Бартока — я никогда не слышала, чтобы кто-то еще их так играл.

— Это не моя вина...

— Скорее ваша заслуга.

— Недавно меня пригласили в жюри одного конкурса скрипачей, где победителем стал молодой парень с Украины. Очень талантливый, к тому же весьма интересный внешне, просто как кинозвезда, — высокий, блондин. Он играл, в частности, «Румынские танцы». Я его слушала и про себя размышляла, почему так получается, что эти молодые люди не чувствуют красоты этого сочинения, не умеют распознать его стиль, играют так поверхностно.

— Без души.

— Это точное определение. Играют механически, чтобы как можно скорее закончить. А ведь центральная часть, партия свирели, исполняемая на флажолете, так прекрасна... Но кому сегодня есть дело до красоты. Образование поверхностное, люди думают прежде всего о том, как побольше заработать денег. И все сводится к темпу. Идет соревнование: кто-то исполняет данное произведение за рекордное время в семь минут, но тут же кто-то другой этот рекорд побьет и сыграет за шесть минут и пятьдесят девять секунд. А что самое сложное в балете? Не пируэты, а адажио. Суметь остановиться, танцевать медленно и контролировать свой танец. То же самое и с музыкой. Быстро играть может каждый, кто хоть сколько-нибудь овладеет техникой... Но контролировать смычок, иметь такую силу воли, чтобы не отпустить его слишком рано, — это самое сложное, такой техникой сегодня мало кто владеет. Люди не задумываются над этим.

— А вы занимались преподаванием? Ведь вы могли бы так многому научить...

— Я не преподаю. И не хочу. Может быть, когда-нибудь, когда сама перестану выступать, мое мнение изменится, но еще не сейчас. Иногда мои друзья-преподаватели уговаривают меня вести курс, мастер-классы по всему миру. Но мне кажется, что и так уже слишком много скрипачей, которым негде играть. А кроме того, если кто-то хочет на самом деле чему-то у меня научиться, то почему я должна ему рассказывать, как я работаю со скрипкой? Пусть слушает, как я играю! Если не в состоянии выслушать и не понимает, в чем суть, тогда это потеря времени — и моего на сцене, и его в зрительном зале.

— У вас тоже все начиналось со слушания?

— Впервые я взяла скрипку в руки, когда мне было три с половиной года. Это была скрипка моей старшей сестры Алиции, которой было восемь лет. Мой отец, хотя он был родом из деревни, из ортодоксальной еврейской семьи, очень любил музыку и сам мечтал стать скрипачом. Он стал художником-портретистом, но решил, что его дети будут учиться музыке. А происходило это в Хелме, где я родилась. Отец отправил мою сестру заниматься к профессору Добковскому. Но как-то раз пришла я, взяла инструмент в руки и сказала: «Я тут скрипачка». Это была скрипка три четверти, но я как-то справилась. Профессор Добковский был первым человеком, который меня услышал. Сама я этого не помню, но говорят, что он схватился за голову и воскликнул, что ничего подобного он никогда не видел и не слышал. Ведь я сразу заиграла — без скрипа, без визжания, просто играла полным звуком. Кажется, год спустя мы с сестрой выступили дуэтом как пара вундеркиндов, а потом она предпочла фортепьяно. Но это уже было позже, когда мы жили в Варшаве, а затем в Лондоне.

— В Варшаве вас отправили в консерваторию, и одновременно вы ездили на уроки к Карлу Флешу.

— Отец хотел, чтобы он готовил меня к конкурсу им. Венявского. Мы отправились в Париж, там я брала у него уроки около месяца. После конкурса я снова ездила к нему каждые два месяца, но уже в Лондон, где мы и остались жить, когда началась война.

— Вы помните конкурс? У вас был самый большой успех среди польских участников — седьмое место.

— Это была для меня на самом деле величайшая честь, ведь этот первый конкурс был замечательный, если вспомнить его уровень. Жинетта Неве, к сожалению, погибла, но Давид Ойстрах, Генри Темянка, Бронислав Гимпель — одни великие имена. В конкурсе, кроме меня, участвовали еще трое детей, тоже замечательных. Самым

старшим был Борис Гольдштейн, его называли Буся. Я встречала его несколько раз много позже, когда приезжала с концертами в СССР. Он был необыкновенным скрипачом. Третьим ребенком была Елизавета Гилельс, сестра Эмиля, а четвертым — Иосиф Хасид.

— Он тоже преждевременно умер.

— В 24 года. Величайший талант. В целом каждый из нас сделал карьеру.

— Вы были самой младшей. Так что после конкурса вы продолжили учебу...

— Конечно. Отец решил, что занятий с Флешем мне недостаточно. Он сказал: «Тебе необходимо что-то еще. У Флеша необыкновенная способность учить тех, у кого трудности с техникой. Ты играешь всё, но тебе нужна еще музыка». И придумал, что повезет меня к Энеску. Мы поехали в Париж — и это было что-то необыкновенное. У меня открылись глаза. Я сразу поняла, что следует идти именно таким путем. Энеску был гением. Он дирижировал и писал музыку, был замечательным пианистом и феноменально играл на скрипке. Когда я услышала, как он играет вторую часть сонаты ре мажор Генделя... Это была какая-то небесная музыка. Такая чистота... — это неточное слово, не то же самое, что английское «purity». «Purity» скорее означает чистоту души. Так он играл. Теперь нет таких людей, столь поглощенных музыкой, сосредоточенных на ней, преданных ей. Это как религия, как самая чистая вера. На уроках он говорил мало, а если хотел что-то показать, то играл на фортепьяно, а не на скрипке. Но я сразу поняла, что ему было надо.

— У вашего отца была невероятная интуиция в выборе педагогов.

— Он все понимал. А ведь он никогда не учился музыке. Когда я была уже взрослой девушкой, я пыталась его экзаменовать. Я играла ему сочинение в двух разных вариантах и спрашивала: «Папочка, как ты считаешь, какое исполнение лучше?» Его ответы всегда были безошибочны. Не только мои преподаватели, не только артисты, которым меня представляли, но и музыканты, с которыми я сотрудничала, всегда желали говорить о музыке не со мной, а с ним. На меня они внимания не обращали. Разумеется, потому что я была ребенком, хотя не только поэтому: просто им доставляло большое удовольствие беседовать с отцом, который всё прекрасно понимал, а я ведь — не всегда. Но так происходило и позже, когда я стала старше: когда я впервые играла с дирижером Серджу Челибидаке, он тоже на репетиции отошел в сторону с моим отцом, и они долго беседовали об исполнении, о фразировке, а я стояла и смотрела издалека: «Что там происходит? А как же я?» Я ревновала.

Ребенком меня представляли многим выдающимся артистам. Я вам расскажу анекдотический случай с Яшей Хейфецем. Распространено было мнение, что он человек холодный и неприступный. Одна китайская скрипачка рассказывала мне, что спросила его, можно ли ей сыграть для него. Он согласился. Она пришла за пять минут до условленного времени — он ее прогнал и сказал: «Приходи через пять минут». Думаю, он не был грубияном — просто у него было своеобразное чувство юмора. Я познакомилась с ним, когда мне было семь лет, но лишь через несколько лет после этого в Лос-Анджелесе мы познакомились ближе. Он пригласил меня на урок. Я пришла в шляпе с большими полями — я всегда такие ношу, — он взглянул на меня и спросил: «Почему ты носишь такую огромную шляпу?» А я ему ответила: «А это у меня такой телохранитель — никто не подойдет ко мне слишком близко». Он очень смеялся. Я убеждена, что его не понимали: все его боялись, считая, что он такой суровый. А он охотно веселился по этому поводу.

— Я бы хотела еще спросить вас о том, как начиналась ваша учеба: Вы из бедной семьи — откуда у родителей были деньги, чтобы возить вас за границу; на что вы жили в Варшаве?

— Я хотела бы сказать, что очень благодарна польскому правительству, которое предоставило мне стипендию для учебы. Я получала ее до самого начала войны. Поддерживала меня и Варшавская филармония; ребенком я играла на пятничных концертах. Я помню такого пана Тихоцкого, у которого всегда в кармане было полно конфет. Не всем музыкантам нравилось, что я с ними играю; один из них — фамилию не помню — протестовал, говорил: зачем такой маленькой девочке играть на концертах, пусть идет в школу! Но его не слушали и продолжали меня приглашать. Все это я описала в автобиографии «Женщина со скрипкой», изданной в Лондоне в 1970 году. Сейчас я пишу вторую часть, но постоянно не хватает времени ее закончить. Быть может, судьбе было угодно, чтобы я описала всё, что было со мной здесь и сейчас: посещение родного Хелма, выступление в Биркенау перед Папой Римским Бенедиктом XVI. А также концерт в Кракове, посвященный памяти Иоанна Павла II, которым я искренне восхищалась. Атмосфера была замечательная. Я всегда волнуюсь, когда возвращаюсь в Польшу. Осенью я приеду снова, чтобы принять участие в работе жюри конкурса им. Венявского. Кстати, о Венявском: я бы очень хотела записать все его произведения с оркестром. В мире его по-прежнему знают мало, а ведь у него такая прекрасная музыка.

— Спустя так много лет вы по-прежнему прекрасно владеете польским языком.

— У нас дома мы всегда говорили по-польски.

Алексей Топунов

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Вацлав Кретович

Сейчас мне уже трудно вспомнить, что я увидел раньше: учебник «Основы биохимии растений» или его автора. Но могу сказать точно, что одной из главных причин, по которой я выбрал для своей студенческой научной работы, а затем и для выполнения диплома в пищевом институте кафедру биохимии, было то, что ее возглавлял не просто обычный профессор, а выдающийся ученый, член-корреспондент Академии наук Вацлав Леонович Кретович. Могу также сказать, что об этом своем решении я никогда потом не жалел.

На кафедру я пришел на третьем курсе, после сдачи экзамена по биохимии, а на следующий год мне посчастливилось учиться уже у самого Вацлава Леоновича. Он читал нам курс энзимологии, а затем и принимал экзамен по этому предмету. Всего же мне пришлось трижды сдавать ему экзамены (плюс вступительный в аспирантуру и кандидатский), но об экзаменах стоит поговорить отдельно. Вацлаву Леоновичу было почти 70 лет, и мы были одним из последних потоков, с кем он занимался лично.

Уже на лекциях и на экзамене я обратил внимание на одну интересную вещь: те особенности Вацлава Леоновича как лектора и экзаменатора, которые мне казались наиболее интересными, многим моим однокурсникам как раз не нравились, и они считали их недостатками. Это я замечал и позже, уже работая в Институте биохимии. Какие же это были особенности?

Вацлав Леонович в своих лекциях никогда не ограничивался простым описанием тех или иных фактов или теорий. Он всегда рассказывал об ученом, который сделал это открытие, а иногда старался и рассказать какую-нибудь интересную историю по этому поводу. Поскольку я всегда интересовался историей науки, то именно это казалось мне особенно любопытным, ведь фотографии кристаллов белка я мог найти и в учебнике, а где я смог бы узнать, что, когда будущий нобелевский лауреат Самнер, получив кристаллический белок — уреазу, приехал к нобелевскому лауреату Вильштеттеру, чтобы лично рассказать ему об этом, тот принял его за сумасшедшего и захлопнул перед ним дверь. Где я мог бы услышать, что первые доказательства реального существования фермент-субстратного комплекса Мелвин Кальвин получил на дешевом портативном спектрофотометре. Кстати, эту информацию Вацлав Леонович сопроводил следующим комментарием (это была одна из тех его фраз, которые я сам люблю иногда повторять): «Вот видите, кроме приборов надо еще и голову иметь». Мог он привести и пример из своего личного опыта. Так, на лекции о промышленном производстве ферментов Вацлав Леонович рассказал, как он был членом правительственной комиссии по закупке оборудования для микробиологического завода. Было два варианта — японский и французский. Комиссия предпочла японский, но «Хрущев начал дружить с Францией, и наплевать на нашу комиссию».

Сведения об ученых было очень желательно упоминать и при сдаче экзамена. Вацлав Леонович считал (и вполне справедливо, с моей точки зрения), что если ученый что-то сделал, то он заслужил, чтобы его помнили. Вообще экзамен у него всегда был событием для тех, кто его сдавал. Предыдущие аспиранты давали советы последующим, рассказывали страшные истории (а иногда и анекдоты) о том, как Кретович принимает экзамен. Иногда эти истории соответствовали действительности, иногда нет.

Экзаменуемые заходили в кабинет по одному, оценки объявляли всем сразу в конце. Принимала экзамен комиссия, но главную роль в ней всегда играл Вацлав Леонович. Отвечать надо было без подготовки, тут же за столом писать формулы и реакции. Говорить нужно было громко и четко, отвечать на тот вопрос, который был задан, без излишних отвлечений в сторону. Экзамен предварялся так называемым «нулевым» вопросом. Надо было с ходу написать формулы 20 протеиногенных аминокислот и пяти основных нуклеотидов. Только после этого человек получал экзаменационные вопросы. Билетов не было, спросить могли все что угодно. Здесь, правда, была одна тонкость. У Вацлава Леоновича было несколько «любимых» вопросов: цикл Кребса, схема Жакоба-Моно, пиридоксалевые коферменты, алкогольдегидрогеназа. Эти вопросы обычно доставались первым, последним уже могло попасться что-то и не совсем стандартное.

Еще одна вещь, о которой знали все экзаменуемые. В кабинете у Кретовича висели портреты ученых, которых он особенно ценил (некоторые с дарственными надписями): Бах, Прянишников, Палладин, Варбург, Кребс, Кальвин. Вацлав Леонович мог подвести аспиранта к какому-нибудь портрету и спросить, кто на нем изображен и чем он знаменит. Я работал рядом с его кабинетом, часто там бывал, поэтому ко мне обычно приводили будущих «страдальцев», и я рассказывал, где какой портрет висит (иногда рисовалась соответствующая схема). Как-то Вацлав Леонович узнал об этом и с присущим ему острым чувством юмора перед экзаменом перевесил некоторые портреты.

Мог он и задать какой-нибудь каверзный вопрос, чтобы проверить, насколько внимателен экзаменуемый. Когда я отвечал на вопрос о цикле Кребса (который иногда называют еще циклом лимонной кислоты), он меня спросил, какие растения, кроме лимона, содержат много лимонной кислоты, добавив: «Это я спрашиваю, чтобы узнать, как внимательно вы читали мой учебник». И когда я ответил, что суккуленты, он прокомментировал: «Вижу, что читали». Вопросы могли быть и юмористическими. Так, когда на вопрос, где содержится амилаза, я ответил: «В слюне», — он тут же задал следующий: «Что же, на заводах, где производят амилазу, сидят сотрудники и плюют в чан, чтобы потом ее оттуда выделить?»

Троек на кандидатском экзамене Вацлав Леонович не ставил. Если не «четыре» — то «два». Он считал, что будущий остепененный специалист не может знать свой собственный предмет на «три». Только в последние годы своей жизни Вацлав Леонович стал принимать экзамены, если можно так выразиться, помягче. Если экзаменуемый настаивал, ему могли дать время на подготовку. Очень редко, но среди оценок иногда стали появляться и тройки.

Первый раз он удивил меня еще на экзамене по энзимологии, когда я был студентом четвертого курса. Я тогда набрался наглости и указал Вацлаву Леоновичу на ошибку в его учебнике «Введение в энзимологию» (извинить меня могла только моя молодость и глупость). Тем не менее он внимательно выслушал меня, сказал, что все проверит, и в конце концов поставил «отлично». Кстати, в следующем издании учебника ошибка была исправлена. Пишу это не для того, чтобы похвалиться, а чтобы подчеркнуть отношение Вацлава Леоновича к замечанию даже простого студента.

Вообще одной из важнейших черт Вацлава Леоновича было уважительное и ровное отношение ко всем, независимо от возраста и статуса. С аспирантом он разговаривал так же, как с академиком. Я ни разу не видел, чтобы он не ответил на приветствие студента. К сожалению, когда я учился, в институте было немало преподавателей, стоявших неизмеримо ниже Кретовича по всем параметрам, которые при этом могли не поздороваться не только со студентом, но и с молодым сотрудником (про уважение я и не говорю). Вспоминаю также, что когда уже в Институт биохимии приехали корреспонденты из «Огонька», чтобы взять у него интервью, то прежде чем попросить меня присутствовать на этой встрече, он поинтересовался, могу ли я отвлечься для этого от своей работы, и сказал журналистам, что я смогу прийти только после того, как закончу эксперимент. В наше время, когда для большинства важнее не сама работа, а пиаровская акция по ее поводу, такое даже трудно себе представить.

Одним из действий Вацлава Леоновича, которое я запомнил навсегда, была его помощь при моем поступлении в аспирантуру. История довольно долгая и, возможно, скучная для чтения, но чрезвычайно показательная. Дело в том, что официально я поступал в аспирантуру пищевого института с целевым назначением для ВНИИ продуктов брожения (к себе в лабораторию в Институт биохимии Вацлав

Леонович взял меня уже потом, когда появилась свободная вакансия). Тогда считалось, что целевую аспирантуру легче оформить. Может быть, кому-то это и было легче, но мне оформление всех документов далось очень большой кровью. Причем это не касалось сдачи вступительных экзаменов — все три я сдал на «отлично». А вот с формальными делами возникли серьезные проблемы, хотя аспирантура официально считалась местом моего распределения. Оказалось, что поскольку пищевой институт и институт продуктов брожения относятся к разным ведомствам (министерствам высшего образования и пищевой промышленности соответственно), то оформление такой «межминистерской» аспирантуры должно было проходить через «промежуточное» ведомство, по-моему, Госкомитет по науке и технике. Никто мне помогать не собирался, более того, никто не мог или не хотел давать мне советов, как следует поступать в данном случае. В общем, все пошло, как в известной юмореске: «Дайте справку, что мне нужна справка». Из одного ведомства меня посылали в другое, оттуда назад, и так без конца. В какое-то из министерств, которое находилось на Новом Арбате, меня просто не пустили. Когда я с вахты позвонил в секретариат, чтобы мне выписали пропуск, мне ответили, что меня не знают (естественно!) и ничего выписывать не будут. Все это происходило летом, многие были в отпусках, что еще более усугубляло ситуацию. Подходили последние сроки подачи документов, и я уже начал думать, что аспирантура, во всяком случае в том году, мне уже не светит. Так продолжалось почти два месяца и в конце концов я подошел к Кретовичу и сказал, что ничего не могу сделать. И вот в последний возможный для оформления день я сидел на кафедре и грустно думал о своей печальной судьбе. Вдруг ко мне подбегает кто-то из лаборантов и говорит, что звонил Вацлав Леонович и искал меня. Я тут же позвонил ему домой и услышал следующие абсолютно конкретные рекомендации: «Позвоните тому-то туда-то, скажите, что вы такой-то, что вам нужно то-то и то-то, затем поезжайте к такому-то, привезите такие-то документы и т.д. Я уже поговорил с таким-то, и он все знает». Теперь все поменялось как по мановению волшебной палочки. Меня везде приняли, очень быстро оформили все нужные документы, так что я мог спокойно готовиться к сдаче вступительных экзаменов. Самое главное во всей этой истории было то, что в ***тот самый день***, когда Вацлав Леонович обзванивал все эти организации, звонил мне и все объяснял, он вечером должен был лететь в командировку в Новую Зеландию. Вот так!

Еще об отношении к аспирантам. Несмотря на то, что у каждого был свой «микрошеф», Вацлав Леонович никогда не пускал дело на самотек. Регулярно, раз в две-три недели, аспирант вместе с микрошефом вызывался «на ковер» в кабинет, где нужно было доложить, что было сделано за «отчетный период» и какие планы на будущее. В отличие от многих других лабораторий, наши аспиранты защищались или в срок, или с очень небольшим опозданием. При приближении к окончанию аспирантуры Вацлав Леонович начинал интересоваться уже не только результатами экспериментов, но и тем, как эти результаты отражаются «на бумаге». При необходимости он начинал поторапливать (иногда в довольно резких выражениях) и аспиранта, и микрошефа. Вспоминаю свою собственную историю. Когда в очередной раз я пришел показывать Вацлаву Леоновичу свои результаты, то он сказал моей непосредственной руководительнице Седе Сократовне Мелик-Саркисян: «Ну что, Седа Сократовна, Леше уже надо писать диссертацию», — а на ее вопрос: «А когда же работать?» — ответил: «Днем работать, ночью писать».

Он обязательно внимательно просматривал и текст диссертации, как правило уже после «микрошефа». Тут тоже было много интересного, но расскажу я лишь об одной особенности. Обычно наименее проверяемая часть диссертации — список литературы (поэтому в нем обычно и бывает много «ляпов»). Кретович же этот раздел проверял особенно тщательно, причем поражал всех своим знанием научной литературы. Он мог ткнуть в какую-то ссылку и сказать: «В этой статье 1962 года у вас пропущен четвертый автор». И это всегда оказывалось правильным.

Сам Вацлав Леонович писал очень много. Почти каждый год выходило или новое издание его учебника, или новая книга. Он говорил так: «Труднее всего написать учебник, затем книгу, затем научно-популярную, и уж потом научную статью». Кстати, все статьи, в которых он был автором, он обязательно проверял и вносил свои исправления. Иногда, хотя это было и довольно редко, он мог отказаться от авторства, если статья его чем-то не устраивала, а соавтор все же настаивал на публикации.

Давал он и рекомендации по поводу того, как выступать на защите. Доклад надо было строить так, «чтобы было понятно и простому академику». Говорить опять-таки надо было громко и четко. В качестве иллюстрации к тому, как надо говорить, Вацлав Леонович приводил пример из своей гимназической жизни. У них в гимназии был учитель истории, который засыпал на уроках после начала ответа ученика. Нужно было какое-то время говорить тихо и все что угодно, чтобы не разбудить его раньше времени. Но в конце нужно было четко и ясно сказать заключительную фразу, например: «Таким образом, шведы были разбиты наголову». После этого учитель просыпался и говорил: «Молодец, Кретович, отлично». Главным иллюстративным материалом на защите Вацлав Леонович считал плакаты. Слайды или прозрачки могли играть только вспомогательную роль. «Надо, чтобы члены совета могли в любой момент подойти к плакату и посмотреть все, что им интересно», — говорил он. Выступление должно было быть тщательно отрепетировано, диссертант должен быть готов к возможным вопросам и замечаниям.

Помогал он не только аспирантам, но и тем, кто собирался защищать докторскую. Вероятно, это был рекорд нашего института, но в своей лаборатории он после себя оставил восемь докторов наук (не считая тех, кто защитился уже после его смерти). Мне он сказал, что нужно думать о докторской, в 1991 г., после защиты очередного аспиранта. Мне тогда было 35 лет. К сожалению, удалось мне исполнить это его пожелание лишь когда Вацлава Леоновича уже не было среди нас.

Вообще Вацлав Леонович всегда поддерживал своих сотрудников независимо от отношений внутри лаборатории. Отношения эти не всегда были простыми, но он никогда не позволял разгораться даже небольшим конфликтам. «Я не хочу, чтобы моя лаборатория превратилась в коммунальную квартиру», — еще одно его любимое выражение. В то же время не дай Бог было подвести Кретовича в каком-то важном деле. Злопамятным он никогда не был, но был очень памятливым, и если человек не оправдывал его ожиданий, то снова поменять его отношение на хорошее было крайне трудно. «Я не могу доверять этому человеку в серьезном деле», — мог он сказать о вполне уважаемом сотруднике.

Одной из особенностей рабочего дня Вацлава Леоновича был ежедневный обход лабораторных комнат, находившихся рядом с его кабинетом. Иногда это могло быть утром, когда он шел на работу, иногда вечером — когда шел домой. Вацлав Леонович был «жаворонком», поэтому во время утреннего обхода далеко не все сотрудники были на своих рабочих местах. Отношение к этому у него тоже могло различаться в зависимости от сотрудника. Я был (и остаюсь) «совой», поэтому для меня всегда было легче работать допоздна (иногда и ночью), чем приходить рано утром. Как это ни странно, Вацлав Леонович к моим относительно поздним приходам привык довольно быстро и замечаний по этому поводу мне не делал. Можно сказать, что я «приучил» его к этому. В то же время многим другим серьезно попадало за опоздания. «Что, Коли опять нет? Все время он опаздывает», — можно было услышать от него после очередного обхода.

В заключение хочу вспомнить еще несколько высказываний Вацлава Леоновича. Когда кто-то в своей работе уделил слишком большое, с его точки зрения, внимание попыткам путем хитроумных расчетов получить нужные выводы без достаточных экспериментальных оснований, он сказал: «Математическая обработка результатов нужна тогда, когда нет результатов». И, наконец, еще одна его замечательная фраза, которую я и сам часто повторяю и которой хочу завершить свои воспоминания. Если кто-то после предложения что-либо сделать говорил, что это трудно, Вацлав Леонович отвечал: «Все легкое сделано до нас!».

Москва, 2006

Алексей Федорович Топунов — доктор биологических наук, профессор.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Алан Старский, лауреат премии «Оскар» за сценографию к кинофильму «Список Шиндлера», «превратил спартанский интерьер торговых рядов в место, достойное вручения главных кинопремий. Торжествует простота, стены затянуты метрами серой ткани, столы покрыты белоснежными скатертями, белым материалом окутаны и стулья. Всё дополняют три огромных телеэкрана и десятки прожекторов. Прежде чем войти в зал, гости обязательно проходят по красной ковровой дорожке», — так описывает новый интерьер варшавского зала «Экспо» Беата Кенчковская. И всё это — в связи с присуждением Европейских кинопремий, вручение которых происходило в Варшаве. Напомним, что первым «европейским» лауреатом был Кшиштоф Кесьлёвский и его «Короткий фильм об убийстве». Восемнадцать лет назад. В этом году премия за лучший фильм присуждена немецкой картине «Чужая жизнь» Флориана Хенкеля фон Доннерсмарка (фильм награжден еще по нескольким категориям), а героями вечера стали вдобавок режиссер кинофильма «Вольвер» Педро Альмодовар (премия за лучшую режиссуру) и исполнительница главной роли в этой картине Пенелопа Крус (лучшая актриса). Премию за вклад в киноискусство получил Роман Полянский. В связи с этим Кшиштоф Клопотовский написал: «Роман Полянский (...) завораживает нас собственной завороженностью злом. Не заключаем ли мы договор с дьяволом с помощью режиссера, которого случай или предназначение заставили уродиться в Польше? У немцев есть Мефистофель, искушающий Фауста. У нас нет художника размаха Гёте. У нас есть Полянский. Мы вместе с ним переживаем драму падения на самое дно терзаний, чтобы взойти на вершину исполнения и славы». Делая вывод из этой великолепной церемонии, Тадеуш Соболевский написал: «Фоном практически всех номинированных кинофильмов служат история, войны, террор. Но как когда-то „польская школа", так и теперь европейские режиссеры рассказывают не об истории, а о человеке, вовлеченном в историю. Они идут против течения — в общепринятых взглядах, в политике. (...) Обращение к истории не минует и нашу кинематографию. Лишь бы только это не происходило под лозунгом „исторической политики". Я не уверен, что мир ждет кинофильмов о польских поражениях и победах, о том, какими мы были героями и как нас предали другие. Речь скорее идет о том, что можно узнать о человеке, прошедшем через испытания войной, коммунизмом, революцией „Солидарности"».

• В Лодзи завершился 14-й международный кинофестиваль «Camerimage», посвященный операторскому искусству. Лауреатом международного конкурса, получившим «Золотую лягушку», стал мексиканский оператор кинофильма «Лабиринт Пана» режиссера Гильермо дель Торо, «повествования, где жестокости испанской гражданской войны соединяются с миром эльфов, фавнов и чудовищ, рожденным в воображении девочки, стремящейся бежать от действительности». Конкурс польских фильмов выиграла лента «Площадь Спасителя» Кшиштофа Краузе и Иоанны Кос-Краузе, снятая оператором Войцехом Старонем, где «сами съемки не особенно бросались в глаза, зато передавали атмосферу сюжета, соответствовали мысли режиссера, а это в работе оператора самое главное», — таков вердикт жюри. Специальная премия «за глубокое визуальное проникновение» присуждена Виму Вендерсу, председателю Европейской киноакадемии, который приехал в Лодзь прямо... из Варшавы. А Якуб Вевюрский в сообщении о фестивале «Camerimage» писал, что «тысяча мест в лодзинском Большом театре — это слишком мало, в течение всех девяти дней фестиваля зрители занимали лестницы и подпирали двери. (...) ...а по красной ковровой дорожке наряду со звездами разгуливали и обычные зрители. (...) Режиссеры и операторы не были отгорожены рядами охранников и охотно пускались в разговоры со зрителями; останавливали их главным образом студенты киношкол, которых здесь очень много». Лодзь, столица польской кинематографии ее лучших времен, на эти несколько дней обретает свой прежний кинематографический блеск. Вдохновителем таких начинаний стал и американский кинорежиссер Дэвид Линч, который представил свой, уже окончательный проект Центра мирового искусства, где «искусство можно будет не только глядеть, но и творить». На фестивале состоялась польская премьера последнего кинофильма Агнешки Холланд «Копия мастера», посвященного Людвигу ван Бетховену. «Холланд, — пишет Тадеуш Соболевский, — затрагивает в этом фильме парадокс великого творчества: с одной стороны, творчество — это выражение мощного „я", а с другой — оно это „я" превосходит. Форма, к которой стремится мастер, не принадлежит ему, она сверхчеловеческая или скорее межчеловеческая. (...) Дерзкая идея (...) достигает здесь полноты выражения. Речь идет о преодолении дуализма, об ощущении единства мира. Столкнуть друг с другом человеческое и божественное, духовное и плотское, прекрасное и уродливое. (...) Удастся ли свести Бога на землю, не унижая божественности? Всё есть человеческое, всё есть наша участь — об этом свидетельствует фильм. (...) Этот фильм поднимает настроение (...) На мгновение можно поверить, что за слоем окружающей нас мглы скры-

вается нечто великое». А Агнешка Холланд приступила к работе над художественным телесериалом, посвященным польским верхам власти.

• В возрасте 83 лет в Лодзи скончался Леон Немчик, один из самых популярных польских киноактеров второго плана. Он снимался также в немецких, французских, чехословацких, югославских кинофильмах. Свои самые знаменитые роли он сыграл в картинах «Нож в воде» Романа Полянского, «Поезд» Ежи Кавалеровича, «База умерших людей» Чеслава Петельского. А четыре года тому назад, на 10-м фестивале «Camerimage» он получил от операторов специальную «Золотую лягушку» «за исключительный вклад в развитие актерского искусства».

• «Новые тенденции в польской живописи», первая в стране выставка, собравшая и представившая те течения и направления в польской живописи, которые существуют с 1960-х по настоящий день, открылась в городской галерее Бюро художественных выставок в Быдгоще. «Быдгощская выставка, — говорит ее организатор, — ставит несколько вопросов: какова современная польская живопись, действительно ли она польская, что вдохновляет польских художников, какие события они комментируют в своих работах, эпигоны они или творцы?.. Мне бы хотелось, чтобы в результате увиденного на этой выставке возникало впечатление, что представленные работы созданы здесь, рождены нашей культурой, нашим мировосприятием, нашим образом мыслей». Пшемыслав Ендровский, один из кураторов выставки, говорил перед ее открытием: «Мы выбирали таких художников, относительно которых не возникало сомнений, что это действительно художники. Однако зрители не увидят „легких" картин. Традиционное понятие живописи будет на этой выставке постоянно проверяться и преодолеваться».

• Вильгельм Сасналь — пожалуй, самый известный сегодня польский художник (во всяком случае он лидирует в рейтингах популярности). Родился в 1972 г. в Тарнове, учился в краковской Академии изящных искусств. Его работы находятся в лондонской галерее «Тэйт-Модерн» и парижском Центре Помпиду. Связан с галереей «Растер» и фондом галереи «Фоксаль» в Варшаве. В этом году он занял первое место в рейтинге международного художественного журнала «Флеш арт» и получил премию им. Ван Гога, а в Амстердамском городском музее («Стеделик») в настоящее время завершается выставка его работ. Сам он говорит о себе: «Я не тот типичный художник, образ которого бытует в литературе или кино: пьяный, в шляпе. Я твердо хожу по земле. Я настолько сознаю то, что делаю, что, пожалуй, никто не может меня ни к чему принудить. (...) Мой ум не в состоянии произвести вымысел. Я всегда стараюсь исходить из того, что уже существует. Никогда я, например, не писал абстрактных картин. (...) Может, я пишу документальные картины, не сюжетные? А может, мне не хочется добавлять новые представления к уже существующим. Зачем их умножать?»

• Сольным мини-концертом Йошки Броды открылась в варшавской галерее «Захента» первая большая выставка замечательного иллюстратора детских книг и скульптора Юзефа Вильконя. Сам автор выступал в костюме св. Николая, ибо вернисаж сопровождался традиционным празднованием Николина дня. «Самым большим удовольствием, — пишет Агнешка Ковальская, — было то, что в этот день на выставке разрешалось всё трогать руками и играть чем хочешь. И малыши ласкали деревянных зверюшек, вырезанных Вильконем, садились верхом на лося и тура, рассматривали книжки и играли на человекоподобных трембитах». А в книге отзывов по поводу одного из экспонатов была сделана такая запись: «Просим оставить Ковчег на Замковой площади, будет на чем спастись».

• На ежегодной Ярмарке исторической книги были вручены премии «Клио» за лучшие книги по категориям: авторская («Съезд в Гнезне. Религиозные предпосылки основания Гнезненского архиепископства» Романа Михаловского), научная монография («Украинские партизаны. 1942-1960. Деятельность Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии» Гжегожа Мотыки) и издательская (издательство Клющинского за «Историю кресов»). А дискуссии, проведенные в ходе ярмарки, касались прежде всего новых школьных программ по истории: теперь решено отдельно преподавать историю Польши и всеобщую историю и в рамках той же логики добавить новый предмет — патриотическое воспитание. Книжная ярмарка сопровождалась показом документальных кинофильмов.

• Истинным любителям исторических раритетов стоит рекомендовать выставку ценных библиофильских изданий «Общество польских библиофилов в Варшаве. 1921-1926» в Историческом музее. Настоящей сенсацией этой выставки стала коллекция, посвященная периоду оккупации. «Общество, — пишет Влодимеж Калицкий, — действовало в подполье чрезвычайно энергично, о чем свидетельствуют выставленные здесь подпольные издания. Особенно расцвело в то время искусство экслибриса: после наступления комендантского часа делать было нечего, и художники-графики создали множество роскошных библиофильских миниатюр».

• Писатель, эссеист и переводчик Яцек Бохенский («Божественный Юлий», «Поэт Назон») стал лауреатом присуждаемой польским ПЕН-Клубом премии им. Яна Парандовского.

• Во Вроцлаве, одном из наиболее динамично развивающихся в настоящее время польских городов, в этом году впервые присуждалась центральноевропейская литературная премия «Ангелус». «Покровитель премии, Ангелус Силезиус (Ангел Силезец), — пишет репортер, — это символ примирения, диалога. Он был силезским религиозным поэтом эпохи барокко, писал по-немецки, прежде всего о мистическом единении с Богом. К его произведениям обращались и протестанты, и католики. Это вроцлавянин, вошедший в европейскую литературу». Жюри под председательством русской поэтессы Натальи Горбаневской присудило премию «Ангелус» украинскому писателю и

поэту Юрию Андруховичу за роман «Двенадцать кругов». Принимая премию, Андрухович пожелал Вроцлаву стать настоящей столицей Центральной Европы и заметил: «Мой друг сказал мне когда-то, что Вроцлав — это город людей, готовых рисковать. В данном случае это сбылось». Приведем еще одно его высказывание, сделанное на конференции в Киеве, посвященной столетию Ежи Гедройца: «...пожалуй, не существует занятия, более увлекательного и необходимого, чем объединение Европы. По крайней мере в тех местах, где ее сумели разделить структуры Евросоюза (...) ...и я задаюсь вопросом: „Как объединять Европу" То есть я могу лишь поставить вопрос, каким следует быть этому альтернативному проекту. (...) Во всяком случае мне пришло в голову название. Назовем его так, как называлась полузабытая теперь уже радиостанция — „Свободная Европа". И дадим объявление во все приличные СМИ: приглашаются визионеры, охотники за привидениями и реаниматоры. Приглашаются все, кто до сих пор ищет Европу».

• Только что вышел последний том гуситской трилогии Анджея Сапковского «Lux perpetua» (два первых — «Narrenturm» и «Божьи воины»). В сюжетном отношении, пишет Мариуш Чубай, это «добротно скроенное повествование о былых веках (...) где мы знакомимся с судьбой Рейнмара Рейневана, довольно влюбчивого типа, на жизнь которого постоянно кто-нибудь покушается, а когда герой становится на сторону гуситов — число врагов многократно возрастает». «Действие двух предыдущих томов, — пишет Войцех Орлинский, — разворачивается у окраин тогдашней Польши, где-то между Прагой и Вроцлавом, там, где в начале XV века разгорелась кровавая религиозная война». В третьем томе действие захватывает территорию Польши, и «это, пожалуй, самая политизированная из книг Сапковского. Автор вкладывает в уста героев, живущих в XV веке, слова, служащие очевидным комментарием к современности». «В этом историческом романе, — это снова Мариуш Чубай, — столько же истории, сколько и современности. А печаль средневековой Нижней Силезии — это и печаль полной конфликтов Трех-с-половинной Речи Посполитой».

• В последнем списке польских бестселлеров на первом месте стоит «Lux perpetua» Анджея Сапковского, а за ним — «Я же говорила» Катажины Грохоли и «Мое первое самоубийство» (и девять других рассказов) Ежи Пильха. В литературе факта на первом месте Томаш Лис с книгой «Польша, дурень».

• После двадцатилетнего перерыва в календарь польской художественной жизни вернулся Фестиваль песни... на сей раз российской. Вернулся в лучах славы, как мероприятие, пользующееся симпатией зрителей и собирающее интересных исполнителей, прежде всего любителей. «Почти половина тех, кто поет на конкурсе, — пишет репортер, — это люди, живущие и работающие в Польше, имеющие русские и украинские корни, что представляет собой очевидный результат и нашей открытости, и тех перемен, которые произошли за последние десять лет в России (...) среди исполнителей было также несколько студентов русистики или славистики из польских вузов». Первую премию (и 20 тыс. злотых) получила 17-летняя варшавсквя школьница Марина Лученко. Конкурс сопровождался концертами «сибирского барда» Евгения Малиновского и Жанны Герасимовой, а в холле варшавского клуба «Скарпа» открылась выставка, посвященная Владимиру Высоцкому.

• «Государственную радиостанцию следует оценивать по возложенной на нее миссии. Подсчитывать, сколько времени какая партия была в эфире, — это недоразумение», — утверждает новый председатель Польского радио Кшиштоф Чабанский, назначенный на свой пост правящей коалицией, отвечая на упреки в присвоении государственных СМИ очередной командой, ставшей у власти. Он говорит: «Государственные радиостанции следует оценивать по их миссионерским обязанностям. Как мы делаем свою работу — хорошо или плохо? Помогаем польской культуре дойти до граждан или нет? Заботимся ли о стандартах польского языка и публичном дискурсе? А парламентский секундомер, показывающий, сколько времени какая партия хвасталась перед микрофоном, представляется мне недоразумением. (...) Присутствие политических партий в государственных СМИ следует систематически ограничивать». С этим последним утверждением действительно трудно не согласиться.

• Сегодня, однако, представляется, что лучшая гарантия послушно «аполитичных», то есть расположенных к нынешним правящим верхам, СМИ — контроль иностранных инвесторов над ними. «Крупнейший издатель прессы в Европе [концерн Акселя Шпрингера], — пишут Анна Налевайко и Матеуш Сосновский, — который в нашей стране издает, в частности, „Дзенник", „Факт" и „Ньюсуик", купил 25,1% долевого участия в принадлежащем Зигмунту Солежу телеканале „Польсат", заплатив 250 млн. евро. (...) Он заявил, что не желает ни иметь своих представителей в правлении, ни влиять на программу. (...) Вхождение иностранного концерна в польское СМИ — очередная такого рода инвестиция за последнее время. Недавно в ТВ „Пульс" [общепольский католический канал] вложил капиталы американский магнат Руперт Мэрдок, а в РМФ ФМ [самая популярная до настоящего времени частная радиостанция] — немецкое издательство „Бауэр"».

• 13 декабря исполнилось 25 лет со дня введения военного положения — памятного события в жизни многих поляков. По всей стране прошло большое количество посвященных этой годовщине культурных мероприятий. Мы здесь хотели бы напомнить только об одном авторском просмотре — документальных фильмов финского режиссера Ярмо Яаскалайнена, который много лет провел в Польше и стал невольным летописцем определенной эпохи в жизни польской демократической оппозиции. «Глубоко укорененный в нашей культуре, он снимал для финского телевидения с помощью польских операторов в условиях полной свободы документальные фильмы, запечатлевшие поль-

ский путь к свободе». Это, в частности, картины «Оплот» — о паломничестве в Ченстохову во времена «Солидарности», «Свобода за решеткой» — об интернированных во время военного положения, «Месса за отчизну» — об убийстве священника Ежи Попелушко. И, пожалуй, самая знаменитая из них — снятая в 1978 г. «Смерть студента», запечатлевшая проведенное Ярмо Яскалайненом частное расследование дела об убийстве польской госбезопасностью активиста демократической оппозиции краковского студента Станислава Пыяса. «Сегодня этот фильм производит ошеломляющее впечатление, — пишет Петр Липинский, — (...) никто не смог так точно и правдиво передать атмосферу тех лет, как это сделано в „Смерти студента"». Премьера этого фильма в Польше — правда, показанного на самом серьезном Международном теле- и радиофестивале «Prix Italia» — состоялась лишь в год 25-летия введения военного положения, почти через тридцать лет после событий, отраженных в фильме. Хорошо бы и сегодня помнить о героях тех событий.

Янина Куманецкая

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

Как завоевать власть, деньги и славу...

Петр Тымохович завоевал себе в Польше славу человека, который сумел «цивилизовать» в глазах общественности облик одного из самых своенравных политических демагогов Анджея Леппера, создателя партии «Самооборона», которая с невероятной скоростью завоевывала себе сторонников, выкидывая лозунги, поразительно напоминающие призыв русской революции «грабь награбленное». Уже одно это привело к тому, что представители традиционной интеллигенции с нескрываемым недоверием относятся к этому «политтехнологу», человеку, который «знает, как это делается». Слава его оказалась довольно спорной: изумление перед его профессиональными навыками сопровождалось отвращением при осознании их результатов. Выдающийся кинодокументалист Марцель Лозинский решил сделать его отрицательным героем своего полнометражного документального фильма «Как это делается».

Четыре года тому назад Тымохович, тогда все еще любимец СМИ, заявил, что из любого человека можно сделать политика — достаточно лишь решимости заинтересованного лица и таланта его создателя. И взялся это доказать. Он объявил открытый набор кандидатов на такое обучение, среди большого числа претендентов, подавших заявки, выбрал тех, кто, по его мнению, обладал наибольшей «решимостью», и приступил к делу. Историю этого эксперимента показал в своем фильме Марцель Лозинский. Вместе с ним мы наблюдаем за кропотливой работой по формированию образа человека политического как такового в понимании Петра Тымоховича. То есть такого, что не имеет никаких взглядов и решительно настроен на завоевание власти. Мы оказываемся свидетелями идеологической обработки, которую он проводит с отобранными им кандидатами, стараясь так прополоскать им мозги, чтобы там не осталось и следа от их собственных взглядов (не все, кстати, это выдерживают). Однако любопытнее всего задаваемые им практические «этюды», небольшие упражнения по настоящей деятельности. Например, перехват организованных кем-то другим демонстраций (что ставит под сомнение подлинность любых массовых выступлений), попытки завоевать доверие лидеров разнообразных уже существующих политических партий или, наконец, абсурдные публичные выступления с жонглированием несуществующими фактами и противоречащими логике аргументами.

«Как это делается» — впечатляющий политический фарс, где полуиронический социальный эксперимент, родившийся, быть может, из желания завоевать популярность, а возможно, просто из духа противоречия, на глазах у зрителя из слегка несерьезного хеппенинга перерождается в действительность. Игра перестает быть забавной, жертвы уже настоящие. Пока что это лишь люди, подвергшиеся манипуляции и осмеянию, но со временем... — лучше не думать о том, что может произойти, когда такие изготовленные Тымоховичем политические манекены действительно приобретут значение. «Документальный фильм Лозинского, — пишет Тадеуш Соболевский, — проникнут отвращением к нынешней польской политике, возникающим от того, что она становится никуда не годной, оторванной от действительности, сосредоточенной на себе самой и на игре за власть, в которой произвольно жонглируют перемешанными понятиями левого и правого толка».

Однако фильм Лозинского — это не «reality show», а ясная картина с ведущей мыслью: умные и справедливые (это касается и зрителей) подвергают здесь сокрушительной моральной оценке типов, достойных презрения, жаждущих силы и власти, и управляющих их поведением манипуляторов. Лозинский нередко так оценивает своих персонажей, словно действительно поверил в главный тезис, демонстрируемый в его фильме Тымоховичем: зритель, слушатель, потребитель массовой культуры — идиот, и не следует рассчитывать, что он разберется в чем-либо из того, что ему говорят. Надо, значит, лишь говорить достаточно убедительным тоном — аргументы у каждого и свои найдутся.

Это безусловно ослабляет выразительность картины и заставляет задуматься, не будет ли мир реальной политики, которой занимаются убежденные в своей правоте фанатики — а их у нас становится все больше, — еще опаснее показанного Лозинским гротескного мира циников. Тымохович учит, как завоевать власть, деньги и славу. Он не настолько дерзок, чтобы предлагать своим адептам завоевывать власть над душами. Он знает, что это уже совершенно иные, действительно опасные ареалы политики.

Иоанна Арашкевич

НОВОСТИ МУЗЫКАЛЬНЫХ ЗАПИСЕЙ

Мечислав Щесняк — «Обыкновенное чудо» Польское радио, 2006

Мечислав Щесняк дебютировал в музыкальном ансамбле «Икары» еще в возрасте шести лет, потом работал в ансамбле «Funk Faktory», с которым в 1984 г. сделал свои первые записи для Польского радио в Щецине. Выступления на конкурсе «Каждый может петь» и Всепольском молодежном смотре песни во Вроцлаве обеспечили ему участие в конкурсе песни в Ополе, где в 1985 г. за исполнение песни Анны Янтар «Они пришли в сумерках» он получил главный приз. Он лауреат самых разных премий, в частности «Янтарного соловья» на фестивале в Сопоте, трижды ему присуждали премию «Фридерик». В 1999 г. Щесняк записал вместе с Эдитой Гурняк хит «Думка для двух сердец» к кинофильму «Огнем и мечом». Он — один из основателей ансамбля «New Life M», который стал предтечей легкой музыки христианской направленности.

Диск «Обыкновенное чудо» представляет собой сборник из 14 произведений, ввводящих в энергетическую, танцевальную, летнюю атмосферу, хотя есть здесь место и раздумью. Альбом дополняет прежние пластинки: «Черным по белому» и «Вне нас». Хотя этом диск прекрасно пополняет предшествовавшие альбомы, но решительно от них отличается. Исполнитель играет с музыкальной формой, обращаясь к жанрам, которые до сих пор с ним не ассоциировались. Наряду с произведениями лирическими, «берущими за сердце», такими как «Наивные», «Жди ветра», «В тысячу раз лучше», здесь есть песни, окрашенные атмосферой хип-хопа («Пустая голова»), элементы «new soul», звучащие в исполнении Паулины Пшибыш в сочинении «Ангел-а (всё будет хорошо)», а также вдохновленная стилем «Drum&Base» аранжировка известной песни Эли Адамяк «Осенняя задумчивость».

Автор пригласил к сотрудничеству и других прекрасных артистов, таких как Анна Мария Йопек, Мартин Поспешальский, Лирой и восходящие звезды польского вокального искусства Патриция Голя и Беата Беднаж. На клавишных играл Павел Бзим Зарецкий. В одном из произведений появился с гитарой Мартин Кидринский. Любопытно звучат оригинальные аранжировки уже известных произведений и новые, до сих пор неизвестные сочинения самого Щесняка, в том числе навеянные поэзией (стихи священника Твардовского), — все это может обеспечить пластинке широкий прием.

Квинтет Анджея Курылевича — «10+8» «Муза», 1967/2006

Альбом открывается балладой «Больше я не буду с тобой», далее мы слышим, в частности, печальный реквием по Збигневу Цибульскому и амбициозное заглавное «10+8». Внимания заслуживают также «Рондо» с неповторимым вокализом Ванды Варской и «Лицо зрителя». Прослушав пластинку, совершенно убеждаешься в том, что Курылевич вполне заслужил премию «Фридерик», присужденную ему в этом году за творчество в целом. Кроме Курылевича, автора большинства сочинений (записанных, кстати, в 1967 г.), в записи принимали участие такие музыканты, как: Анджей Нагорный (альт-саксофон), Яцек Осташевский (контрабас), Януш Козловский (бас-гитара), Сергиуш Перковский (ударные).

Анджей Курылевич родился в 1932 г. во Львове, с 6 лет начал учиться игре на фортепьяно. Он известен как композитор, пианист, дирижер, тромбонист и трубач. Выступал в европейских странах, в США, в Канаде, на Кубе. В 1964-1966 гг. возглавлял оркестр Польского радио и телевидения в Варшаве. Писал и музыку к кинофильмам («Кукла», «Над Неманом», «Польские пути-дороги»). С 1969 г. вместе с женой, Вандой Варской, вел художественный погребок. В 1969-1978 гг. руководил ансамблем «Формация современной музыки», с которым концертировал по всему миру. С 1980 г. пишет главным обра-

зом серьезную музыку, в частности для фестиваля «Варшавская осень». Выступил как солист в фортепьянных концертах Шимановского и Шопена.

Пластинка «10+8» напоминает нам о 60-х годах, и тут следует обратить внимание на большую новую серию переизданий фирмы «Польские записи». Под фирменным знаком «Polish Jazz Deluxe» вот уже несколько месяцев выходят переиздания самых замечательных записей польского джаза последних десятилетий, в том числе несколько десятков — из культовой серии «Polish Jazz».

Ванда Ландовская — Бах «The Landowska Recordings» — RCA, 2006

Ванда Ландовская (5 июля 1877, Варшава — †16 августа 1959, Лейквилл, Коннектикут, США) — польская клавесинистка, пианистка, композитор, одна из самых знаменитых в мире клавесинисток. Уроки игры на фортепьяно начала брать с четырех лет. Училась у Александра Михаловского в Варшавской консерватории, которую окончила в 1891 году. В 1899 г. она познакомилась с Хенриком Львом, польским писателем и этнографом, за которого вышла замуж в 1900 г. в Париже. Там же, в Париже, она взялась за трудную задачу возрождения музыки Ренессанса и барокко, сосредоточившись на игре на клавесине, к тому времени совершенно забытом. Ванда Ландовская — автор книг, посвященных старинной музыке и вопросам ее исполнения. О ней писали, что до появления великого Глена Гульда Бах принадлежал только ей.

В альбоме семь пластинок — все ее записи Баха, в том числе полностью «Хорошо темперированный клавир» и классическое исполнение «Гольдберговских вариаций».

«Музыка стареет только тогда, когда ею пренебрегают. Как нелюбимая женщина», — сказала великая артистка о сочинениях Баха.

Джевецкие — Моцарт. Концерты для трех — двух — одного фортепьяно Польское радио, 2006

В год 250-летия Моцарта, которое торжественно отметил весь музыкальный мир, Польское радио выпустило юбилейную пластинку с фортепьянными концертами Моцарта. Композитор писал концерты и для других инструментов: для скрипки, флейты, кларнета, фагота, рожка, и все они настоящие шедевры, но фортепьянные концерты — это высшая ступень. Они остаются непревзойденным достижением классического концертного стиля.

Эти концерты: фа мажор (К.242) для трех фортепьяно, ми-бемоль мажор (К.365) — для двух и ми-бемоль мажор (К.449) — для одного в единственном сегодня в мире семейном исполнении — Станислава Джевецкого, Ярослава Джевецкого и Татьяны Шебановой с оркестром «Sinfonia Varsovia» под управлением Михаэля Цильма. Пластинка во всех отношениях совершенная. Запись была осуществлена в Студии им. Лютославского с использованием звукозаписывающего оборудования высшего качества. Некоторые из технических средств, например аналого-цифровые преобразователи, ламповые микрофоны, были специально сконструированы для этой записи. Пластинки такого рода — новинка на мировом рынке, благодаря чему мы можем воспринимать музыку Моцарта во всей ее красоте.

ПОЛЬСКИЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ ПЕРЕВОДИТ МАНДЕЛЬШТАМА

Еще в 1930-е благодаря авангардистским журналам (прежде всего люблинской «Квадриге» и варшавской «Камене») польские читатели могли познакомиться с поэзией Осипа Мандельштама. В польской литературной печати публиковались также переводы стихов Пастернака, Ахматовой, Ходасевича и, разумеется, пользовавшегося в Польше наибольшей известностью Маяковского. Стихи Мандельштама появлялись с 1934 г. в переводах Казимежа Анджея Яворского и Влодзимежа Слободника, хотя тогда не знали ни о том, что он родился в Варшаве, ни о его судьбе в тридцатые годы.

Но оказалось, что первый перевод стихотворения Мандельштама на польский был напечатан еще в 1925 году. Объединение «Полицейский дом здравоохранения» выпустило в Варшаве «Мои полицейские воспоминания» Генрика Варденского. Автор пишет, в частности, о формировавшихся в конце 1914 г. легионах Витольда Горчинского, которые должны были поддерживать русскую армию и служить противовесом легионам Пилсудского, которые «были солью в глазу русских». После чего автор говорит: «Русский поэт Мандельштам в журнале „Нива" писал...» и приводит в своем переводе первые две строфы стихотворения «Polacy!». Напомним полный текст стихотворения, рядом приведем перевод Генрика Варденского.

Поляки! Я не вижу смысла
В безумном подвиге стрелков!
Иль ворон заклюет орлов?
Иль потечет обратно Висла?

Или снега не будут больше
Зимою покрывать ковыль?
Или о Габсбургов костыль
Пристало опираться Польше?

И ты, славянская комета,
В своем блужданьи вековом,
Рассыпалась чужим огнем,
Сообщница чужого света!

Polacy, wszak nie ma sensu
W bohaterskich strzelców czynach!
Nie popłynie wstecz korytem
Szara Wisła po nizinach!

Czyżby nie pokryły śniegi
Naszych stepów suchej trawy?
Czyż przystoi się opierać
O Habsburgów kij koszlawy?

Разумеется, перевод и увечный (без последней строфы), и явно хромой, «опирающийся о костыль». И все-таки почти наверняка это первая публикация Мандельштама в Польше.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Я со вниманием изучил интересную статью, посвященную калининградскому анклаву и напечатанную в ежеквартальном журнале **«Национальная безопасность»** (2006, №2), который издает Бюро национальной безопасности. Статья Бартоша Мусяловича озаглавлена «Калининград — пилот российской политики по отношению к ЕС?». Бóльшая часть текста посвящена политической специфике Калининградской области. Автор пишет:

«Особая чувствительность Кремля к вопросу о независимости Калининграда вытекает из по-прежнему существующих и высказываемых опасений потери контроля над отделенной от остальной страны областью. Обсуждение этой темы среди российских комментаторов, политиков и журналистов не прекращается, хотя похоже, что ведется оно в большой мере для внутреннего потребления (пропагандистского), с целью сплотить общество (особенно жителей области) вокруг политики Кремля. Кроме того в последние годы появились сигналы, говорящие о растущих "сепаратистских настроениях" среди жителей области. Если им верить, то за отделение от России высказываются 60% жителей области в возрасте младше 28 лет, хотя достоверность этих сведений трудно проверить. Быть может, на общественное мнение калининградцев оказывает тот факт, что они куда чаще ездят на Запад, чем в Россию (по некоторым данным, 90% молодых калининградцев уже по нескольку раз побывали в Польше, Литве и Германии, в то время как в России — ни разу). С целью повышения популярности России здесь запущена образовательная программа "Мы, россияне". (...) Формой ответа Кремля на возможные поползновения к автономии стало назначение из Москвы нового губернатора, который привез с собой своих политиков: им предстоит укрепить контроль над этим регионом».

Рисуя возможные сценарии развития ситуации, Мусялович пишет: «По-видимому, Россия, поставленная перед совершившимся фактом в виде расширенного Евросоюза, была вынуждена принять решение по калининградскому вопросу, а вероятно, и по вопросу других приграничных территорий. Для описания и объяснения проводимых в области реформ применяется концепция "пилотного региона" в отношениях России с Евросоюзом. Может быть, кремлевские власти будут использовать Калининградскую область как опытный полигон по выработке политических, административных и социально-экономических решений, которые затем можно было бы применять в других регионах РФ, и не только приграничных. Поэтому возможно, что если некоторые решения, примененные здесь Кремлем, окажутся успешными, то их применение можно будет наблюдать в других регионах страны. Концепция Калининградской области как пилотного региона в будущих отношениях России с Евросоюзом кроме потенциальных шансов развития самого региона несет в себе также важное послание российской внешне политики. Этот "пилотаж" отношений РФ—ЕС означает функционирование области исключительно как субъекта РФ, ограниченная самостоятельность и привилегированное правовое положение которого вытекают исключительно из особой роли, отведенной ей Кремлем. Отсюда, можно сказать, следует, что эта позиция области будет обоснованной так долго, как долго она будет пригодна для "пилотажа" отношений России с Евросоюзом. Выход за "пилотную" роль тоже выглядит маловероятным. Существенный элемент калининградского "эксперимента" и административной реформы — стремление обеспечить полный контроль за развитием событий в области. Это стремление проявляется в том, что на пост губернатора назначен «человек из Москвы», обеспечен прокремлевский перевес в областной думе и т.п. Удачное и по существу бесконфликтное проведение административной реформы тоже может подсказывать, что подобный сценарий в недалеком будущем мы можем наблюдать в других регионах РФ. (...)

Сегодня трудно оценить, будет ли проведена в жизнь амбициозная программа реформ, обещанная Г.Боосом. Судьба этой программы в большой мере будет зависеть от позиции Г.Бооса по отношению к влиятельным кругам кремлевской верхушки и от степени самостоятельности, которую он захочет получить».

Я прочитал этот текст внимательно, так как вспомнил проект, выдвинутый в начале 90-х на страницах немецкой газеты «Цайт» ее главным редактором графиней Марион Дёнхоф, которая предлагала создать в Калининградской области своего рода свободную экономическую зону под политическим контролем Германии и России. Это, правда, были совсем другие времена, однако независимо от обстоятельств, в которых обсуждается калининградский вопрос, нельзя не думать об исторических перипетиях этого клочка земли, ныне российского, но до 1945 г. пережившего бурные повороты судьбы. Это типичный «узел пограничья», где смешивались влияния многих культур и традиций. Сегодня, когда этот российский анклав — единственный отрезок России, прямо граничащий с Польшей, — существенным становится вопрос не только о его роли в отношениях между Россией и Польшей; здесь, на пограничье, в тени великой политики развиваются контакты между неправительственными организациями, хотя бы например между ольштынской культурной общиной «Боруссия» и ее калининградским аналогом. Одна из главных целей ольштынской организации, как записано в ее программе, — «создавать устойчивые контакты и строить гражданское общество в Калининградской области, западной Литве, а также в Вармии и на Мазурах». Одним из инструментов проведения этой программы в жизнь стал проект «Польско-российское трансграничное сотрудничество».

Что такое Калининград сегодня? На этот вопрос поляки снова и снова ищут ответ, плодом чего стала книга эссе Анджея Менцвеля «Калининград, любовь моя». Поэтому не приходится удивляться, что интерес к происходящему в этом российском регионе в Польше сохраняется и довольно силен, но в то же время не лишен опасений.

Но интересна не только российская политика. Недавно на конференции, посвященной литературе наших соседей, организованной Объединением польских писателей, я слушал необычайно интересный доклад Якуба Садовского, посвященный современным тенденциям русской литературы. А из Познани я получил журнал **«Порувнаня»** («Сравнения», 2006, №3), посвященный, как написано в подзаголовке журнала, «вопросам литературной компаративистики и интердисциплинарным исследованиям». Этот последний номер открывается статьей Моники Вуйцяк «Самиздат. Из истории возникновения и развития независимой литературы в СССР». Редакция дополнила статью целым рядом рецензий на книги, посвященные истории издательского подполья в коммунистическом лагере, вышедшие в последние годы в России, Германии и Чехии. Автор пишет — и это, пожалуй, покажется интересным не только польским читателям — о началах самиздата:

«Во второй половине 1940-х поэт Николай Глазков, которого не печатали, перепечатывал свои стихи на машинке, скалывал или сшивал листки в маленькие книжечки, а на первой странице писал "Самсебяиздат", после чего раздавал сборники друзьям и знакомым. Первые авторские издания поэта датированы 1946 годом. Ирония, юмор, анекдот лежат в истоках этого важного культурно-политического события. Первый самиздат, что следует еще раз подчеркнуть, — это сборники стихотворений, листки с перепечатанными стихами. Проза появилась в издательском подполье только во второй половине 50-х». С удовольствием отмечаю, что и в России поэтов отправляют — или они сами отправляются — на первую линию фронта.

Обширное и интересное описание истории советского самиздата автор завершает рассмотрением отношений между самиздатом и распространением независимой литературы в Польше (т.н. «второй оборот»): «Русский самиздат положил начало неподцензурной издательской деятельности, зато польское подполье достигло наибольших успехов, если учитывать размах, количество, полиграфическое качество подпольной печати. (...). Польский "второй оборот" возник в результате социально-политических событий, конкретно — в связи с созданием Комитета защиты рабочих; многие подпольные публикации писались и печатались как отклик на политические события. Это совершенно очевидно, и этот

факт сближает самиздат в Польше и СССР. Но советское диссидентское движение (...) не приобрело формальной структуры, как наша "Солидарность". Differentia specifica заключалась в масштабах подпольной активности: в Польше оппозиционная деятельность охватила массы. Стоит, однако, помнить, что в Польше была очень сильная католическая Церковь и что приходские, прицерковные структуры становились тылами общественной интеграции, независимой от власти. Кроме того [польское] демократическое движение 70-80-х годов черпало образцы из традиций движений за независимость в эпоху разделов, подпольного государства и нелегальной деятельности во время II Мировой войны, а также периода "выскальзывания" ПНР из сталинских структур начиная с "польского октября" 1956-го. Наконец, сами методы оппозиционной политики, вообще политики, формировались в рамках другой политической культуры. К историческим, географическим, культурным различиям следует также добавить вопросы умонастроения. Речь идет о том, как понимались ключевые для политической борьбы понятия, такие как свобода, правда, власть, политика и т.п. Следует принять во внимание и обстоятельства создания независимых структур и движений, ибо нельзя анализировать советское подполье, не сознавая, чем там был страх. (...) Страх в Советском Союзе составлял фундамент системы. Не без причины безымянный русский автор первой работы о польских событиях 1980-1982 гг., ходившей в самиздате, писал, что революция "Солидарности" стала возможна благодаря тому, что Гомулка первый раз в истории попробовал ввести "социализм без тюрем": прекращение арестов и значительное понижение уровня репрессий понизило и уровень страха».

Далее Моника Вуйцяк пишет: «Особенно важно не забывать о всяческих попытках протеста, предпринятых диссидентами и самиздатчиками. Их деятельность вызывала у польских оппозиционеров восхищение, часто их вдохновляла, наверняка служила примером. Соавтор первого неподцензурного литературного журнала "Запис" Виктор Ворошильский признавался, что, готовя альманах, брал за образец самиздат. Сам термин как символ неофициального распространения литературы в самом начале широко в Польше употреблялся. (...) Встречи с представителями советского подполья были важным и ценным опытом для польских оппозиционеров. (...) Однако самым главным связующим материалом между обществами в тот период была независимая литература и публицистика. Благодаря многочисленным переводам [с русского на польский] у нас стало возможно открыть "другую Россию" — независимую, творческую и близкую».

Что тут прибавить? Разве что реально случившийся анекдот. В начале военного положения мы собирались выпускать в подполье ежеквартальный литературный журнал «Везване» («Призыв»). Мы обсуждали, а нас молча слушал тонкий лирический поэт, вдобавок буддист, несколько оторванный от действительности. Через некоторое время, когда мы размышляли, где бы нам найти возможность печатанья журнала, он включился в разговор: «Слушайте, с печатью сложностей не будет. Я могу это устроить. Но скажите: кто такой этот Солженицын, о котором вы столько говорите?» Услышав такое, я чуть не свалился со стула. Мы ему, конечно, сказали, кто такой Солженицын и почему он так для нас важен. И потом вышло 17 номеров нашего журнала.

Магдалена Байер

ДИНАСТИЯ КУЛЬЧИНСКИХ

Если хочешь что-то сделать в жизни, надо смотреть вперед и делать свое дело. Однако опора на традиции помогает.

Одиннадцатилетнему Янеку, ныне профессору Государственного высшего театрального училища, отец, профессор Станислав Кульчинский, подарил «Ольшинку-Гроховскую»[1] Валерия Пшиборовского[2] с надписью: «Читая, помни, что твой прадед Леон сражался в этой битве». Однако не ратные подвиги сильнее всего отразились в семейных традициях, и не с Варшавой теснее всего были связаны судьбы семьи, хотя отец моего собеседника работал здесь в последние годы своей жизни, да и сам Ян Кульчинский бóльшую часть жизни провел в столице, живя в самом что ни на есть «варшавском» месте, близ Замковой площади. Но, по его словам, он и Краков, и Варшаву считает своими городами. Однако родом он все же из Львова.

Сыновья Леона Кульчинского. Слева направа: Владислав, зоолог; Францишек, адвокат; Леон, филолог, директор гимназии в Кракове; Ян, врач; Юзеф, купец

Прадед Леон дал образование всем пятерым сыновьям. Двоюродный дед, названный по отцу, окончил курс классической филологии и многие годы был директором краковской гимназии св. Анны, которая впоследствии стала гимназией Новодворского. Его учениками были Юлиуш Остерва и Леон Шиллер[3], который руководил режиссерским факультетом театрального училища, а затем его преемником стал на долгие годы Ян Кульчинский, в семейную историю которого входит и театральный сюжет. Жена деда Леона была из семьи Эстрейхеров[4], с ней маленький Янек познакомился, когда она уже была старейшей в роду. Спустя десятилетия он не без основания вспоминает это событие, поскольку уже очень давно особенно ценит этот польский галицийский патриотизм — семей Эстрейхеров, Цоллей, Ланге и других, которых австрийский император поселил на этих землях, чтобы они онемечивали Галицию, а они стали опорой польской культуры.

В каждом поколении Кульчинских есть люди, заслуживающие доброй памяти и интереса к их деятельности. Одна из дочерей филолога Леона, Тереса, ученица Флоренс Найтингейл[5], внедряла в практику польских медсестер современные методы ухода за больными.

На стене комнаты, в которой проходила наша беседа, висит портрет бородатого господина в пенсне — это дедушка Владислав. Он был арахнологом, специалистом по паукам. Редкая профессия деда защитила Яна Кульчинского, в то время члена ОМТУРа (молодежной организации при ППС — Польской социалистической партии), от агитационной работы на фабрике. Руководители организации, узнав, что один из его предков был до войны прокурором, а второй — арахнологом, сочли внука элементом неблагонадежным и отказались от своего намерения.

А у дедушки в его области были огромные заслуги. Вместе с венгерским исследователем пауков он опубликовал 14-томный труд «Arachnae Ungariae» («Пауки Венгрии»). Оставшийся после него архив содержит переписку на шестнадцати языках с миссионерами из самых отдаленных уголков земного шара, которые присылали ему экземпляры пауков. Коллекцию Владислава Кульчинского можно сегодня увидеть в варшавском Музее Земли. Его идеи по систематике паукообразных действительны и по сей день — один из видов совсем недавно даже назван Kulczynskiellum. На столе, за которым мы сидели в доме Кристины и Яна Кульчинских, лежала большого формата и очень толстая книга, точнее сказать альбом, изданный в связи с 30-летием деятельности дедушки моего хозяина в Физиографической комиссии Академии знаний[6] в 1910 году. В альбоме — снимки и автографы таких крупных ученых, как Станислав Тарновский, Станислав Смолька[7] и др.

Владиславу Кульчинскому была присуща еще одна страсть — Татры. Он стремился их прежде всего описать, но еще и сделать доступнее людям. Он прокладывал маршруты, строил новые приюты — у Морского Ока, на Томановой. Когда Ян Кульчинский шел с отцом по ущелью Кульчинского, он глубоко ощутил себя включенным в семейные традиции. Говоря об этом, он тут же добавил, что если хочешь что-то сделать в жизни, то надо смотреть вперед и делать свое дело. Однако не отрицал, что опора на традиции помогает. В энциклопедии Татр мы находим двух Владиславов Кульчинских — отца, о котором было сказано выше, и сына, который продолжил многие его работы.

Профессор Ян Кульчинский считает родственные связи чем-то настолько естественным, что это даже не стоит подчеркивать. Он рассказал о тетке Иоанне, одной из восьмерых детей дедушки Владислава, о ее муже Юзефе Рончковском, поэте, — обложку к сборнику его стихотворений сделал Выспянский. Оба были близкими сотрудниками Винцента Витоса[8]. Их сын, Станислав Рончковский — профессор Главного торгового училища, почетный доктор этого вуза. Многие годы он сотрудничал с ООН, часто бывал в Нью-Йорке. Ян Кульчинский, считает важной линией в биографии своего двоюродного брата принадлежность Станислава Рончковского к харцерским «Серым шеренгам», одним из создателей которых он был. Ян Кульчинский предполагает, что и название организации придумал он — сын поэта поколения «Молодой Польши».

Среди восьмерых детей деда Владислава был и «дядюшка Казик», архитектор, человек, обладающий обширными знаниями, исключительным даром рассказчика и редкой общительностью.

Тетка Ванда, всю жизнь проработавшая в Государственном совете по охране природы, курировала или лично редактировала множество бюллетеней и изданий, таких, например, как «Верхы» («Горные вершины»). Я заметила, что интерес к природе у Кульчинских всегда носит некое общественное звучание, которое проявлялся в том, что мы теперь называем популяризацией. Им свойственно желание делиться, уделять другим ту радость и удовлетворение, которые они испытывают в общении с природой, даже если речь идет о сугубо специальной научной работе. Впрочем, профессор Ян Кульчинский сказал, что, пожалуй, наиболее характерная черта их семейных традиций — «учительство». Двое дедушек преподавали в гимназии Новодворского, их братья и отец Яна Кульчинского — в университетах. Сам он — преподаватель. А дочь преподает на отделении романской филологии Варшавского университета.

Станислав Кульчинский стал доктором наук в возрасте 31 года и получил кафедру ботаники в Львовском университете им. Яна Казимира. У него было два больших желания. Оба осуществились: он основал во Львове первый в Польше и один из первых в мире сад отечественной флоры, собрав в одном месте все виды растений, распространенных в юго-восточной Польше. Вторым желанием было исследовать торфяники Полесья. Плодом этих исследований был 2-томный труд «Торфяники Полесья».

Побочным, но важным направлением интересов профессора ботаники была математика. Он подружился с крупнейшими представителями Львовской математической школы: Банахом, Стожеком, Куратовским, Штейнгаузом и был очень доволен, когда его, самоучку в этой области, приняли в Польское математическое общество.

В 1936 г., в возрасте 41 года, Станислав Кульчинский был избран ректором Львовского университета. Время было тяжелое, нарастали антисемитские и националистические настроения, молодежь из Национально-радикального лагеря (ОНР) требовала ввести в аудиториях университета особые скамьи для евреев («скамеечное гетто»). Ректор считал это позором для университета и подал в отставку. По

Владислав Кульчинский, зоолог

мнению сына, это обстоятельство сильно способствовало радикализации взглядов человека, прежде не интересовавшегося политикой и более всего ценившего независимость и автономию вуза. Как раз в эти годы, незадолго до войны, начались контакты ректора Кульчинского с кругами Демократического общества, преобразованного впоследствии в Демократическую партию, которую ему предстояло возглавить после войны.

Во время оккупации Станислав Кульчинский был делегатом Лондонского правительства на юго-восточных территориях Польши, исполняя, собственно, в подпольном государстве функции воеводы. Когда земля начала гореть у него под ногами, его вывезла из Львова женщина, сегодня ставшая живой легендой — Каролина Ланцкоронская[9], дружившая с семьей Кульчинских со времен вышеназванных антисемитских эксцессов в университете, когда она, будучи адъюнктом истории искусства, активно поддержала ректора. Проф. Кульчинского укрыли в имении Кавентины, арендованного отцом теперешней Барбары Лем.

После войны не стало ни польского университета во Львове, ни ботанического сада, ни польских торфяников. Профессор обратился в Ягеллонский университет, и когда там не нашлось для него места, он решил уехать во Вроцлав и создать там польский университет. Его деятельность начиная с этого периода я уже помню сама, ибо этот вуз, объединявший в то время и политехническое направление, и медицинский и сельскохозяйственный факультеты, создавали и мои родители, а также целый ряд ученых, прибывших из Львова и из разрушенной Варшавы.

Первый ректор университета на Одре откровенно обращался к львовским традициям. В первые послевоенные годы в этом городе изгнанников невозможно было обращаться к традициям немецкой науки. Станислав Кульчинский, по словам его сына, из человека прекраснодушного превратился в политика. Он переехал в Варшаву и сначала стал вице-маршалом Сейма от Демократической партии, а затем заместителем председателя Государственного совета. Умер он в 1975 году.

Дети профессора Станислава Кульчинского, Ян и его старшая сестра Изабелла (в настоящее время художница, автор повести в стихах о своей львовской жизни) выехали из родного города после того, как окончательно доели бочку квашеной капусты, украденную в цитадели. Уезжали они, как и несколько позже их отец, под опекой Каролины Ланцкоронской, которую называли тетей. Они поселились у своих родных дяди и тети, учились, насколько это было возможно в условиях военного времени. Родители остались во Львове. В начале января 1945 г. в поток ночных арестов попала и их мать Мария Кульчинская, которую этой волной арестов занесло в Донбасс на тяжелые работы. О своих испытаниях она написала в изданных после войны мемуарах. Вернулась она, когда война уже закончилась, в сентябре 1945 года,, в изменившийся мир, когда ее муж трудился над созданием университета посреди вроцлавских развалин. Сын Кульчинских изучал в этом университете польскую филологию несколькими годами раньше меня. Спустя много лет в Варшаве он с улыбкой рассказывал мне историю о затруднениях энкавэдэшника, который арестовал его мать и при обыске нашел мешок писем со всех концов мира — это были ответы на обращение пани Марии (1936) ко всем женщинам с призывом уберегать своих сыновей от расовой ненависти, от ненависти к другим людям. Обращение было разослано Польским телеграфным агентством. Эти разноязычные тексты доставили много работы львовскому НКВД, а автору пришлось ждать в тюрьме, пока их кончат читать.

Семья Владислава Кульчинского. Слева направо: Иоанна Ончковская; Анна Кульчинская, мать; Владислав Кульчинский, впоследствии врач; Ян Кульчинский, впоследствии горный инженер; Анна Годлевская; Станислав Кульчинский, впоследствии ботаник; Владислав Кульчинский, отец; Зофья Пшибыльская, скрипачка; Казимеж Кульчинский, впоследствии архитектор; Ванда Кульчинская

Ян Кульчинский упрекнул меня, правда в шутку, в том, что я «форсирую тезис» о значении семейных традиций в деле выбора жизненной позиции и жизненного пути для каждого из поколений. Однако сам при этом пытался припомнить намеки на художественные интересы в семье, которые подсказали ему его собственный выбор. Итак: мать хотела стать актрисой, однако не стала из-за консервативных взглядов ее отца. Одна из теток получила музыкальное образование и с успехом выступала. О сестре мы уже говорили. А мой собеседник, окончив во Вроцлаве полонистику, освоил в Варшаве режиссерское мастерство и в Государственном высшем театральном училище прошел все ступени академической карьеры, начаы ассистентом у Богдана Коженевского[10], а в 1990 году став профессором.

Станислав Кульчинский, ботаник

Начало его режиссерской работы в качестве, по которой он стал известен публике, связано с театром «Атенеум» и тем особенным, хотя и недолгим периодом, когда Александр Бардини[11] пригласил туда на работу выпускников одного курса Театрального училища. Самые главные спектакли Яна Кульчинского — «Процесс» Кафки и «Двенадцатая ночь» Шекспира, которая была поставлена в «Старой Проховне»[12] и в которой все роли исполняли самые известные польские актрисы. Во время военного положения Ян Кульчинский ушел с поста замдиректора Театра телевидения. Затем в течение 10 лет он работал режиссером в Германии, поставил немало польских пьес. В последнее время филологическая и

Ян Кульчинский, режиссер

театральная линии его жизни сплелись в весьма интересную работу, завершившуюся изданием в 1999 г. книги под названием «Раздевание Гамлета», получившую высокую оценку шекспироведов.

«Мы, безусловно, семья людей амбициозных, — услышала я в конце нашей встречи. — К счастью, со временем это проходит». Я думаю, что, к счастью, это не проходит окончательно, и задаю вопрос о дочери господина профессора, готовящей кандидатскую диссертацию. Отец гордится ее успехами, ее страстью передавать знания, что уже несколько ранее объяснил влиянием традиций учительства. Он считает, что сам достиг неплохой гармонии между амбициями и удовлетворением от того, что ему удалось осуществить.

Текст написан по материалам радиопередачи «Династии ученых», прозвучавшей в Программе BIS Польского радио в феврале 2000 года.

---

[1] В битве при Ольшинке-Гроховской (восточном предместье Варшавы, восточнее Праги) 25 февраля 1830 г. армия польских повстанцев сумела остановить русские войска на подступах к столице и задержать ее штурм. Ср. рассказ Марека Новаковского «Живая история» («НП», 2005, №12). — *Пер.*

[2] Валерий Пшиборовский (1845-1913) — автор, в частности, исторических романов для юношества. — *Здесь и далее прим. авт.*

[3] Юлиуш Остерва (1883-1947) — актер, режиссер, основатель новаторского театра «Редута» («Редут»). Леон Шиллер (1887-1954) — режиссер-новатор, теоретик театра, педагог.

[4] К этой семье принадлежал автор монументальной «Польской библиографии» Кароль Эстрейхер.

[5] Флоренс Найтингейл (1820-1910) — английская медсестра, создательница современного ухода за больными.

[6] Академия знаний (дословно: умений) — собственно говоря, Академия наук, важнейшая организация ученых, основанная в 1871 [в Кракове, на австрийской территории, когда ни в российской, ни в немецкой частях разделенной Польши ничего подобного не существовало. — *Пер.*]. Закрыта властями ПНР, возобновила свою деятельность в 1989.

[7] Граф Станислав Тарновский (1873-1917) — историк литературы, публицист, профессор Ягеллонского университета. Станислав Смолька (1854-1924) — выдающийся медиевист, представитель краковской исторической школы, профессор Ягеллонского университета.

[8] Винцент Витос (1874-1945) — крестьянский деятель, политик, премьер-министр в нескольких правительствах в межвоенный период.

[9] Каролина Ланцкоронская (1898-2002) — философ, историк искусства, боец Армии Крайовой. После войны учредила в Риме Фонд Ланцкоронских из Бжезя, поддерживавший польских ученых-гуманитариев и занимавшийся опекой памятников истории и культуры на бывших землях Речи Посполитой. Часть семейного собрания произведений искусства принесла в дар Королевскому замку в Варшаве.

[10] Богдан Коженевский — см. «НП», 2006, №7-8.

[11] Александр Бардини (1913-1995) — режиссер, педагог.

[12] Малый экспериментальный театр в Варшаве.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Последние стихотворения Чеслава Милоша
В. Гомбрович, Е. Фицовский, Е. Помяновский о Вруно Шульце
Беседа о польской глубинке
К. Маслонь о польской прозе
О. Закиров: из воспоминаний
А. Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
М. Выка о Станиславе Бжозовском
Г. Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?
Р. Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б. Поцей о Ванде Ландовской
К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А. Северин, В. Пшоняк, З. Рыбчинский, А. Холланд, Р. Полянский, А. Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с В. Зинем, Л. Турским

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг, Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Лучшие писатели и критики

Национальная Библиотека представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.

тел.: +48 (22) 627-15-52;
тел./факс: +48 (22) 628-95-07
e-mail: tworczosc@bn.org.pl
www.culture.pl/pl/culture/artykuly/cz_tworczosc

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.

тел.: +48 (22) 826-62-60;
тел./факс: +48 (22) 826-62-35
e-mail: noweksiazki@wp.pl

Dialog

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.

тел.: +48 (22) 608-28-80, +48 (22) 608-28-81;
тел./факс: +48 (22) 608-28-82
e-mail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

DWUTYGODNIK ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году.

тел.: +48 (22) 608-28-70, +48 (22) 608-28-71;
тел./факс: +48 (22) 608-28-72
e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl
www.ruchmuzyczny.pl

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.

тел.: +48 (22) 827-47-91;
тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.

тел.: +48 (22) 608-25-65, +48 (22) 608-27-95
тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl
www.novpol.ru

odra miesięcznik

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.

тел.: +48 (71) 344-77-37;
тел./факс: +48 (71) 343-55-16
e-mail: odra@odra.net.pl
www.odra.net.pl

a akcent literatura i sztuka ● kwartalnik

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит в Люблине с 1980 года.

тел./факс: +48 (81) 532-74-69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

TEATR

Ежемесячник, посвященный современному театру. Обзор последних премьер в Польше и за границей, критика, эссе, комментарии.

тел. +48 (022) 692 88 19;
тел./факс: +48 (022) 692 88 18
e-mail teatr@bn.org.pl

BIBLIOTEKA NARODOWA

Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich
02-086 Warszawa, al. Niepodległości 213, tel. +48 (022) 608 23 74; tel./fax +48 (022) 608 24 88
e-mail: czaspatron@bn.org.pl; www.bn.org.pl

ISSN 1508-5589

Cena 7 zł w tym 0% VAT